БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

3

2021

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **КОХАНОВСКИЙ А. Г.** – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: kohanovsky@bsu.by

Заместитель главного редактора — **МЕНЬКОВСКИЙ В. И.** – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: menkovski@bsu.by

Ответственный секретарь — **МАЛЮГИН О. И.** – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: maliugin@bsu.by

Белецкий С. В. Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
Бон Т. Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородкин Л. И. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Воланcки Ф. Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жеребцов И. Л. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Республика Коми.
Линднер Р. Констанцкий университет, Констанц, Германия.
Упадуэй А. Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Дели, Индия.
Фишер Д. Техасский университет в Браунсвилле, Браунсвилл, США.
Фэн Ш. Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М. Университет Матея Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бригадин П. И. Институт бизнеса Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Вабищевич А. Н. Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э. Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г. Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А. Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Колесник В. Ф. Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
Космач В. А. Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В. Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Локотко А. И. Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзалюк И. А. Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н. Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р. Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Пилипенко М. Ф. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Туманс Х. Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ходин С. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Федосик В. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шадурский В. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	**КАХАНОЎСКІ А. Г.** – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	**МЕНЬКОЎСКІ В. І.** – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	**МАЛЮГІН А. І.** – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: maliugin@bsu.by

Бародкін Л. І. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т. Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Бялецкі С. В. Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры Расійскай акадэміі навук, Санкт-Пецярбург, Расія.
Валанскі Ф. Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жарабцоў І. Л. Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктыўкар, Рэспубліка Комі.
Лінднер Р. Канстанцкі ўніверсітэт, Канстанц, Германія.
Упадуэй А. Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Дэлі, Індыя.
Фішэр Д. Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, Браўнсвіл, ЗША.
Фэн Ш. Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагагічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М. Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

Брыгадзін П. І. Інстытут бізнесу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
Вабішчэвіч А. М. Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э. Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Калеснік В. Ф. Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
Карпаў С. П. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г. Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Космач В. А. Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лакотка А. І. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В. Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А. Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р. Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М. Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Нячухрын А. М. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Піліпенка М. Ф. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Туманс Х. Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Ходзін С. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Фядосік В. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Шадурскі В. Г. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **KAKHANOUSKI A. G.**, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: kohanovsky@bsu.by

Deputy editor-in-chief **MENKOUSKI V. I.**, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: menkovski@bsu.by

Executive secretary **MALIUGIN O. I.**, PhD (history), docent; associate professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: maliugin@bsu.by

Beletsky S. V. Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.
Bohn T. Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Borodkin L. I. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Feng Sh. School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies of the East China Normal University, Shanghai, China.
Fisher D. C. University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
Lindner R. University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Šmigeľ M. Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
Upadhyay A. Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
Wolański F. Institute of History, University of Wroclaw, Wroclaw, Poland.
Yanouski A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zherebtsov I. L. Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Bryhadzin P. I. Institute of Business, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Duk D. V. Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Fedosik V. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karpov S. P. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G. Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzin S. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kolesnyk V. F. Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Koshelev V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A. Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus.
Kovalenya A. A. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V. Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrinovich D. S. Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Lokotko A. I. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Marzaluk I. A. House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M. Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Miknys R. Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Pilipenko M. F. Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Shadurski V. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Tumans H. University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N. Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E. Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.

ОТ РЕДАКЦИИ
АД РЭДАКЦЫІ
EDITORIAL

В 2021 г. отмечает 100-летний юбилей Белорусский государственный университет – старейший классический университет на территории Беларуси. Начало его истории восходит к 25 февраля 1919 г., когда был принят декрет Центрального исполнительного комитета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Белоруссии об открытии университета в Минске. Однако обстоятельства, прежде всего советско-польская война, сложились так, что начать свою деятельность БГУ смог лишь два года спустя: летом 1921 г. был открыт рабочий факультет, а 31 октября – медицинский и общественных наук. Официальное же открытие БГУ состоялось 30 октября на торжественном собрании партийно-советского руководства, общественности, профессуры и студентов.

Для работы в новом университете в Минск приехали многие известные ученые и преподаватели не только из советских республик, но и из-за границы. Были заложены основы формирования научных школ, возникли первые научные коллективы. Начало деятельности БГУ – это начало становления белорусской системы высшего образования и науки.

На базе Белорусского государственного университета возникло множество учебных и научных учреждений. Это Государственная (в последующем – Национальная) библиотека Беларуси, выделившаяся в 1926 г. из университетской библиотеки, ряд институтов, несколько медицинских клиник, НИИ и др. Кадровую основу созданной в 1928 г. Белорусской академии наук также составили ученые университета: в числе первых академиков – половина представителей БГУ.

Тяжелые испытания выпали на долю сотрудников и студентов университета в военные годы. Тем не менее уже в 1943 г. работа БГУ была восстановлена на ст. Сходня под Москвой, а осенью 1944 г. занятия возобновились в освобожденном Минске.

В послевоенные годы в БГУ были созданы и успешно работают по сей день десятки научных школ в области естественных и гуманитарных наук, которые с полным правом считаются национальным достоянием. Университет готовит высококлассных специалистов чуть ли не для всех отраслей народного хозяйства страны, образовательной, научной и иных сфер. Можно с уверенностью констатировать: вековая история БГУ – это и история самостоятельной Беларуси.

В тематическом разделе номера представлены материалы, которые освещают различные аспекты 100-летней истории университета, посвященные преимущественно первым – наименее изученным – годам его становления и развития.

В статье А. Г. Кохановского и О. А. Яновского рассмотрены первые десятилетия формирования исторической науки в БГУ. Сделан вывод о том, что с самого начала деятельности в нем развивались важнейшие направления исторических исследований. Особое место заняло белорусоведение – важнейшая сфера профессиональной деятельности как историков, так и археологов, этнографов, источниковедов, историографов, архивистов. Также глубоко изучалась российская и общеславянская история, с 1920-х гг. берут начало белорусские антиковедение, медиавистика, новистика и др. Отмечается, что столь широкий спектр исследований во многом определялся тем, что университет должен был готовить специалистов в соответствующих областях знаний. Историки БГУ инициировали создание отдельных исследовательских обществ и учреждений, в том числе Института белорусской культуры и Белорусской академии наук. Выделяются этапы развития университетской исторической науки.

В исследовании О. А. Яновского на основе архивных материалов и других источников рассмотрен сложный процесс становления математического

образования, а также научные исследования в различных областях математической науки в Белорусском государственном университете. Особое внимание обращено на дискуссии 1919–1921 гг. среди официальных лиц и ученых по поводу необходимости создания в БГУ отдельного математического факультета. Впервые подробно излагается позиция выдающегося математика и организатора математического образования уроженца Беларуси И. Р. Брайцева. О. А. Яновский отмечает, что 1920-е гг. – значимый этап в формировании высокого уровня университетской математики.

Статья О. И. Малюгина посвящена рассмотрению научной и педагогической деятельности знаменитого слависта А. Н. Ясинского в последний – московско-минский – период его жизни. Революционные события 1917–1921 гг. вынудили его, как и многих других представителей столичной интеллигенции, искать работу в новых провинциальных университетах. С 1922 г. он преподавал в БГУ, став одним из родоначальников белорусской медиевистики и славистики. В 1928 г. был избран академиком вновь созданной Белорусской академии наук, где продолжал исследования как чешского Средневековья, так и истории Беларуси в Средние века. Внешние обстоятельства не позволили А. Н. Ясинскому создать в Беларуси свою научную школу, а его исследования 1920-х гг. остались малоизвестными.

В материале В. А. Остроги анализируются место и роль кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета БГУ в становлении и развитии преподавания в различных высших учебных заведениях Беларуси в 1930–1970-е гг. Рассмотрена эволюция кафедры как ведущего научно-образовательного центра в своей области. Характеризуется работа преподавателей БГУ в Минском государственном педагогическом институте имени А. М. Горького, Витебском государственном педагогическом институте имени С. М. Кирова, Минской высшей партийной школе при ЦК КПБ, Минском государственном педагогическом институте иностранных языков, Гомельском государственном университете имени Франциска Скорины и др.

Редакция надеется, что представленные материалы найдут отклик среди читателей и вызовут интерес не только к истории Белорусского государственного университета, но и к истории высшего образования и науки в Беларуси в целом.

Тематический раздел

Тэматычны раздзел

Special topic section

К столетию создания БГУ

Да стагоддзя стварэння БДУ

Belarusian State University celebrates 100th anniversary

УДК 93/94:378.4(476-25)096+93/94(072)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1920–50-е гг.)

А. Г. КОХАНОВСКИЙ[1)], ***О. А. ЯНОВСКИЙ***[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Рассмотрен вековой путь становления и развития исторической науки в Белорусском государственном университете. Сделан вывод о том, что с самого основания в нем сформировались важнейшие направления исторических исследований. Особое место заняло белорусоведение, которое стало сферой профессиональной деятельности

Образец цитирования:
Каханоўскі АГ, Яноўскі АА. Станаўленне і развіццё гістарычнай навукі ў Беларускім дзяржаўным універсітэце (1920–50-я гг.). *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.* 2021;3:7–18.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-7-18

For citation:
Kakhanouski AG, Yanouski AA. Formation and development of historical science in the Belarusian State University (1920–50s). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;3:7–18. Belarusian.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-7-18

Авторы:
Александр Геннадьевич Кохановский – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета.
Олег Антонович Яновский – кандидат исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории России исторического факультета.

Authors:
Aliaksandr G. Kakhanouski, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history.
kohanovsky@bsu.by
Aleh A. Yanouski, PhD (history), full professor; head of the department of Russian history, faculty of history.
helgoleg@mail.ru

CC BY NC

как историков, так и археологов, этнографов, источниковедов, историографов, архивистов. Также глубоко изучалась российская и общеславянская история, с 1920-х гг. берут начало белорусские антиковедение, медиавистика, новистика и др. Отмечается, что столь широкий спектр исследований во многом определялся тем, что университет должен был готовить специалистов в соответствующих областях знаний. Историки БГУ инициировали создание отдельных исследовательских обществ и учреждений, в том числе Института белорусской культуры и Белорусской академии наук. Описаны этапы развития, а также современное состояние университетской исторической науки.

Ключевые слова: историческая наука; историки; Белорусский государственный университет; белорусоведение; учебники по истории; научные школы; подготовка научных кадров.

СТАНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЁ ГІСТАРЫЧНАЙ НАВУКІ Ў БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ (1920–50-я гг.)

А. Г. КАХАНОЎСКІ[1*]***, А. А. ЯНОЎСКІ***[1*]

[1*]*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Разгледжаны 100-гадовы шлях станаўлення і развіцця гістарычнай навукі ў Беларускім дзяржаўным універсітэце. Зроблена выснова аб тым, што з самага заснавання ў ім сфарміраваліся важнейшыя вобласці гістарычных даследаванняў. Асаблівае месца заняло беларусазнаўства, якое стала сферай прафесійнай дзейнасці як гісторыкаў, так і археолагаў, этнографаў, крыніцазнаўцаў, гістарыёграфаў, архівістаў. Адначасова глыбока вывучалася расійская і агульнаславянская гісторыя, з 1920-х гг. бяруць свой пачатак беларускія антыказнаўства, медыявістыка, навістыка і інш. Заўважана, што такі шырокі спектр навуковых даследаванняў шмат у чым вызначаны тым, што ўніверсітэт павінен быў рыхтаваць спецыялістаў адпаведных кірункаў ведаў. Гісторыкі БДУ з'яўляліся ініцыятарамі стварэння асобных навукова-даследчых таварыстваў і ўстаноў, у тым ліку Інстытута беларускай культуры і Беларускай акадэміі навук. Апісаны этапы развіцця, а таксама сучасны стан гістарычнай навукі ў БДУ.

Ключавыя словы: гістарычная навука; гісторыкі; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; беларусазнаўства; падручнікі па гісторыі; навуковыя школы; падрыхтоўка навуковых кадраў.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF HISTORICAL SCIENCE IN THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY (1920–50s)

A. G. KAKHANOUSKI[a]***, A. A. YANOUSKI***[a]

[a]*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus*

Corresponding author: A. G. Kakhanouski (kohanovsky@bsu.by)

The article examines the century long way of formation and development of historical science at the Belarusian State University. It is concluded that from the very beginning of the university's activity, the most important directions of historical research were formed in it. A special place was occupied by Belarusian studies, which became the sphere of professional activity of both historians and archaeologists, ethnographers, source researchers, historiographers, and archivists. At the same time, Russian and Slavic history was also deeply studied and since the 1920s. Belarusian antiquity, media studies, novistics et cetera has originated. It is noted that such a wide range of studies was largely determined by the fact that the university had to train specialists in the relevant fields of knowledge. Historians of BSU initiated the creation of separate research societies and institutions, including the Institute of Belarusian Culture and the Belarusian Academy of Sciences. Highlighted the stages of development of university historical science, which were characterised by their distinctive features and were determined by socio-political factors. The current state of the historical science of BSU is outlined.

Keywords: historical science; historians; Belarusian State University; Belarusian studies; history textbooks; scientific schools; training of scientific personnel.

Уводзіны

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт святкуе 100-годдзе. Дата, без перабольшання, мае выключнае значэнне не толькі для самой установы адукацыі, але і для краіны. З пачатку працы ўніверсітэт стаў важнейшым інстытутам, які вызначыў станаўленне вышэйшай адукацыі і навукі ў нашай краіне і садзейнічаў афармленню сучаснай беларускай дзяржаўнасці. БДУ адыграў таксама выключную ролю ў інстытуцыяналізацыі гістарычнай навукі ў Беларусі, хаця асобныя даследаванні ў гэтай галіне бяруць пачатак у XIX ст., калі пад уплывам ідэй рамантызму нараджалася цікавасць да беларусазнаўства.

На парозе 100-гадовага юбілею неабходна звярнуцца да развіцця гістарычнай навукі ў БДУ, якая сёння прадстаўлена перш за ўсё даследаваннямі, здзейсненымі на гістарычным факультэце. У апошнюю чвэрць стагоддзя вывучэнне гісторыі знешняй палітыкі пашырана таксама і на факультэце міжнародных адносін.

Гістарычны факультэт назапасіў, без сумнення, найбольшы ў краіне навуковы і экспертны патэнцыял практычна па ўсяму спектру гістарычных ведаў. Тут працуюць вядомыя ў Беларусі і за яе межамі гісторыкі, медыявісты, антыказнаўцы, мастацтвазнаўцы, этнолагі, археолагі, архівісты, спецыялісты ў галіне дакументацыйнага забеспячэння кіравання і інш. У іх ліку – 18 дактароў навук, прафесараў, каля 80 кандыдатаў навук, дацэнтаў. На факультэце атрымалі развіццё навуковыя школы па гісторыі беларускай дзяржаўнасці, сацыяльнай гісторыі Беларусі, германістыцы, гісторыі Расіі і славянскіх краін, краін Бліжняга Ўсходу і Паўночнай Афрыкі, гістарыяграфіі, крыніцазнаўству і інш. На гістарычным факультэце дзейнічае буйнейшая ў Беларусі аспірантура і дактарантура па гістарычных навуках. На дзевяці кафедрах дынамічна развіваюцца навуковыя даследаванні, актуалізуюцца іх прыярытэты і тэматыка, абнаўляецца метадалагічны інструментарый. Вельмі актыўна выкарыстоўваецца міждысцыплінарны падыход. Навуковую працу выкладчыкаў і супрацоўнікаў факультэта вызначае высокая публікацыйная актыўнасць. За 2015–2021 гг. імі апублікавана каля 3700 навуковых работ, у тым ліку звыш 60 манаграфічных даследаванняў, каля 280 навучальных дапаможнікаў (агульным аб'ёмам звыш 4500 друк. арк.). У апошнія гады на аснове шматлікіх архіўных матэрыялаў выкладчыкамі і супрацоўнікамі гістарычнага факультэта падрыхтаваны тры кнігі выдання «Интеллектуальная элита Беларуси» [1–3], дзе праз жыццёвы і творчы шлях прафесараў універсітэта паказана значэнне навукі і ўніверсітэцкай карпарацыі ў станаўленні нацыянальнай беларускай дзяржавы, яе палітычных і культурных асноў. Да друку падрыхтаваныя яшчэ дзве кнігі з гэтай серыі.

Штогод факультэт арганізуе і праводзіць у сярэднім 20–30 навуковых мерапрыемстваў рознага ўзроўню: міжнародныя навуковыя канферэнцыі, круглыя сталы, семінары і інш. Выкладчыкі факультэта выступаюць з дакладамі на канферэнцыях у іншых навукова-педагагічных установах Беларусі і за яе межамі. Асабліва варта адзначыць істотнае значэнне ўдзелу выкладчыкаў і навучэнцаў факультэта ў выкананні заданняў дзяржаўных праграм навуковых даследаванняў на працягу апошніх 15–20 гадоў. У 2016–2020 гг. факультэт з'яўляўся адной з галаўных арганізацый выканання падпраграмы «Гісторыя і культура» ў межах Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства». Плённае супрацоўніцтва з Інстытутам гісторыі НАН Беларусі і даследчыкамі з іншых вышэйшых навучальных устаноў (ВНУ) краіны працягваецца ў межах выканання падпраграмы «Гісторыя», якая запланавана на 2021–2025 гг. як складовая частка Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы», дзе зноў жа Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт выступае ў якасці адной з галаўных арганізацый.

Метадалогія і гістарыяграфія даследавання

Вызначаную ў загалоўку артыкула тэму аўтары ў сваіх ранейшых публікацыях разглядалі неаднойчы, але закраналі толькі некаторыя яе аспекты: аналізавалі пэўны храналагічны перыяд, высвятлялі характар навуковых даследаванняў гісторыкаў БДУ, апісвалі творчы лёс таго ці іншага гісторыка, каб на яго прыкладзе прасачыць некаторыя агульныя тэндэнцыі станаўлення і далейшага развіцця як універсітэцкай, так і беларускай гістарычнай навукі [4; 5]. У дадзеным выпадку, з нагоды 100-гадовага юбілею нашай альма-матар, ёсць усе падставы больш абагулена і паслядоўна разглядзець, як з 1921 г. і да канца 1950-х гг. супольніцтва гісторыкаў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта вызначала найважнейшыя кірункі даследаванняў, ажыццяўляла індывідуальныя і калектыўныя навуковыя распрацоўкі праблем, імкнучыся адпавядаць самым высокім патрабаванням прафесіі і запытам дзяржавы і грамадства.

Раскрыццё заяўленай тэмы патрабуе вырашэння некалькіх задач: па-першае, вызначыць этапы

станаўлення і развіцця гістарычнай навукі ў БДУ; па-другое, акрэсліць найбольш характэрныя для ўніверсітэцкіх вучоных вобласці навуковых інтарэсаў з улікам пастаянных змен у творчых прыярытэтах; па-трэцяе, прадставіць дзясяткі выдатных асоб з універсітэцкай карпарацыі гісторыкаў. Зразумела, відавочнай рысай развіцця гістарычнай навукі ў БДУ на працягу ўсяго 100-гадовага шляху было шчыльнае супрацоўніцтва як з беларускімі калегамі (акадэмічнымі даследчыкамі і гісторыкамі большасці ВНУ), так і з гісторыкамі спачатку ўсёй савецкай дзяржавы, а сёння – многіх краін свету. Характэрна, што ўжо з першых гадоў дзейнасці БДУ яго гісторыкі падтрымлівалі вельмі цесныя адносіны з калегамі – прадстаўнікамі шматлікіх еўрапейскіх універсітэтаў.

Сама пастаноўка тэмы і шырыня яе храналагічных рамак патрабуюць асэнсавання найбольш відавочных этапаў эвалюцыі ўніверсітэцкай гістарычнай навукі. Пры гэтым трэба ўлічваць пэўную ўмоўнасць іх вылучэння, бо кожны мае свае ўнутраныя падзелы і навуковыя дамінанты. Нельга ігнараваць розныя падзеі і працэсы, якія магчыма браць за кропкі адліку для характарыстыкі развіцця гісторыі як навукі, гісторыі як прадмета вывучэння і выкладання, а таксама гісторыі як перасячэння мінулага і сучаснага. Гэтыя аспекты ў розных даследчыцкіх інтэрпрэтацыях і з рознай пастаноўкай праблемы неаднойчы браліся да ўвагі беларускімі гісторыкамі [6–8]. Няпоўны пералік навуковых даследаванняў гісторыкаў БДУ за 1921–1994 гг. знайшоў адлюстраванне ў [9].

Асноўная частка

Кожнаму этапу развіцця ўніверсітэцкай гістарычнай навукі ў той ці іншай ступені адпавядае дзейнасць канкрэтных навукоўцаў. Творчасць некаторых ахоплівае некалькі этапаў. Трэба адразу звярнуць увагу на ўнікальны па сваёй сутнасці факт: з самых вытокаў дзейнасці БДУ ў яго сценах пачаліся даследаванні амаль што па ўсіх найважнейшых напрамках гістарычнай навукі. Трэба ўлічваць, што ў Беларусі да гэтага не было сістэмнай распрацоўкі ўласна айчыннай гісторыі, не гаворачы ўжо пра праблематыку ўсеагульнай, а тым больш некаторыя асаблівыя і спецыфічныя кірункі гістарычных ведаў.

У 1920-я гг. не вучэбныя праграмы патрабавалі прыцягнення адпаведных спецыялістаў, а навуковая кваліфікацыя і схільнасці даследчыкаў вызначалі структуру вучэбнага працэсу. Выкладанне розных гістарычных дысцыплін было вельмі стракатым, у суме яны ахоплівалі як важнейшыя раздзелы, так і пэўныя тэмы гісторыі, што адлюстроўвалі тагачасныя навуковыя прыхільнасці выкладчыкаў. Гэту сітуацыю цікава падаў у сваіх успамінах адзін з першых прафесараў-гісторыкаў БДУ У. М. Перцаў. Ён адзначаў, што ўніверсітэт пэўны час знаходзіўся ў «зародышевой своей жизни, и ему приходилось прокладывать себе дорогу в будущее среди великого рода препятствий»[1]. Прафесар меў на ўвазе тое, што «не было твердого учебного плана, ни программ отдельных дисциплин… приходилось ориентироваться на наличные преподавательские силы, а не на учебные планы; иначе говоря, не столько преподаватели приглашались для чтения определенных курсов, сколько определение и характер курса находились в зависимости от имеющихся научных сил». Гісторык таксама падкрэсліваў факт адсутнасці ў першыя гады ўніверсітэцкіх кафедр «как организации преподавателей определенного цикла родственных дисциплин». Іх замянялі гістарычныя прадметныя камісіі, спачатку на факультэце грамадскіх навук, а з 1922 г. – на педагагічным факультэце[2].

Прадметныя камісіі ў складзе, як правіла, прафесараў паступова фарміравалі вучэбны план. У ім улічваліся і запатрабаванні сферы школьнай адукацыі, і неабходнасць рыхтаваць дасканалых і рознабаковых навукоўцаў. Адзначым і такі важны аспект станаўлення гістарычнай навукі ў БДУ, як увага да гісторыі народнай адукацыі ў цэлым, а таксама да гісторыі вышэйшай школы ў Беларусі, Літве, Расіі, Польшчы. Акрамя таго, трэндам першага дзесяцігоддзя развіцця БДУ была зацікаўленасць студэнцтва гісторыяй навукі і тэхнікі, розных дакладных прыродазнаўчых і гуманітарных навук. Без перабольшання можна казаць, што з’явілася грунтоўная навуковая аснова для развіцця важнейшых кірункаў гісторыі, што абумовіла насычэнне вучэбнага працэсу ў БДУ разнастайнымі і глыбокімі па сваёй сутнасці курсамі, спецкурсамі, семінарамі. Тым самым ствараліся ўмовы для хуткай падрыхтоўкі гісторыкаў вышэйшай прафесійнай кваліфікацыі ў Беларусі. Такім чынам, з 1921 г. у БДУ з нарастаючай інтэнсіўнасцю і выніковасцю сталі весціся даследаванні па некалькіх напрамках гістарычных ведаў. Адразу сфарміравалася ўніверсітэцкае беларусазнаўства, якое з першых дзён стала паўнавартасным па сваіх складніках: гісторыі, архівістыцы, крыніцазнаўству, археалогіі, этнаграфіі, мастацтвазнаўству, краязнаўству. Яго ўвасобілі прадстаўнікі першага складу выкладчыкаў факультэта грамадскіх навук і педагагічнага

[1]Нац. арх. Рэсп. Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Воп. 1. Спр. 751. Арк. 101–102.
[2]Там жа.

факультэта, а ў хуткім часе і іх першыя выпускнікі. Пачынальнікамі сталі першы рэктар БДУ У. І. Пічэта, наркам, дэкан і прафесар У. М. Ігнатоўскі, а разам з імі М. В. Доўнар-Запольскі, Д. І. Даўгяла, В. Д. Дружчыц, А. М. Ляўданскі, М. М. Шчыкаціхін, І. А. Сербаў, А. А. Савіч, І. І. Краскоўскі, Д. А. Дудкоў, І. А. Віткоўскі і інш. У хуткім часе да іх далучыліся першыя аспіранты, падрыхтаваныя на педагагічным факультэце. Спачатку некалькі здольных маладых людзей (Ф. І. Забела, А. В. Бурдзейка, К. М. Таўсталес-Шыёнак і інш.) сканцэнтруюцца вакол У. І. Пічэты і стануць спасцігаць навуковую беларусістыку па ўнікальных хатніх «пічэтніках», а з 1927 г. аспірантура БДУ афіцыйна пачне рыхтаваць навуковыя кадры. Першымі, каго Наркампрас БССР накіруе на вучобу ў аспірантуры, стануць гісторыкі К. І. Кернажыцкі і В. І. Скардзіс.

Неабходна падкрэсліць адметную ролю БДУ ў арганізацыі ў БССР навуковых даследаванняў па гісторыі, стварэнні Інбелкульта, а затым Беларускай акадэміі навук (БАН). Яшчэ вясной 1921 г. было вырашана стварыць у складзе ўніверсітэта асобны навукова-даследчы інстытут беларускай і яўрэйскай культуры. Праўда, з-за розных меркаванняў палічылі за лепшае арганізаваць толькі Інбелкульт, але па-за структурай БДУ. Між тым У. І. Пічэта быў адным з самых актыўных яго стваральнікаў.

Інстытуцыяналізацыя навуковых даследаванняў па розных кірунках гісторыі адбылася 30 снежня 1920 г., калі будучы рэктар У. І. Пічэта і члены камісіі па арганізацыі БДУ ўдзельнічалі ў стварэнні Таварыства гісторыі і старажытнасцей. З пачатку дзейнасці ўніверсітэта пасяджэнні таварыства праходзілі амаль выключна ў Доме № 1 БДУ, гісторыкі былі самымі актыўнымі іх удзельнікамі[3]. Так, 25 лютага 1922 г. адбыўся арганізацыйны сход, на якім было прынята рашэнне аб стварэнні асобнага Навуковага таварыства БДУ з чатырма секцыямі (у тым ліку грамадскіх навук)[4]. Крыху пазней, 26 мая 1922 г., на савеце БДУ У. І. Пічэта дакладваў аб тым, што ўніверсітэт актыўна ўключыўся ў адраджэнне беларускай гісторыі і культуры і не страціў імкнення ў «ближайшем будущем» стварыць менавіта пры БДУ навукова-даследчы інстытут беларускай культуры, каб справа пайшла «быстрыми шагами»[5]. Як не раз адзначалася ў той час на розных узроўнях, універсітэт павінен быў «зьяўляцца цэнтрам разумовага росту для цэлага краю», «сапраўды культурным цэнтрам БССР»[6]. Усе гады дзейнасці большасць правадзейных членаў Інбелкульта складалі прафесары і выкладчыкі БДУ. У 1927 г. у спісе, які зацвярджаўся на пасяджэнні СНК БССР, усе 14 названых прозвішчаў правадзейных членаў належаць вучоным універсітэта[7]. Па сутнасці, ініцыятарам стварэння БАН быў рэктар У. І. Пічэта, аб чым сведчыць яго зварот да ўдзельнікаў VIII Усебеларускага з’езда Саветаў у красавіку 1927 г.: «Мне здаецца, што ў сучасны момэнт трэба паставіць пытаньне аб адчыненьні беларускай акадэміі навук. Калі на Беларусі будзе акадэмія навук, якая стане асяродкам навуковай працы, навуковы рух пойдзе ўперад больш хуткім тэмпам»[8]. Пазней, 14 кастрычніка 1928 г., газета «Звязда» надрукавала яго артыкул з аргументацыяй на карысць рэарганізацыі Інбелкульта ў акадэмію навук, бо гэта «…з’яўляецца фактам надзвычайна вялікага культурнага значэньня… Арганізацыя новай акадэміі дасьць магчымасьць яшчэ больш пашырыць навуковую працу ў справе ўсебаковага вывучэньня Беларусі…»[9].

У 1925–1926 гг. ва ўніверсітэце працаваў М. В. Доўнар-Запольскі, які падрыхтаваў у гэты перыяд дзве буйныя працы: «Народное хозяйство Белоруссии, 1861–1914 гг.» [10] і «История Белоруссии», якая доўгі час была недаступнай шырокаму колу чытачоў і была выдадзена толькі праз некалькі дзесяцігоддзяў [11]. Абедзве працы шмат у чым акрэслілі канцэптуальнае бачанне М. В. Доўнар-Запольскім гісторыі Беларусі, сталі прадметам дыскусій і крытычнага падыходу савецкіх гісторыкаў у пазнейшы час. Многія высновы навукоўца знайшлі пацвярджэнне ў працах сучасных беларускіх даследчыкаў. Асабліва гэта датычыцца яго думкі аб вылучэнні 1880-х гг. у якасці этапу капіталістычнай трансфармацыі беларускага грамадства. Канцэптуальнае асэнсаванне гісторыі Беларусі прысутнічала таксама ў працах У. М. Ігнатоўскага, У. І. Пічэты і інш. [12–16].

Заўважным кірункам даследаванняў гісторыкаў БДУ ў 1920-я гг. было расіязнаўства. Патрэбна звярнуць увагу на вялікую ролю Савецкай Расіі ў стварэнні ўніверсітэта ў Мінску. Тым больш што да 1923 г. менавіта яна фінансавала яго дзейнасць, з Расіі прыбылі ва ўніверсітэт многія прафесары. З пачатку 1921 г. запрашэнні працаваць у Мінску зыходзілі непасрэдна ад У. І. Пічэты, прызначанага кіраўніком часовага праўлення БДУ. Вопыт, шырокае кола кантактаў у навуковым асяроддзі дазвалялі яму паспяхова гэта рабіць. Праўда, не заўсёды ён праяўляў «рэвалюцыйную пільнасць», што,

[3]Минское общество истории и древностей // Вестн. Наркомпроса ССРБ. 1921. № 2. С. 40–42.
[4]НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 12. Арк. 4 зв.
[5]Там жа. Арк. 6.
[6]Сав. Беларусь. 1925. 4 лістап. (Тэксты дакументаў і матэрыялаў прыводзяцца з захаваннем моўных асаблівасцей арыгінала.)
[7]НАРБ. Ф. 6. Воп. 1. Спр. 1276. Арк. 302–303.
[8]Звязда. 1927. 12 крас.
[9]Там жа. 1928. 14 кастр.

напрыклад, прывяло да заключэння дамоўленасці са знакамітым расіязнаўцам А. Ф. Ізюмавым, якога савецкія ўлады хутка абвінавацілі ў антысавецкіх настроях і на «філасофскім параходзе» выслалі за мяжу. Не склаўся лёс у Беларусі і спецыяліста па расійскай і польскай гісторыі В. У. Навадворскага[10]. Аднымі з прызнаных даследчыкаў-расіязнаўцаў былі Д. А. Жарынаў і А. А. Савіч. Запрашалі на працу ў БДУ С. А. Піянткоўскага – маладога даследчыка гісторыі рэвалюцыйных падзей і Грамадзянскай вайны. Да гэтай праблематыкі далучыліся першыя выхаванцы савецкай вышэйшай школы – «камвузаўцы» М. А. Поташ, М. С. Югаў, а таксама фактычна першы загадчык універсітэцкай кафедры гісторыі Расіі (потым – кафедры гісторыі народаў СССР Беларускага дзяржаўнага вышэйшага педагагічнага інстытута (далей – педінстытут)) У. Ю. Гесэн.

Станаўленне ў БДУ славяназнаўства як важнага навуковага кірунку таксама звязана з асобай У. І. Пічэты, хаця яго даследчыцкая актыўнасць у гэты час была скіравана пераважна на беларусазнаўства. Калі падлічыць колькасць прац, надрукаваных ім за беларускі перыяд жыцця і творчасці (з вясны 1921 г. да арышту ў верасні 1930 г.), карціна атрымліваецца відавочная: па беларусазнаўству ён выдаў больш за 90 прац, у той час як па расіязнаўству – крыху болей за 30, а па славяназнаўству – каля 20 [17, с. 35–51]. Адным з найбольш яркіх славістаў сярод выкладчыкаў БДУ быў А. М. Ясінскі. З верасня 1922 г. і па верасень 1928 г. ён працаваў у Мінску, быў зацверджаны ў шэрагу першых акадэмікаў БАН.

Названыя кірункі навуковых даследаванняў можна лічыць першаснымі ў аспекце важнасці для нараджэння беларускай гістарычнай навукі. Хаця не менш актуальным было засваенне іншых абласцей сусветнай гісторыі, у тым ліку і антыказнаўства ў яго шырокім даследчыцкім полі. Тут знамянальнай кропкай адліку стала першая лекцыя маскоўскага прафесара Д. П. Канчалоўскага, з якой і пачаўся навучальны працэс у БДУ. Так, 31 кастрычніка 1921 г. ён прачытаў студэнтам лекцыю аб культуры народаў Міжземнамор’я ў часы Рымскай імперыі. Пасля хуткага ад’езду ў Маскву першага лектара-прафесара БДУ яго курс выкладаў запрошаны са Смаленска У. М. Дзякаў – вядомы спецыяліст па гісторыі Старажытнага Рыма. Еўрапейскай медыявістыцы былі прысвечаны лекцыі С. А. Ляскоўскага, для яўрэйскай секцыі педагагічнага факультэта лекцыі па Антычнасці і Сярэднявеччы чытаў С. Р. Лазінскі. Падобнай тэматыкай займаліся прафесары І. Ю. Маркон, Г. С. Аляксандраў, І. Д. Сосіс. Спачатку ў выкладанні ўсеагульнай гісторыі дамінавала Антычнасць, бо ў БДУ было некалькі спецыялістаў у гэтай галіне. А вось медыявістыка атрымала пашырэнне ў сценах БДУ крыху пазней і ўвасобілася ў даследчыцкай працы У. М. Перцава і Д. М. Ягорава.

На высокі навуковы ўзровень адразу была ўзнятая гісторыя мастацтваў. Гэты кірунак гістарычных ведаў выкладалі М. М. Шчыкаціхін і М. Р. Сыркін. Па этнаграфіі і археалогіі глыбокія навуковыя даследаванні праводзілі І. А. Сербаў і А. М. Ляўданскі.

Змест выкладання ва ўніверсітэце ў 1920-я гг. быў цалкам прэрагатывай выкладчыка, асабліва калі ён быў знакаміты спецыяліст, прафесар. Для гэтага было некалькі прычын. Па-першае, напачатку нярэдка не хапала элементарнага парадку і дысцыпліны ў арганізацыі вучэбнага працэсу. Па-другое, прысутнічаў давер да выкладчыкаў, з такой цяжкасцю запрошаных на працу ў Мінск. Па-трэцяе, адчуваліся агульны рэвалюцыйны настрой, распрыгоньванне ў дзеяннях і выказваннях. Па-чацвёртае, што, на нашу думку, з’яўляецца галоўным, «старая» прафесура вынесла з мінулага верхавенства навукі, карпаратыўнасць і адасобленасць ад усяго і ўсіх. Толькі прыкладна з 1928 г. і назвы вучэбных дысцыплін, і іх змест сталі прадметам кантролю з боку ўніверсітэцкай адміністрацыі і знешніх кантралюючых органаў.

Гісторыяй першабытнага грамадства, Усходу і рэлігій займаўся такі ўніверсальны даследчык, як М. М. Нікольскі. Ён быў літаральна выцягнуты на працу ў БДУ са Смаленскага ўніверсітэта, дзе займаў пасаду рэктара. Гэта ва ўсіх адносінах выдатная асоба: глыбокі даследчык актуальных і сёння навуковых праблем (біблеістыкі, іўдаікі, гісторыі рэлігій, Старажытнага Усходу і інш.), арганізатар навуковага і навучальнага працэсу ў Беларусі (дэкан педагагічнага факультэта БДУ, а пазней дырэктар Інстытута гісторыі АН БССР). Знамянальна, што ў Мінску ён далучыўся да распрацоўкі праблем беларускай гісторыі і этнаграфіі. Дарэчы, у 1920-я гг. М. М. Нікольскі выкладаў разам са сваім даўнім знаёмым У. М. Дзякавым. Гэты навуковы тандэм ужо ў пасляваенны час стварыў падручнік па гісторыі старажытнага часу. У 1933 г. М. М. Нікольскі ў Маскве апублікаваў першы падручнік для 5-га класа сярэдняй школы пад характэрнай назвай «История. Доклассовое общество. Древний Восток. Античный мир», які тут жа быў перавыдадзены ва ўсіх савецкіх рэспубліках.

Вялікай праблемай першага дзесяцігоддзя дзейнасці БДУ была амаль поўная адсутнасць падручнікаў. Іх падрыхтоўка стала абавязкам для гісторыкаў розных кірункаў ведаў. Да вырашэння задачы быў прыцягнуты таксама Інстытут беларускай культуры, у якім першасныя ролі належалі выкладчыкам універсітэта. Напрыклад, па заданню Наркампраса БССР У. І. Пічэта, М. В. Доўнар-Запольскі, В. Д. Дружчыц, Д. І. Даўгяла павінны былі распрацаваць

[10]НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 29.

школьныя вучэбныя карты па перыядах першабытнасці, знаходжання беларускіх зямель у складзе ВКЛ і Рэчы Паспалітай. Увогуле, праблема падрыхтоўкі падручнікаў знаходзілася ў рэчышчы не толькі навуковых распрацовак, але і эвалюцыі грамадска-палітычнай сітуацыі ў краіне. Калі ў 1920-я гг. у вучэбны працэс БДУ і школ Беларусі ўводзіліся выданні, падрыхтаваныя У. М. Ігнатоўскім, У. І. Пічэтам і іх калегамі, то з канца гэтага дзесяцігоддзя створаная імі вучэбная і часткова навуковая літаратура, якой карысталіся дзясяткі тысяч навучэнцаў, аказалася пад забаронай на доўгія гады.

У 1920-я гг. дамінуючай у савецкай гістарычнай навуцы была так званая школа Пакроўскага, якая амаль цалкам адвяргала неабходнасць вывучэння і навуковай распрацоўкі як сусветнай, так і расійскай гісторыі да XIX ст. Гісторык-бальшавік М. М. Пакроўскі лічыў дакапіталістычную эпоху як пэўныя ўводзіны да «сапраўднай гісторыі» з яе рэвалюцыйнымі пераўтварэннямі. Такі погляд адбіваўся і на даследчыцкіх ініцыятывах гісторыкаў БДУ. У сувязі з гэтым прадстаўленне ў сценах першага беларускага ўніверсітэта агульнай карціны развіцця чалавецтва – і антыказнаўства, і гісторыі рэлігій, і гісторыі Сярэдніх вякоў, і пачатковага этапу новай гісторыі – можна лічыць асабістай заслугай першага пакалення беларускіх гісторыкаў незалежна ад іх паходжання, нацыянальнасці, ранейшай навуковай дзейнасці. Даследчыкам Сярэднявечча і Новага часу стаў прафесар, а потым акадэмік АН БССР У. М. Перцаў. Ён таксама, як і М. М. Нікольскі, Д. А. Жарынаў, У. І. Пічэта, аказаўся ў Мінску «праз Смаленск». Кола яго навуковых інтарэсаў пастаянна пашыралася. У БДУ ён займаўся праблемамі гісторыі Старажытнай Грэцыі, еўрапейскага Сярэднявечча, а потым сканцэтраваў увагу на германістыцы. Цікава, што гэты прызнаны медыявіст адным з першых вызначыў ролю Кастуся Каліноўскага ў гісторыі Беларусі. Пасля манаграфіі У. М. Ігнатоўскага «1863 год на Беларусі: нарыс падзей» (1930) і нядоўгага існавання ва ўладных колах пазітыўнага ўспрыняцця гэтай асобы беларускай гісторыі, а ў грамадстве амаль што яго культу [18, с. 10] У. М. Перцаў зноў звярнуўся да высновы, што К. Каліноўскі – «славный деятель белорусского революционного движения», які «одинаково горячо боролся и против царской России, и против помещичьей Польши и стремился придать революционному движению в Белоруссии самостоятельный республиканский и демократически-крестьянский характер…»[11].

Разам з У. М. Перцавым праблемамі новай і навейшай гісторыі замежных краін у 1920-я гг. займаліся Г. В. Яфімаў і выпускнік педагагічнага факультэта БДУ І. В. Герчыкаў. Апошні яшчэ студэнтам пачаў весці семінарскія заняткі, а потым чытаць лекцыі і друкаваць артыкулы па розных кірунках новай гісторыі. Пазней ён стаў вядомым навістам ва ўніверсітэтах Паволжа.

Храналагічнай мяжой, пасля якой ранейшыя дасягненні беларускай гістарычнай навукі былі скасаваныя, можна лічыць 1928 г. Навукоўцы ў поўнай меры адчулі вялікі перелом, многія аказаліся выкінутымі з прафесіі, некаторым давялося пакінуць Мінск. Спачатку «баластам» і праяўленнем «шматпрадметнасці» палічылі гістарыяграфію, археалогію, гісторыю антычных культур, этнаграфію і мноства іншых дысцыплін у падрыхтоўцы гісторыкаў. Хутка сацыяльна-гістарычнае аддзяленне педагагічнага факультэта зведала бясконцыя змены вучэбных планаў, эксперыменты з методыкамі выкладання, скарачэнне часу навучання. Многія з гісторыкаў былі абвінавачаны ў «нацдэмаўшчыне», абазначаны як «заядлыя праваднікі контррэвалюцыі», «прыхільнікі вялікадзяржаўнага шавінізму» і тэорыі самабытнасці беларускай інтэлігенцыі. Былы рэктар заслужаны прафесар БССР У. І. Пічэта, які быў арыштаваны і заключаны ў ленінградскіх «Крыжах», атрымаў абвінавачванне ў тым, што зрабіў «навуковае абгрунтаванне бязкласавасьці навукі». Пасля выдзялення са структуры БДУ педагагічнага факультэта гістарычная навука ўвогуле перастала быць прадметам выкладання і даследчыцкай дзейнасці.

Між тым універсітэцкія гісторыкі, дзе б яны ні працягвалі працаваць – ці ў БАН, ці ў педінстытуце, – імкнуліся адпавядаць новым стратэгіям на фронце гістарычнай навукі. Напрыклад, М. С. Югаў становіцца ўвасабленнем таго, як гісторык павінен авалодаць марксізмам. У часопісе «Историк-марксист» ён надрукаваў артыкул пад характэрнай назвай «Положение и задачи исторического фронта в Белоруссии», у якім сцвярджаў, што калі ў Расіі «кафедра высшей школы в основном уже завоевана», то ў Беларусі «бедность – чтобы не сказать отсутствие – марксистских сил в области изучения прошлого, почти полная неразработанность огромных периодов истории»[12].

Беларускім гісторыкам патрэбна было прыстасавацца да новых палітычных рэалій. Увасабленнем новых падыходаў стаў будучы першы дэкан гістарычнага факультэта БДУ В. К. Шчарбакоў. У першай палове 1930-х гг. ён увасобіў у сабе дзве іпастасі: з'яўляўся кіраўніком гісторыкаў і быў адказным за новае прачытанне беларускай гісторыі, калі ўлады

[11] Академик В. Перцев. Кастусь Калиновский // Выдающиеся люди Белорус. земли : биобиблиогр. слов. (Рукопись. Из личного архива О. А. Яновского.) / под ред. Т. С. Горбунова, Н. М. Никольского. С. 271.

[12] *Югов М.* Положение и задачи исторического фронта в Белоруссии // Историк-марксист. 1930. Т. 17. С. 41.

поўнасцю адверглі напрацоўкі папярэднікаў. Яму разам з іншымі гісторыкамі была пастаўлена задача падрыхтаваць абагульняючую працу па гісторыі Беларусі, якая б задаволіла афіцыйныя ўлады ў Мінску і Маскве. Гісторыкі ўніверсітэта, зноў аб'яднаныя ў 1934 г. у сценах новага факультэта, сталі аднымі з самых актыўных распрацоўшчыкаў новай канцэпцыі гісторыі Беларусі. Ёй заняліся прадстаўнікі як маладога пакалення (В. К. Шчарбакоў, К. І. Кернажыцкі, К. М. Палікарповіч, М. Я. Грынблат, А. П. П'янкоў і інш.), так і першага складу гісторыкаў БДУ (М. М. Нікольскі, У. М. Перцаў, а пасля рэабілітацыі – У. І. Пічэта і А. А. Савіч). У пасляваенны час да іх далучыліся Л. С. Абэцэдарскі, К. І. Шабуня, А. І. Сідарэнка, М. П. Баранава, М. Б. Фрыдман і інш.

Акрамя пастановы СНК СССР і ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», пэўным рубіконам у навуцы, выкладанні і ўспрыняцці мінулага для прафесійных гісторыкаў сталі «Замечания по поводу конспекта учебника по “Истории СССР”» ад 8 жніўня 1934 г. і «Замечания о конспекте учебника “Новой истории”» ад 9 жніўня гэта ж года, якія належалі тагачасным палітычным лідарам савецкай краіны І. В. Сталіну, А. А. Жданаву і С. М. Кіраву. Для рэалізацыі іх установак на фронце гістарычнай навукі з абазначэннем задач ўласнабеларускіх гісторыкаў пад кіраўніцтвам В. К. Шчарбакова было падрыхтавана выданне «Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі», а таксама зборнікі дакументаў і матэрыялаў па гісторыі Беларусі, дзве часткі якіх В. К. Шчарбакоў складаў разам з К. І. Кернажыцкім, Д. І. Даўгялам, Д. А. Дудковым, І. Ф. Лочмелем, М. М. Нікольскім.

В. К. Шчарбакоў зрабіў вельмі шмат для ўзнаўлення сістэмнасці даследаванняў універсітэцкіх гісторыкаў, умацавання іх кадравага патэнцыялу, арганізацыі кафедр, фарміравання класічнага навучальнага працэсу. Аб гэтым, дарэчы, у маі 1935 г. ён падрыхтаваў даклад на нарадзе гістарычных факультэтаў і інстытутаў усіх савецкіх рэспублік, што адбылася ў Маскве. Ён адзначыў, што ў Беларусі «почти нет кадров по истории» і што не да канца «разоблачены националистические тенденции»[13]. У хуткім часе ён надрукуе гэты даклад з прывядзеннем доказаў аб катастрафічнай сітуацыі з кадрамі не толькі на гістарычным факультэце БДУ і ў БАН, але і ва ўсёй сістэме навучальных устаноў рэспублікі, асабліва ў школах. Такія факты з яго вуснаў прагучалі і на І Усебеларускай канферэнцыі гісторыкаў, якая адбылася ў сценах БДУ ў 1935 г.

Напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны вызначылася імкненне двух вядучых навуковых устаноў – гістарычнага факультэта БДУ і Інстытута гісторыі АН БССР – працаваць у цесным супрацоўніцтве. Універсітэцкія гісторыкі (А. П. П'янкоў, Г. М. Ліўшыц, Л. М. Шнеерсон, М. Я. Грынблат і інш.) пад канец 1930-х гг. змаглі абараніць некалькі кандыдацкіх дысертацый па розных навуковых кірунках. У гэты час распачалася сумесная праца гісторыкаў па напісанні кнігі «История БССР», якая працягвалася ў ваенныя гады. Першасная роля ў падрыхтоўцы выдання належала У. І. Пічэце, нягледзячы на яго спрэчкі з арганізатарамі справы, калегамі і сябрамі М. М. Нікольскім і У. М. Перцавым. У. І. Пічэта адзіны з беларускіх гісторыкаў стаў суаўтарам зборніка «Двадцать пять лет исторической науки в СССР», у якім былі абагулены самыя значныя дасягненні савецкіх гісторыкаў. Так, яго аўтарству належаць тры артыкулы па рэпрэзентацыі гісторыі Беларусі, Украіны і славяназнаўства ў савецкай гістарыяграфіі. У. І. Пічэта адзначаў, што падрыхтаванае ім, А. П. П'янковым і І. Ф. Лочмелем выданне «Нарысы па гісторыі Беларусі» было надрукавана, але ўвесь тыраж загінуў у час вайны.

Пасляваенны перыяд, час умацавання савецкай краіны пасля страт ваенных гадоў, для гістарычнай навукі ў БДУ, як і ў цэлым для рэспублікі, быў выніковым, але і складаным. Гэта асабліва праявілася ў напружанай працы над далейшай падрыхтоўкай выдання «История БССР». Універсітэцкія гісторыкі, многія з якіх адначасова з'яўляліся навуковымі супрацоўнікамі Інстытута гісторыі АН БССР, былі членамі аўтарскіх калектываў. Сярод іншых удзельнікаў стварэння кнігі «История БССР» адну з цэнтральных роляў адыгрываў А. П. П'янкоў. Яго ўніверсітэцкая кар'ера пачалася з верасня 1937 г. У хуткім часе А. П. П'янкоў быў прызначаны загадчыкам кафедры гісторыі народаў СССР, а ў 1938 г. – дэканам гістарычнага факультэта БДУ. Натуральнай стала і яго праца па сумяшчальніцтву ў Інстытуце гісторыі АН БССР. Зразумела, што кадравы голад на той час прымушаў дзве цэнтральныя навуковыя ўстановы Беларусі яшчэ больш шчыльна, чым раней, працаваць сумесна. У гэтыя гады актыўнаму даследчыку А. П. П'янкову ўдалося завяршыць і паспяхова абараніць кандыдацкую дысертацыю на тэму «Феодальное общество Верхнего Поволжья в XII–XIII веках».

Пасля ўзнаўлення ў 1943 г. работы БДУ на ст. Сходня пад Масквой кіраўніцтва ўніверсітэта было вымушана з жалем канстатаваць, што А. П. П'янкоў, знаходзячыся ў той час у эвакуацыі ў Пермі, не змог прыступіць да працы на гістарычным факультэце[14]. Яго прысутнасць была жаданай у сувязі з тым, што ў канцы 1943 г. універсітэцкія гісторы-

[13]Совещание исторических факультетов и исторических институтов // Историк-марксист. 1935. Т. 5–6. С. 169.
[14]НАРБ. Ф. 205. Воп. 5. Спр. 45. Арк. 10.

кі разам з калегамі з АН БССР пачалі калектыўную працу над даведнікам-энцыклапедыяй «Замечательные люди белорусского народа». Толькі ў жніўні 1945 г. А. П. П'янкоў узнавіў працу ў БДУ, з лютага 1947 г. зноў узначаліў кафедру гісторыі народаў СССР. А ў хуткім часе да кафедры быў далучаны невялікі калектыў кафедры гісторыі БССР, якая праіснавала ў структуры гістарычнага факультэта з вясны 1946 па лістапад 1949 г. (яе ўзначальваў спачатку Ц. С. Гарбуноў, а пасля яго ад'езду ў Маскву – Н. В. Каменская)[15]. У красавіку 1948 г. адбылася знакавая для ўсёй Беларусі падзея: упершыню была абаронена доктарская дысертацыя па гісторыі. У вучоным савеце Ленінградскага ўніверсітэта А. П. П'янкоў адстаяў свае навуковыя высновы па праблеме гісторыі феадальных адносін у паўночна-ўсходняй Русі да XVI ст. Хутка гісторыка прызначылі прарэктарам па навуковай рабоце БДУ, але неўзабаве абвінавацілі ў неактуальнасці тэматыкі запланаванай ім дзейнасці і звольнілі з усіх пасад. Адзіным аргументам на карысць А. П. П'янкова была яго прадуктыўная навуковая праца: напісанне I–IV глаў для першага тома акадэмічнага двухтомніка «История БССР», артыкула «Периодизация истории феодального общества Белоруссии» ў часопісе «Полымя», артыкула «Восстание Дениса Мурашки» ў зборніку АН БССР і інш. Актуальнае грамадскае гучанне мелі яго працы «Основные этапы в развитии белорусской историографии за 30 лет» і «Происхождение белорусского народа». Ужо ў 1980 г. у выдавецтве БДУ імя У. І. Леніна выйшла яго манаграфія «Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси», у якой вучоны падвёў вынікі шматгадовых даследаванняў.

Пазіцыя А. П. П'янкова ў выкананні даручэнняў па напісанні гісторыі Беларусі адпавядала патрабаванням тагачаснага партыйна-савецкага кіраўніцтва. Можна прывесці характэрны эпізод: 17 кастрычніка 1946 г. А. П. П'янкоў пры абмеркаванні другога і трэцяга тамоў выдання «История БССР» публічна абвінаваціў аднаго з аўтараў, загадчыка кафедры гісторыіі СССР А. А. Савіча, у тым, што ён падмяняе гісторыю беларускага народа апісаннем жыцця каралёў, звязвае распаўсюджванне культуры толькі з пабудовай цэркваў і манастыроў, не паказвае класавай сутнасці публіцыстаў і г. д. У выніку было зафіксавана, што А. А. Савіч «допустил ряд принципиальных ошибок, подменяя историю белорусского народа историей князей, королей и т. п., идеализируя роль церкви и духовенства в национальной борьбе и самоопределении белорусского народа»[16]. Падобная рэзалюцыя каштавала А. А. Савічу пасады, і ён з'ехаў з Беларусі. А ў хуткім часе падобныя абвінавачванні былі вылучаны і ў дачыненні да самога А. П. П'янкова.

У 1946 г. у Дзяржвыдавецтве БССР шматтысячным тыражом быў надрукаваны першы выпуск выдання «История БССР» (аўтары – М. М. Нікольскі, К. М. Палікарповіч, А. П. П'янкоў і А. А. Савіч) пад рэдакцыяй Ц. С. Гарбунова, акадэмікаў У. М. Перцава, М. М. Нікольскага, Г. М. Панкратавай, а таксама А. П. П'янкова, А. А. Савіча. У 1948 г. з'явіліся «Тэзісы аб асноўных пытаннях гісторыі БССР», заснаваныя на спасылках на «Кароткі курс ВКП(б)» і выказваннях І. В. Сталіна. Тэзісы гэтага выдання былі далёкімі ад навуковага асэнсавання вельмі складанага для беларусаў мінулага, але іх аб'ядноўвала скразная ўстаноўка для даследчыкаў: усе папярэднія намаганні гісторыкаў – гэта спроба зрабіць абгрунтаванне «адрыву беларускага народа ад рускага народа»[17].

У канцы 1940-х гг. былі надрукаваны тры часткі доўгачаканага выдання «История БССР». Яны выйшлі тыражом ад 120 да 150 экз., бо прызначаліся для службовага карыстання і абмеркавання вузкім колам афіцыйных асоб і некаторых гісторыкаў. Чарговы праект кнігі, толькі ў двух тамах, быў надрукаваны акадэмічным выдавецтвам у 1951–1952 гг. Рэдактарамі выдання выступілі Г. М. Панкратава, І. С. Краўчанка і Н. В. Каменская.

Даволі паказальнай для таго часу была сітуацыя, калі 13 верасня 1951 г. партбюро БДУ прыняло да ўвагі інфармацыю выкладчыка Л. С. Абэцэдарскага аб тым, што на пасяджэнні кафедры гісторыі СССР яе члены і навуковы кіраўнік аспіранткі У. М. Перцаў выступілі супраць абароны кандыдацкай дысертацыі аспіранткі В. У. Чапко на тэму «Русское влияние на реформацию в Польше». Выкладчык заявіў аб неактуальнасці дадзенай праблематыкі[18]. Некалькі пазней, 22 лістапада, партыйнае кіраўніцтва ўніверсітэта зноў звярнулася да разгляду гэтага пытання. Той жа Л. С. Абэцэдарскі, выступаючы апанентам па дакладу прарэктара па навуковай рабоце А. А. Сарокіна, раскрытыкаваў тэзіс аб тым, што тэматыка навуковых работ кафедры гісторыі СССР актуальная, і зноў спаслаўся на дысертацыю В. У. Чапко, якая сведчыла, на яго думку, аб адваротным: яна не толькі неактуальная, але нават «вредная». Была выказана адназначная выснова: няма чаго аспірантцы хавацца за спіну акадэміка, а трэба зразумець, што такая праблематыка «не должна быць в нашей тематике»[19]. Аднак В. У. Чапко не разгубілася і ў хуткім часе напісала і абараніла

[15] Архіў БДУ. Спр. 70. Арк. 20, 32.
[16] НАРБ. Ф. 142. Воп. 1. Спр. 10. Арк. 86, 93.
[17] Бальшавік Беларусі. 1948. № 8. С. 45.
[18] НАРБ. Ф. 142. Воп. 1. Спр. 20. Арк. 110–111.
[19] Там жа. Спр. 23. Арк. 84.

пад навуковым кіраўніцтвам таго ж У. М. Перцава новую дысертацыю па тэме «Грамадская і культурная дзейнасць Георгія Скарыны». Былая блакадніца і франтавічка знайшла ў сабе мужнасць плённа працаваць і надалей.

У 1954 г. выйшаў першы том тытанічнай працы, прызначанай для шырокага кола чытачоў і спазнання імі мінулага сваёй зямлі. Выданне атрымала назву «История Белорусской ССР». Большасць аўтараў былі ўніверсітэцкімі гісторыкамі, хаця некаторыя мелі двайны статус выкладчыка БДУ і навуковага супрацоўніка Інстытута гісторыі АН БССР: А. П. П'янкоў, К. М. Палікарповіч, М. М. Нікольскі, У. М. Перцаў, М. Я. Грынблат, Я. І. Карнейчык, К. І. Шабуня, Д. А. Дудкоў, Г. І. Воранава, М. П. Баранава, М. Д. Мельцэр, Л. С. Абэцэдарскі, М. Б. Фрыдман, В. В. Шаціла. Рэдактарамі выдання былі акадэмік У. М. Перцаў і параўнальна маладыя даследчыкі К. І. Шабуня і Л. С. Абэцэдарскі. Другі том выдання выйшаў у 1958 г. Да яго напісання гісторыкі БДУ мелі значна меншае дачыненне. У 1961 г. з'явілася новае, дапоўненае, выданне двухтомніка па гісторыі Беларусі, сярод аўтараў якога былі новыя імёны гісторыкаў БДУ (Э. М. Загарульскі, В. У. Чапко і інш.).

Зразумела, беларуская гісторыя ўвесь час знаходзілася ў эпіцэнтры ўвагі ўніверсітэцкіх гісторыкаў, але, нягледзячы на гэта, большасць іншых, абраных яшчэ ў 1920-я гг., навуковых кірункаў працягвалі распрацоўвацца на гістарычным факультэце. Яны не мелі такога грамадска-палітычнага гучання, як беларусазнаўства. Больш таго, навукоўцы, якія працавалі на кафедры гісторыі СССР, таксама ў абсалютнай большасці пісалі і абаранялі дысертацыі, друкавалі артыкулы па тэмах, непасрэдна звязаных з беларускай гісторыяй. Сярод антыказнаўцаў і медыявістаў безумоўнымі лідарамі ў пасляваенныя дзесяцігоддзі былі Ф. М. Нячай і Г. М. Ліўшыц. Побач з аўтарытэтным гісторыкам-навістам Л. М. Шнеерсонам пачаў працаваць М. П. Палетыка, а таксама малады германіст Р. М. Трухноў. Яны былі не толькі выдатнымі даследчыкамі, але і стварылі навуковую школу беларускіх гісторыкаў-навістаў. З пачатку 1960-х гг. Э. М. Загарульскі ўвасобіў новы ўзровень універсітэцкай археалагічнай навукі, пачаў працаваць у будучым прызнаны спецыяліст-нумізмат В. Н. Рабцэвіч. Паступова ўзнаўляла страчаныя рубяжы этнаграфія, яе відавочным лідарам на факультэце станавіўся М. Ф. Піліпенка.

Заключэнне

У дадзеным артыкуле разгляд станаўлення гістарычнай навукі ў Беларускім дзяржаўным універсітэце завяршаецца фактычна першымі трыма дзесяцігоддзямі развіцця. Першапачаткова аўтары ставілі перад сабой больш амбіцыйную задачу – паказаць багацейшую 100-гадовую традыцыю развіцця ўніверсітэцкай гістарычнай навукі. Аднак назапашаны матэрыял, значнасць і аб'ёмнасць разглядаемага пытання прымушаюць не абмяжоўвацца адным артыкулам, а падрыхтаваць яшчэ як мінімум два, дзе будуць паказаны наступныя этапы. Не выключана, што будзе створана манаграфія, дзе праз асобу даследчыка ў кантэксце складаных і дынамічных грамадска-палітычных падзей XX – пачатку XXI ст. стане магчымым дэталёва апісаць ролю і здабыткі ўніверсітэцкай гістарычнай навукі. Сапраўды, у сценах Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта адбылася інстытуцыяналізацыя беларускай гістарычнай навукі, былі вызначаны канцэптуальныя асновы бачання нашага мінулага. Хацелася б падкрэсліць, што найбольш значныя акадэмічныя выданні ствараліся супольнымі намаганнямі з універсітэцкімі гісторыкамі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Абламейко СВ, Яновский ОА, редакторы. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941).* Минск: БГУ; 2017. 303 с.

2. Король АД, Яновский ОА, редакторы. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961).* Минск: БГУ; 2019. 335 с.

3. Король АД, Яновский ОА, редакторы. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1981).* Минск: БГУ; 2020. 303 с.

4. Каханоўскі АГ. Традыцыі вывучэння гісторыі Беларусі новага і навейшага часу ў Беларускім дзяржаўным універсітэце. У: Каханоўскі АГ, рэдактар. *Беларусь у эпоху геапалітычных і сацыяльных зрухаў Новага і Навейшага часу. Да 25-годдзя кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 22 лістапада 2019 г.; Мінск, Беларусь.* Мінск: БДУ; 2019. с. 15–21.

5. Яноўскі АА. Аб распачынанні гістарычнай адукацыі на Беларусі. У: Казакоў ЮЛ, рэдактар. *Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў. Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 65-годдзю заснавання гістарычнага факультэта Белдзяржуніверсітэта; 26 лістапада 1999 г.; Мінск, Беларусь.* Мінск: БДУ; 2000. с. 5–27.

6. Касцюк МП. *Шлях да ісціны: гістарычная навука Беларусі ў канцы XX – пачатку XXI ст.* Мінск: Экаперспектыва; 2015. 252 с.

7. Михнюк В. Н. *Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1941 гг.)*. Минск: Наука и техника; 1985. 286 с.

8. Острога В. А. *Развитие научных и образовательных центров по Новой и Новейшей истории в Белорусской ССР. 1919–1991 гг.* Минск: РИВШ; 2016. 428 с.

9. Аржахоўскі ІВ, Ігнаценка АП, складальнікі. *Бібліяграфічны даведнік навуковых работ супрацоўнікаў гістарычнага факультэта Белдзяржуніверсітэта (1921–1994 гг.).* Мінск: Тыпаграфія «Перамога»; 1994. 204 с.

10. Довнар-Запольский МВ. *Народное хозяйство Белоруссии, 1861–1914 гг*. Минск: Издательство Госплана БССР; 1926. 239 с.

11. Довнар-Запольский МВ. *История Белоруссии*. 4-е издание. Минск: Беларусь; 2016. 591 с.

12. Игнатовский В. *Белоруссия: территория, население, экономика, важнейшие моменты истории*. 2-е издание. Минск: Белгосиздат; 1925. 52 с.

13. Ігнатоўскі У. *Гісторыя Беларусі XIX і ў пачатку XX сталецця: лекцыі, чытаныя студэнтам Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.* 3-е выданне. Мінск: Беларускае дзяржаўнае выдавецтва; 1928. 252 с.

14. Кернажыцкі КІ. *Да гісторыі аграрнага руху на Беларусі перад імперыялістычнай вайной*. Мінск: Беларуская акадэмія навук, Інстытут гісторыі; 1932. 102 с.

15. Пичета ВИ. *История белорусского народа*. Минск: БГУ; 2003. 184 с.

16. Пичета ВИ. Крестьянское и рабочее движение в эпоху 1905 года. *Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту*. 1926;11:105–127.

17. Дукор ЕЯ, составитель. *Владимир Иванович Пичета*. Минск: БГУ; 1978. 112 с.

18. Скалабан ВВ, Токарев НВ, составители. *Академик В. М. Игнатовский: документы и материалы*. Минск: Беларуская навука; 2010. 277 с.

References

1. Ablameiko SV, Yanovskii OA, editors. *Intellektual'naya elita Belarusi. Osnovopolozhniki belorusskoi nauki i vysshego obrazovaniya (1919–1941)* [Intellectual elite of Belarus. The founders of Belarusian science and higher education (1919–1941)]. Minsk: Belarusian State University; 2017. 303 p. Russian.

2. Korol' AD, Yanovskii OA, editors. *Intellektual'naya elita Belarusi. Osnovopolozhniki belorusskoi nauki i vysshego obrazovaniya (1919–1961)* [Intellectual elite of Belarus. The founders of Belarusian science and higher education (1919–1961)]. Minsk: Belarusian State University; 2019. 335 p. Russian.

3. Korol' AD, Yanovskii OA, editors. *Intellektual'naya elita Belarusi. Osnovopolozhniki belorusskoi nauki i vysshego obrazovaniya (1919–1981)* [Intellectual elite of Belarus. The founders of Belarusian science and higher education (1919–1981)]. Minsk: Belarusian State University; 2020. 303 p. Russian.

4. Kakhanouski AG. [Traditions of studying of modern and contemporary history of Belarus at the Belarusian State University]. In: Kakhanouski AG, editor. *Belarus' u jepohu geapalitychnyh i sacyjal'nyh zruhaw Novaga i Navejshaga chasu. Da 25-goddzja kafedry gistoryi Belarusi novaga i navejshaga chasu gistarychnaga fakul'tjeta Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukova-praktychnaj kanferjencyi; 22 listapada 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Belarus during the period of geopolitical and social shifts of Modern and Contemporary history, dedicated to the 25th anniversary of the department of modern and contemporary history of Belarus of the Belarusian State University. Proceedings of the International scientific-practical conference; 2019 November 22; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 15–21. Belarusian.

5. Janouski AA. [To the issue of the unfolding of history education in Belarus]. In: Kazakow JuL, editor. *Gistarychnaja navuka w Beldzjarzhuniversitjece na rubjazhy tysjachagoddzjaw. Matjeryjaly Rjespublukanskaj navukova-praktychnaj kanferjencyu, prysvechanaj 65-goddzju zasnavannja gistarychnaga fakul'tjeta Beldzjarzhuniversitjeta; 26 listapada 1999 g.; Minsk, Belarus'* [The historical science in the Belarusian State University at the turn of the millennium. Proceedings of the Republican scientific-practical conference, dedicated to the 65th anniversary of the faculty of history of the Belarusian State University; 1999 November 26; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2000. p. 5–27. Belarusian.

6. Kascjuk MP. *Shljah da isciny: gistarychnaja navuka Belarusi w kancy XX – pachatku XXI st.* [The path to the truth: the historical science in Belarus in the end of the 20th – the beginning of the 21st century]. Minsk: Jekaperspektyva; 2015. 252 p. Belarusian.

7. Mikhnyuk V. N. *Stanovlenie i razvitie istoricheskoi nauki Sovetskoi Belorussii (1919–1941 gg.)* [Formation and development of the historical science of Soviet Belarus (1919–1941)]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1985. 286 p. Russian.

8. Ostroga V. A. *Razvitie nauchnykh i obrazovatel'nykh tsentrov po Novoi i Noveishei istorii v Belorusskoi SSR. 1919–1991 gg.* [The development of scientific and educational centers in New and Contemporary history in the Belarusian SSR. 1919–1991]. Minsk: RIVSh; 2016. 428 p. Russian.

9. Arzhahowski IV, Ignacenka AP, compilers. *Biblijagrafichny davednik navukovyh rabot supracownikaw gistarychnaga fakul'tjeta Beldzjarzhuniversitjeta (1921–1994 gg.)* [Scientific works bibliography of scientific personnel of the faculty of history of the Belarusian State University (1921–1994)]. Minsk: Typagrafija «Peramoga»; 1994. 204 p. Belarusian.

10. Dovnar-Zapol'skii MV. *Narodnoe khozyaistvo Belorussii, 1861–1914 gg.* [National economy of Belarus, 1861–1914]. Minsk: Izdatelstvo Gosplana BSSR; 1926. 239 p. Russian.

11. Dovnar-Zapol'skii MV. *Istoriya Belorussii* [The history of Belarus]. 4th edition. Minsk: Belarus; 2016. 591 p. Russian.

12. Ignatovskii V. *Belorussiya: territoriya, naselenie, ekonomika, vazhneishie momenty istorii* [Belarus: territory, population, economy, turning points of history]. 2nd edition. Minsk: Belgosizdat; 1925. 52 p. Russian.

13. Ignatowski U. *Gistoryja Belarusi XIX i w pachatku XX staleccja: lekcyi, chytanyja studjentam Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta* [The history of Belarus of the 19th – the beginning of the 20th centuries: the lectures giving to students of the Belarusian State University]. 3rd edition. Minsk: Beldzjarzhvyd; 1928. 252 p. Belarusian.
14. Kernazhycki KI. *Da gistoryi agrarnaga ruhu na Belarusi perad imperyjalistychnaj vajnoj* [To the history of the agrarian movement in Belarus before the imperialistic war]. Minsk: Institute of history; 1932. 102 p. Belarusian.
15. Picheta VI. *Istoriya belorusskogo naroda* [History of the Belarusian people]. Minsk: Belarusian State University; 2003. 184 p. Russian.
16. Picheta VI. [The peasant and labour movement of 1905]. *Pracy Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjetu*. 1926;11: 105–127. Russian.
17. Dukor EYa, compiler. *Vladimir Ivanovich Picheta* [Vladimir Ivanovich Picheta]. Minsk: Belarusian State University; 1978. 112 p. Russian.
18. Skalaban VV, Tokarev NV, compilers. *Akademik V. M. Ignatovskii: dokumenty i materialy* [Akademician V. M. Ignatovskij: documents and materials]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2010. 277 p. Russian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 11.06.2021.
Received by editorial board 11.06.2021.

УДК 51+93/94(378.1):372.851«1919-1930»

СТАНОВЛЕНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1919 г. – 1920-е гг.)

О. А. ЯНОВСКИЙ[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

На основе архивных материалов и других источников рассмотрен сложный процесс становления математического образования и проведения научных исследований в различных областях знаний в Белорусском государственном университете. Особое внимание обращено на не прекращавшиеся в 1919–1921 гг. дискуссии среди официальных лиц и ученых по поводу правомерности создания отдельного математического факультета в открывающемся БГУ. Впервые подробно изложена позиция выдающегося математика, организатора математического образования, уроженца Беларуси И. Р. Брайцева. Период 1920-х гг. определен как несомненно значимый этап не только в становлении математической составляющей в общем характере БГУ, но и в формировании основ будущего высокого уровня университетской математики.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; математика; математические учебные дисциплины; математическая наука; преподаватели математики.

СТАНАЎЛЕННЕ МАТЭМАТЫЧНАЙ АДУКАЦЫІ І НАВУКІ Ў БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ (1919 г. – 1920-я гг.)

А. А. ЯНОЎСКІ[1*]

[1*]*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

На аснове архіўных матэрыялаў і іншых крыніц разгледжаны складаны працэс станаўлення матэматычнай адукацыі і правядзення навуковых даследаванняў у розных галінах ведаў у Беларускім дзяржаўным універсітэце. Асаблівая ўвага звернута на бесперапынныя ў 1919–1921 гг. дыскусіі сярод афіцыйных асоб і навукоўцаў аб правамернасці стварэння асобнага матэматычнага факультэта ў БДУ. Упершыню падрабязна прадстаўлена пазіцыя выбітнага матэматыка, арганізатара матэматычнай адукацыі, ураджэнца Беларусі І. Р. Брайцава. Перыяд 1920-х гг. вызначаны як несумненна значны этап не толькі ў станаўленні матэматычнага складніка ў агульным характары БДУ, але і ў фарміраванні асноў будучага высокага ўзроўню ўніверсітэцкай матэматыкі.

Ключавыя словы: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; матэматыка; матэматычныя вучэбныя дысцыпліны; матэматычная навука; выкладчыкі матэматыкі.

Образец цитирования:
Яновский ОА. Становление математического образования и науки в Белорусском государственном университете (1919 г. – 1920-е гг.). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2021;3:19–32.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-19-32

For citation:
Yanouski AA. Formation of mathematical education and science at the Belarusian State University (1919 – 1920s). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;3:19–32. Russian.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-19-32

Автор:
Олег Антонович Яновский – кандидат исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории России исторического факультета.

Author:
Aleh A. Yanouski, PhD (history), full professor; head of the department of Russian history, faculty of history.
helgoleg@mail.ru

CC BY NC

Журнал Белорусского государственного университета. История. 2021;3:19–32
Journal of the Belarusian State University. History. 2021;3:19–32

FORMATION OF MATHEMATICAL EDUCATION AND SCIENCE AT THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY (1919 – 1920s)

A. A. YANOUSKI[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

On the basis of archival materials and other sources, the complex process of formation at the Belarusian State University of mathematical education and scientific research in various fields of science is considered. Particular attention is paid to the years that did not stop in 1919–1921 discussions among officials and scientists about the legality of creating a separate mathematics faculty specifically for the opening of the Belarusian State University. In this case, for the first time, the position of an outstanding mathematician and organiser of mathematical education, a native of Belarus, I. R. Braitsev, is presented in detail. The author defines the 1920s as an undoubtedly significant stage not only in the formation of the mathematical component in the general character of Belarusian State University, but also in the formation of the foundations of the future high level of university mathematics.

Keywords: Belarusian State University; mathematics; mathematical academic disciplines; mathematical science; teachers of mathematics.

Введение

Вряд ли историку уместно аргументировать важность и значение математики как в жизни любого человеческого сообщества, так и в образовательной практике, тем более вести речь о глубинах теоретического и практического содержания математической науки. А вот обратиться к вопросу становления математического образования и науки в Белорусском государственном университете историку по силам. Для этого следует посмотреть архивные папки, полистать подшивки газет, понять некоторые обстоятельства деятельности первого поколения математиков. Сразу стоит оговориться, что с первых дней деятельности университета математика буквально пронизывала повседневность сначала лишь трех факультетов (медицинского, рабочего, общественных наук), а затем и открывшихся в 1920-х гг. новых факультетов (педагогического, химико-технологического, права и хозяйства) с их весьма разнообразными отделениями. Конечно, естественным завершением такого «проникновения» математики в подготовку самых разных специалистов было создание на рубеже 1920–30-х гг. физико-математического факультета, который стал готовить профессиональных математиков – педагогов и ученых.

Профессор И. Р. Брайцев об идее Белорусского университета и необходимости математического образования в нем

В данном случае вновь придется обратиться к истории пути становления БГУ. Этот путь длился более двух с половиной лет – от провозглашения Декрета ЦИК Советов ССРБ (далее – Декрет) в феврале 1919 г. до начала «правильных» занятий в университетских аудиториях в конце октября 1921 г. Об этом автор настоящей работы и его коллеги написали достаточно много статей и даже книг. Вместе с тем пока подробно не прослежена эволюция замыслов основателей университета по формированию его факультетской структуры, конечно не считая первых конкретных предложений, высказанных в декабре 1917 – начале 1918 г. филологом Е. Ф. Карским и историком М. В. Довнар-Запольским. Так, Е. Ф. Карский сначала в газете «Вольная Беларусь», а затем в выступлении на Всебелорусском съезде в декабре 1917 г. заявил о своем видении будущего университета, в состав которого, по его мнению, должны были войти четыре факультета, характерные для прежних императорских российских университетов, – историко-филологический, юридический, медицинский и физико-математический. Правда, в речи на съезде ученый по-разному называл последний факультет: то «естественно-математический», то просто «математический»[1].

Чуть позже в своей записке от 10 мая 1918 г. М. В. Довнар-Запольский предлагал народному секретариату БНР создать университет, включающий шесть факультетов. Профессор-историк считал, что «чистая математика привлекает не много» и это «сейчас удорожит содержание университета», поэтому физико-математический факультет должен быть учрежден, но только не в классическом воплощении, а по названию. По мнению М. В. Довнар-Запольского, в его составе следовало открыть практически необходимые отделения – естественное, химическое и агрономическое[2] [1, с. 566].

Приходится констатировать, что до сих пор без внимания исследователей остались обширные, детальные, представляющие интерес предложения,

[1]Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 457. Оп. 1. Д. 2. Л. 33–35.
[2]Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1. Л. 15 об.

которые в самом начале 1919 г. в Наркомпрос РСФСР направил профессор И. Р. Брайцев. Кстати, фамилия ученого почему-то не названа ни на страницах первых юбилейных книг по истории БГУ [2; 3], ни тем более в последующих публикациях по университетской истории. В то же время этого ученого-математика и организатора математического образования в советской России следует считать одним из главных адептов необходимости создания Белорусского университета. Кстати, он в своих предложениях (о них речь пойдет ниже) так всегда и называл пока еще только планируемый к открытию университет, вкладывая в эти два слова – «Белорусский университет» – подробнейшее обоснование поставленного им же вопроса: «Какая высшая школа нужна в настоящее время Белоруссии?» И, отвечая на него, И. Р. Брайцев исходил из следующего своего видения: «…в сердце каждого, как просвещенного, так и серого белоруса, вселяется надежда, что и мы, белорусы, будем иметь свой университет»[3].

Здесь следует пояснить употребление И. Р. Брайцевым местоимения «мы». Математик считал себя белорусом не только по факту рождения, но и по своей сопричастности к реализации важнейшего из вопросов в контексте становления белорусской государственности. Многочисленные интернет-ресурсы, книга нижегородского автора Н. Б. Кузнецовой и другие современные источники информации позволяют детально ознакомиться как с биографией И. Р. Брайцева, так и с биографиями его двух незаурядных братьев. В данном случае лишь укажем, что этот выдающийся математик родился на самом белорусско-российском пограничье (но все-таки на территории современной Беларуси) – в деревне между Климовичами и Рославлем. Читая биографию ученого, приходится вновь констатировать факт о том, насколько большое количество белорусов-интеллектуалов реализовывали свои таланты вдали от родины, поскольку не имели возможности учиться и работать в своем университете. А вот причастность И. Р. Брайцева к воплощению идеи создания Белорусского университета лишь единожды замечена в опубликованных текстах. Это краткая информация о том, что математик-белорус «принимал активное участие в организации Белорусского государственного университета, является автором проекта первого учебного плана для физико-математического факультета БГУ»[4]. По этой причине необходимо несколько более пространно определить роль ученого в организационных мероприятиях, нацеленных на реализацию идеи открытия университета в Беларуси. С помощью ученика и коллеги, доцента А. Н. Максимчика в распоряжении автора настоящей работы оказались несколько дел из Государственного архива Российской Федерации. Хранящиеся там материалы свидетельствуют о выдающейся роли И. Р. Брайцева не только в определении особой важности открытия математического (или физико-математического) факультета в структуре Белорусского университета, но и в целом об убежденности ученого в крайней необходимости создания университета вообще. И. Р. Брайцев с очевидной математической дотошностью в деталях и точностью в цифрах и определениях уже в самом начале февраля 1919 г. представил в Наркомпрос РСФСР несколько своих предложений. Все они опираются (и это заметно даже при беглом анализе) на его богатейший опыт преподавательской и административной работы еще в дореволюционный период в Варшавском политехническом институте, а также на опыт, приобретенный ученым за короткое советское время в должности декана-организатора математического (физико-математического) факультета Нижегородского государственного университета.

Названные предложения оформлены в конкретные тексты: «Проект временных положений о Белорусском университете», «Смета агрономического факультета Белорусского университета на 2-е полугодие 1919 г.», «Смета естественно-исторического факультета Белорусского университета на 2-е полугодие 1919 г.» и «Смета математического факультета БЕЛОРУССКОГО УНИВЕРСИТЕТА на 2-е полугодие 1919 года». С особым тщанием И. Р. Брайцев подготовил последний документ (это видно даже по тому, что название университета дано прописными буквами). Ученый сразу указал, что занятия на всех факультетах, в том числе математическом, начнутся только на первых курсах, поэтому три профессора «чистой математики» и столько же преподавателей, кроме «своего факультета», будут «обслуживать» также инженерно-мелиоративный и естественный факультеты, а один пока профессор физики – еще и медицинский и агрономический факультеты[5]. Как настоящий ученый и администратор, И. Р. Брайцев указал важнейшие позиции, на которые следует обратить внимание, чтобы факультет заработал в полную силу. Кроме этого, Наркомпрос РСФСР должен был выделить значительные денежные средства на приобретение книг по «чистой и прикладной математике», издание научных работ и «трудов математического семинария», научные командировки, оборудование факультетской библиотеки и математического кабинета, покупку «математических моделей», «гауссовских штативов» и др. И. Р. Брайцев также подробно перечислил необходимую мебель и десятки иных крайне важных позиций[6] (сметные

[3]Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. А2306. Оп. 18. Д. 701. Л. 69.
[4]Брайцев Иван Романович // Республиканская научно-техническая библиотека. Белорусские имена в науке и технике [Электронный ресурс]. URL: http://rntbcat.org.by/belnames/F_HTM/Brajcev.HTML (дата обращения: 10.05.2021).
[5]ГАРФ. Ф. А2306. Оп. 18. Д. 701. Л. 47, 48.
[6]Там же. Л. 48 об. – 49.

расходы на содержание факультетской бухгалтерии, канцелярии, врачебной части, оплату труда вахтера, курьера, архитектора, смотрителя зданий и т. д.).

С особой тщательностью на 4 листах расписана суть устройства астрономической обсерватории – от необходимых для нее приборов до специальной библиотеки. Вот только эту записку подписал не И. Р. Брайцев (но он, несомненно, имел к ней непосредственное отношение), а его коллега и земляк (уроженец Хотимска), руководитель астрономической обсерватории Первого Московского государственного университета С. Н. Блажко. В интернет-ресурсах о нем также представлено немало информации, хотя невозможно найти упоминание о его участии в первых мозговых штурмах по поводу ответов на вопрос: «Каким быть университету в Минске?» Эти два уроженца белорусских земель (И. Р. Брайцев и С. Н. Блажко) вполне дополняли усилия своих земляков Е. Ф. Карского и М. В. Довнар-Запольского, имевших более весомые научные звания и опыт руководства высшими учебными заведениями.

Хотелось бы более подробно остановиться на анализе записки И. Р. Брайцева «Проект временных положений о Белорусском университете». По сути, это своеобразное новое прочтение ситуации вокруг идеи открытия университета, некий черновой вариант университетского устава на 4 машинописных листах и 8 страницах. Его текст имеет четкую структуру и содержит последовательное изложение важнейших характеристик, касающихся как подготовительного этапа, так и самого создания университета. Уже в первом параграфе «Цель и задачи Белорусского университета» сказано, что он «есть учено-учебное учреждение, имеющее своей целью развитие и распространение научных и технических знаний среди белорусского народа». В качестве задач определялось, что университет «учреждает семинарии, библиотеки, лаборатории, обсерватории, станции и музеи как для учебных целей, так и для самостоятельных научных исследований». И конечно, «учреждает факультеты и их отделения по различным отраслям знаний», «издает свои научные труды, а также учебники...». Среди прочих детализаций внутреннего распорядка жизнедеятельности университета И. Р. Брайцев предлагал выдвигать в кандидаты на получение звания профессора «всякого, заявившего себя научными трудами» с последующим обсуждением и утверждением на совете университета, а надпись на университетской печати сделать лишь в два слова – «Белорусский университет»[7]. В этом заключалось коренное понимание ученым-белорусом миссии университета.

Подобный проект подписан профессором Нижегородского государственного университета И. Р. Брайцевым, который являлся «деканом математического факультета, деканом физико-математического факультета, членом президиума Нижегородского педагогического института». Самое интересное, что проект датирован 1 февраля 1919 г., т. е. за 25 дней до провозглашения Декрета о начале реальных действий по созданию БГУ. Можно предположить, что нижегородскому профессору-математику (белорусу по национальности) был сделан некий заказ на такой проект, на проработку всевозможных тактических и стратегических задач.

Это предположение подтверждается другим подписанным И. Р. Брайцевым документом под упрощенным названием «Какая высшая школа нужна в настоящее время Белоруссии?», также датированным 1 февраля 1919 г. Следуя прагматичной установке, автор сразу обосновывает необходимость открытия в первую очередь агрономического, инженерно-мелиоративного, медицинского, естественного, математического факультетов, а также факультета общественных наук. Ученый развернуто обосновал создание математического факультета: «Факультет важен сам по себе, а затем в смысле прикладном – для обслуживания вышеуказанных факультетов (физика, математика, теоретическая математика, метеорология)». И. Р. Брайцев считал, что белорусам важны знания математических дисциплин. Математический факультет с его физической составляющей уже с сентября 1919 г. позволил наладить эффективные занятия на медицинском и агрономическом факультетах[8]. И только в некотором будущем в Белорусском университете будут созданы условия для открытия технических факультетов – химического, механического, электротехнического и др. Кстати, на совещании у наркома просвещения ССРБ А. Г. Червякова, на котором присутствовали Е. Ф. Карский, В. Л. Ивановский, А. С. Неканда-Трепка, Ф. Ф. Турук, М. Я. Фрумкина и др., скорее всего, было известно о предложениях, высказанных И. Р. Брайцевым. На этом «частном совещании группы лиц», как выразился один из участников Ф. Ф. Турук, идея создания физико-математического факультета и в целом необходимость наполнения университетских аудиторий математикой обоснованы более убедительно. Вообще было заявлено, что государственный университет в Минске должен быть открыт в составе только двух факультетов – физико-математического факультета и факультета общественных наук, причем предполагалось, что первый из них в ближайшем времени станет «основой для будущих агрономического,

[7]ГАРФ. Ф. А2306. Оп. 18. Д. 701. Л. 63, 64 об. – 65.
[8]Там же. Л. 71.

медицинского, ветеринарного и технического факультетов» [4, с. 181].

Интересны рассуждения И. Р. Брайцева о том, в каком городе следует разместить Белорусский университет. Ранее белорусы «...находили, что для этой цели наиболее подходит Вильно. Но в настоящее время права на этот город оспариваются у белорусов с литовцами, хотя он лежит в области, населенной гуще всего белорусским племенем». Далее математик, родившийся близ Смоленска, отвергает возможность принимать во внимание этот город, который «нельзя считать вполне белорусским». Он полагает, что «из всех прочих городов Белоруссии наибольшего внимания заслуживает Минск. Это сравнительно большой город. Там найдутся временные помещения как для университета, так и для преподавателей и студентов». В завершение своих оценок И. Р. Брайцев вдруг вспомнил о важности педагогического образования и возможности открытия педагогического факультета. Однако тут же заметил, что «чуть ли не в любом губернском городе Белоруссии имеются педагогические институты»[9]. Вот только в данном случае его подвела слабая информированность о содержании преподавания в этих институтах, которое было всего лишь средним специальным.

Столь большая работа, проделанная И. Р. Брайцевым, на первых порах определила его статус в развернувшихся после 25 февраля 1919 г. практических мероприятиях по реализации самой идеи создания Белорусского университета в целом и весьма лапидарных установок Декрета в частности. Например, 22 марта этого же года в Москве на специальном совещании в Наркомпросе РСФСР И. Р. Брайцев присутствовал как член Белорусского научно-культурного общества. Согласно протоколу совещания он вновь четко указал на то, что «живой вопрос о просвещении края ясен; необходимо наметить порядок открытия вопросов», и заявил о своем согласии на формирование двух организационных комиссий – в Минске и Москве. Следует уточнить, что первой была создана комиссия при Минском губернском отделе народного образования, а затем в помощь ей организована комиссия при отделе высших учебных заведений Наркомпроса РСФСР в Москве. Важно также заметить, что на этом совещании надежды И. Р. Брайцева на открытие всех самых необходимых факультетов не оправдались, так как порядок их создания решили «поставить в связь с наличностью необходимых сил, средств и неотложных местных нужд»[10]. Как покажут последующие политические события, этих сил и средств будет в разы меньше, чем неотложных местных нужд.

Математическое образование в понимании членов двух организационных комиссий

Не вдаваясь в подробности всех событий весны 1919 – лета 1921 г., следует отметить, что из-за постоянно менявшихся предложений как ученых, так и государственных лиц ССРБ и РСФСР к началу занятий в БГУ ничто не напоминало об обоснованиях И. Р. Брайцева обязательного создания в составе Белорусского университета математического факультета. Ученый сам постепенно отошел от реального участия в работе двух комиссий, хотя известно, что на него очень рассчитывали в Минске.

После освобождения ССРБ от польской оккупации установку на непременное создание математического факультета стал проводить Н. К. Ярошевич. Так, 14 августа 1920 г. на совещании у заместителя наркома просвещения РСФСР М. Н. Покровского, а затем 18 августа этого же года на заседании научного сектора наркомата он не только поддержал намерение В. Т. Тер-Оганесова и Е. Ф. Карского открыть физико-математический факультет, но и предложил обсудить создание отдельного математического факультета. Е. Ф. Карский считал открытие математического отделения целесообразным, так как на естественном и агрономическом факультетах планировалось внедрить большой курс изучения математики. Профессор И. Р. Брайцев отлично подошел бы для работы на основной кафедре математического факультета. Академик-филолог считал, что такой факультет «самый дешевый и что его легче всего организовать». Ярый сторонник создания отдельного политехнического института, Н. К. Ярошевич в организации математического факультета видел основание для скорого открытия технических факультетов и политехникума, наличие которых позволило бы учредить полноценный институт. Однако тогда эти идеи, по сути, дезавуировал один из главных руководителей Наркомпроса РСФСР и ответственный за реализацию проекта Белорусского университета В. Т. Тер-Оганесов. Он сам был математиком по образованию (в 1916 г. окончил физико-математический факультет Петроградского университета) и подвизался в области астрономии. В. Т. Тер-Оганесов и еще один представитель научного сектора Наркомпроса РСФСР указали белорусам, что «для чистого математического факультета не найдется слушателей» и технические факультеты будут открыты лишь в перспективе, а «математический факультет не должен считаться основой их, так как для них требуются небольшие курсы

[9]ГАРФ. Ф. А2306. Оп. 18. Д. 701. Л. 72.
[10]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 131. Л. 3–3 об.

математики». В довершение подобных доводов против открытия математического факультета В. Т. Тер-Оганесов указал, что и для агрономического и естественного факультетов «математики нужно мало», тем более не следует рассчитывать на приглашение профессора И. Р. Брайцева, так как он «не может быть отпущен Нижегородским университетом как основное лицо его математического факультета». Скорее всего, и заместитель наркома просвещения историк М. Н. Покровский встал на сторону своих московских коллег[11].

Таким образом, уже летом 1920 г. перспектива открыть в составе БГУ самостоятельный математический факультет была сведена на нет, хотя предложения о физико-математическом факультете некоторое время продолжали обсуждаться. Так, в отчете о поездке белорусской делегации в августе 1920 г. в Москву и названных выше переговорах в Наркомпросе РСФСР утверждалось, что подготовлены примерные учебные планы первых курсов шести факультетов – физико-математического, естественного, медицинского, агрономического, историко-филологического и рабочего. Указывалось, что среди нескольких профессоров, которые дали свое согласие на переезд в Минск для работы на кафедрах открывающегося БГУ, есть имена и двух Брайцевых – математика Ивана Романовича и его младшего брата медика Василия Романовича. Вот только ни один из них не посчитал возможным работать на родине и реально строить первый белорусский университет.

Уже несколькими месяцами позже, 8 февраля 1921 г., на заседании Центрального бюро ЦК КП(б)Б был заслушано выступление на тему «Об университете». Констатировалось, что реальные работы по университетскому строительству затормозились. Реализовать первоначальные планы не представлялось возможным, речь могла идти лишь об открытии в первую очередь медицинского и агрономического факультетов, но требовалось приложить все усилия, чтобы создать условия для открытия и факультета общественных наук[12]. Так что безденежье, финансовая и политическая зависимость от Москвы вынудили белорусское партийно-советское руководство определить новые приоритеты в формировании структуры БГУ. Вопрос о математическом (или физико-математическом) факультете с повестки дня, казалось, был снят. Однако уже во всех отношениях знаковом для БГУ постановлении Президиума ЦИК Советов ССРБ от 18 апреля 1921 г. указывалось, что университет следует «открыть в составе факультетов: рабочего, общественных наук, медицинского, сельскохозяйственного и физико-математического», хотя и с приоритетностью за медицинским и сельскохозяйственным факультетами[13]. Правда, вскоре планы в очередной раз были скорректированы в сторону уменьшения количества факультетов. В результате 30 октября 1921 г. БГУ начал работу, имея в своем составе лишь медицинский факультет и факультет общественных наук, а также рабочий факультет, на котором велась подготовка к поступлению в вузы. Хотя до последнего момента продолжалась разработка учебных планов физико-математического факультета, о чем позже, в 1927–1928 гг., писал В. И. Пичета, раскрывая проблемы организационного периода. Тем не менее главной причиной, из-за которой было отложено открытие физико-математического и иных факультетов, он называл «агульнае эканамічнае становішча»[14] [5; 6]. Всем было понятно, что в настоящем классическом университете (а таковым и задумывался БГУ) обязательно должна вестись подготовка профессиональных математиков и что предмет «математика» является одним из важнейших в преподавании чуть ли не на всех других факультетах. Даже в правилах приема на 1-й курс медицинского факультета, доведенных до всех желающих летом 1921 г., значилась сдача всего лишь трех коллоквиумов – по математике, физике и естествознанию[15].

Математика и математики в аудиториях БГУ в 1920-х гг.

С первых дней работы БГУ к преподаванию математических дисциплин приступили несколько достаточно квалифицированных преподавателей, вскоре доказавших свой профессорский уровень как в аудиториях, так и в науке, однако на самое начало занятий (1 ноября 1921 г.) ни у кого из них не было профессорского звания. Математика являлась определяющей дисциплиной в подготовке студентов рабочего факультета, несмотря на доминирование гуманитарных наук. К примеру, в первом учебном году, который на рабочем факультете начался 17 июня 1921 г., учебный план, рассчитанный на восемь триместров, предполагал в каждом из них 8 ч математики, в то время как на политэкономию и исторический материализм отводилось по 1–2 ч, на естествознание – 4–6 ч, на русский язык и историю Литвы – по 6 ч и т. д. Математику преподавали 5 человек (К. М. Годыцкий-Цвирко, Б. М. Слепян, А. И. Кохомская, В. И. Корсак и М. Я. Вагер). Некоторые из них были утверждены в штате рабочего

[11]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1. Л. 17–22.
[12]Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 243. Л. 17.
[13]Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.
[14]Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт 1921–1927: да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. Менск : [б. в.], 1927. С. 73.
[15]НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Л. 13.

факультета еще в апреле 1921 г. и получили служебные удостоверения не БГУ (его канцелярия в данный период времени просто не работала), а непосредственно Наркомпроса ССРБ. Во второй учебный год в штат рабочего факультета БГУ входили 37 преподавателей утреннего отделения. Из числа математиков выбыл В. И. Корсак, зато на открывшемся вечернем отделении среди 19 преподавателей математику вели В. Д. Минич, Н. К. Наумов, В. Л. Левкович, В. А. Климантович, а механику – Н. Н. Кавцевич. На протяжении 1920-х гг. через рабочий факультет прошли многие из университетских математиков, которые потом (или одновременно с работой на рабочем факультете) преподавали различные дисциплины на педагогическом факультете. Автор настоящей статьи располагает подробными биографиями и сведениями об университетской деятельности В. Л. Левковича, А. П. Круталевича, Г. Н. Сагаловича, А. Н. Нахимовской и других математиков, которые своим напряженным и творческим трудом заложили основы высокого уровня математического образования в БГУ и разноплановых исследовательских направлений. Однако оставим для иной публикации представление уникальных биографических и профессиональных коллизий этих незаурядных личностей. Можно только указать, что многие интересные материалы о них содержатся в университетском фонде Национального архива Республики Беларусь (далее – НАРБ), хотя они не позволяют в полной мере раскрыть биографии выдающихся университетских математиков.

Следует обратить внимание на то, что И. С. Пятосин преподавал дисциплину «Основы высшей математики» студентам административно-промышленного цикла экономического отделения факультета общественных наук, а также в течение двух триместров читал студентам 1-го курса медицинского факультета лекции по таким разделам высшей математики, как элементы введения и анализ, понятие о производном дифференциале, дифференцирование простейших функций, метод координат, отдел о прямой линии из аналитической геометрии [7, с. 332–333, 343, 348, 351]. Правда, в следующем учебном году математика исчезнет из учебного плана первокурсников медицинского факультета. Предпочтение будет отдано физике и химии.

Говорить о достойном включении математики в систему преподаваемых в БГУ дисциплин возможно только со второго учебного года, когда был открыт новый факультет – педагогический. Среди его четырех отделений были физико-математическое и естественное, первым заведующим которых стал И. С. Пятосин. Первокурсникам физико-математического отделения он читал четыре математические дисциплины, а В. К. Дыдырко – аналитическую геометрию. Оба преподавателя проводили практические занятия по своим курсам. Осенью 1923 г. к ним присоединился профессор А. А. Михайловский, который не только стал читать курс астрономии, но и возглавил созданный им же кабинет математики, тогда представлявший нечто среднее между научным учреждением и учебной структурой педагогического факультета [8, с. 18–19].

После представления коллизий с организацией как самого БГУ, так и его факультетской структуры, в частности математического направления, хотелось бы подробнее рассказать о самих носителях высоких математических знаний. Однако, принимая во внимание, что автор настоящей работы опубликовал в юбилейном пятитомнике «Интеллектуальная элита Беларуси» несколько пространных очерков о жизненном и творческом пути уже названных И. С. Пятосина, В. К. Дыдырко и А. А. Михайловского, а его коллеги на страницах этого издания рассказали о выдающихся математиках с мировым именем Ц. Л. Бурстине и Я. П. Громмере, являвшихся профессорами БГУ на рубеже 1920–30-х гг. [9–13], то в данном случае можно ограничиться краткими заметками о них и назвать тех, чьи имена также навечно вписаны в историю университетской математики.

Материалы многих фондов НАРБ дают возможность выявить различные обстоятельства развития математического образования и науки в БГУ и одновременно с этим рассмотреть развитие научного и педагогического потенциала университетских математиков. Так, если А. А. Михайловский приехал в Минск по приглашению администрации БГУ и руководства республики уже в ранге профессора и знатока астрономии и механики (в сентябре 1923 г. он стал профессором кафедры астрономии), то преподаватели минских училищ и гимназий В. К. Дыдырко и И. С. Пятосин, как и большинство их коллег, начинали свою карьеру в БГУ с ассистентских должностей, но быстро стали признанными специалистами – профессорами.

Развитие математики в БГУ неуклонно набирало темп. С увеличением разнообразия читаемых курсов и спецкурсов в рамках учебных планов (сначала физико-математического отделения педагогического факультета, а через несколько лет самостоятельного факультета) возрастал уровень квалификации преподавателей. Это стало возможным как за счет опытных педагогов, так и первых выпускников университетского педагогического факультета. Даже те, кто работал только на рабочем факультете, выдерживали уровень самых высоких профессиональных требований. К примеру, таковым был К. М. Годыцкий-Цвирко, человек необычайных способностей и увлечений. Этот выпускник физико-математического факультета еще Императорского Московского университета почти 10 лет преподавал математику студентам рабочего факультета. Ранее К. М. Годыцкий-Цвирко отметился своим участием в работе минской комиссии по организации БГУ, в 1920 г.

стал одним из авторов брошюры белорусских математических терминов, понятий и определений, подготовил к изданию пособие по высшей математике, а затем одновременно с преподаванием на рабочем факультете БГУ работал в составе Белорусской терминологической комиссии Академцентра Наркомпроса БССР и продолжал совершенствовать белорусскую терминологическую лексику[16].

Определяющим фактором в развитии математики в БГУ были профессионально подготовленные преподаватели. Выше отмечалось, что с начала работы университета в его штате преобладали гуманитарии и естественники. В целом во втором учебном году преподавательский состав БГУ насчитывал 153 человека (из них 31 профессор, 50 преподавателей, 41 ассистент, 11 лекторов иностранных языков, 15 ординаторов, 2 научных сотрудника и т. д.). По сравнению с первым учебным годом количество педагогов увеличилось на 72 человека[17]. На заседании правительства БССР 8 августа 1924 г. был утвержден очередной проект штатов БГУ, в том числе и на физико-математическом отделении педагогического факультета, где значились 4 профессора, 7 преподавателей, 6 ассистентов, 1 препаратор, 1 механик, 3 служителя, заведующий кабинетами ($^2/_3$ профессионального оклада)[18]. Из математиков в документах названы профессор А. А. Михайловский (астрономия), преподаватели В. К. Дыдырко (аналитическая геометрия), И. С. Пятосин (введение в анализ и дифференциальное исчисление), ассистенты А. И. Кохомская, В. И. Кохомский, М. Я. Вагер, Б. М. Слепян, К. М. Годыцкий-Цвирко, а также А. Ф. Барышников (механика).

Таким образом, к преподаванию математических дисциплин привлекались все новые и новые кадры. Профессор А. А. Михайловский сразу по приезде в Минск из Самары стал читать курсы сферической тригонометрии и описательной астрономии, механику точки, а преподаватель И. С. Пятосин – введение в анализ и дифференциальное исчисление, интегральное исчисление, его коллега В. К. Дыдырко – аналитическую геометрию[19]. Несомненный интерес вызывает личность Ч. М. Домбровского, незаслуженно забытого в истории БГУ (если иногда он и упоминался, то всегда с искажениями и фамилии, и отчества). Уроженец Блонского повета Варшавской губернии Ч. М. Домбровский воспитывался и получал домашнее образование в имении своего отца. В 1909 г. окончил среднюю школу в Варшаве, а в 1913 г. – математический факультет Парижского университета по специальности «математика, астрономия и теоретическая механика». До 1920 г. он работал учителем в средних школах в Польше, участвовал в рабочих демонстрациях, за что немецкими оккупационными властями был арестован и в 1916 г. интернирован. В августе 1920 г. Ч. М. Домбровский присоединился к Красной армии под Варшавой, потом оказался в Минске, где работал в польской коммунистической газете, затем был заведующим польской секцией при губернском отделе народного просвещения в Петрограде. Свои профессиональные знания математик реализовывал, читая лекции в Минском институте народного образования, а после его ликвидации – в Польском педагогическом техникуме имени Бронислава Весоловского в Минске (являлся одним из его организаторов).

С таким послужным списком Ч. М. Домбровский 26 июня 1923 г. предложил свои услуги БГУ в качестве лектора по математическим наукам, прежде всего для чтения курса «Эволюция понятия числа», и вместе с заявлением о приеме на работу представил в предметную комиссию физико-математического отделения педагогического факультета университета экземпляр своей работы «Канон геометрикус». На состоявшемся 24 сентября 1923 г. заседании эта комиссия (председатель – профессор Е. Е. Сиротин, члены – И. С. Пятосин, В. К. Дыдырко, Е. К. Успенский и Е. В. Снятков) постановила избрать Ч. М. Домбровского ассистентом кафедры математики. Это решение в течение последующих двух месяцев последовательно поддержали на заседаниях деканата педагогического факультета, затем совета факультета и, наконец, правления БГУ. И только после этой обязательной процедуры, через которую в 1920-х гг. проходили все, кто вознамерился работать в БГУ, Главное управление профессионального образования БССР (далее – Главпрофобр) 3 декабря 1923 г. на заседании коллегии в числе других утвердило Ч. М. Домбровского ассистентом кафедры высшей математики педагогического факультета[20]. В последующие годы он был одной из самых заметных фигур в ряду своих коллег-математиков, активно участвовал в научных мероприятиях, читал несколько оригинальных учебных курсов.

Если вновь обратить внимание на развитие инфраструктуры математического образования в БГУ, то нельзя обойти стороной такие характерные для тех первых лет научно-учебные институции, как кабинеты. Они создавались чуть ли не по всем направлениям подготовки студентов и важнейшим научным областям. Одним из многих был и недавно организованный кабинет математики, которым

[16]Константин Мардарьевич Годыцкий-Цвирко [Электронный ресурс]. URL: https://www.geni.com/people/Константин-Годыцкий-Цвирко/6000000087112480050 (дата обращения: 12.04.2021).
[17]НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Л. 246 об.
[18]Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 28. Т. 2. Л. 27.
[19]Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 55. Л. 77.
[20]Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Л. 74, 133–136.

ежедневно пользовались 10–15 человек. На июнь 1924 г. его книжный фонд насчитывал 154 издания. Имелся также кабинет астрономии, заслуга в создании которого принадлежала А. А. Михайловскому. Уже к концу 1927 г. оба кабинета значительно увеличили свою «пропускную способность»: в кабинете астрономии занимались до 75 студентов и преподавателей, а в кабинете математики – до 150 человек[21]. Вот только оборудование кабинетов было достаточно скромным. Однако подобные вопросы решались не так быстро, как того требовал учебный процесс. Например, 27 мая 1926 г. правление БГУ представило в Главпрофобр перспективные планы закупки по факультетам необходимого оборудования для проведения научно-исследовательской работы. Отмечалось, что в настоящее время кабинеты и лаборатории педагогического факультета оснащены в среднем лишь на 30–35 % и почти не имеют оборудования для научно-исследовательской работы. В расчете на ближайшие 5 лет на эти нужды для кабинетов математики, методики математики и методики физики запрашивалось по 1500 руб., Института физики – 199 000 руб., кабинета астрономии – 75 050 руб.[22] В основном обязанности по пополнению книжного фонда новейшей литературой и обеспечению оборудованием ложились на плечи заведующих кабинетами в качестве дополнительной нагрузки к преподавательской деятельности. Так, 12 ноября 1926 г. профессор А. А. Михайловский доложил ректору БГУ, что по его личной просьбе коллеги из Пулковской обсерватории во главе с директором профессором А. А. Ивановым бесплатно прислали для астрономического кабинета БГУ главнейшие издания своего учреждения в количестве 90 книг, за что А. А. Михайловский просил выразить им благодарность (письмо было отправлено 1 декабря 1926 г.).

Помимо всего прочего, даже к 1927 г. для руководства БГУ и тем более руководства республики оставалась актуальной проблема с наличием учебных и иных площадей, несмотря на то что к 1926 г. для Института физики построили специальный новый корпус, а в скором времени объявили Всесоюзный конкурс на разработку проекта университетского городка чуть ли не с полутора десятками корпусов. Постоянно происходили передвижения факультетов в зависимости от передачи БГУ или, наоборот, изъятия у него тех или иных зданий. Новый корпус, полученный от закрытого в 1925 г. Минского сельскохозяйственного института, заняли два отделения педагогического факультета (природоведческое и физико-математическое), на которых учились 760 студентов. Всего в этом здании расположились семь кафедр (физики, биологии, неживой природы, ботаники, зоологии и сравнительной анатомии, а также математики и астрономии). Однако если кафедра физики разместилась в восьми комнатах (некоторые из них имели специальное назначение (оптическая, рентгеновский кабинет, мастерская, кабинет профессора, препараторская и др.)) и одной аудитории, то кафедра математики получила лишь аудиторию и помещение под кабинет математики[23].

Интересными представляются некоторые цифры, отражающие масштабы подготовки будущих математиков в 1920-х гг. Так, на 1 января 1926 г. на 2-м курсе физико-математического отделения обучались 97 студентов, на 3-м курсе – 70, на 4-м курсе – 34 студента. Тогда БГУ пополнился 13 студентами физико-математического отделения, переведенными в Минск из ликвидированного Витебского педагогического института для завершения учебы. Считалось, что нормальное количество студентов в группе на практических занятиях по математике и механике – 40–50 человек, по «практыкаванню» (вероятно, отработке различных навыков во время учебной практики) – 25–30 человек[24]. Например, в январе 1927 г. декан педагогического факультета сообщал, что студенты проходят педагогическую практику только в 1-м семестре 4-го курса, при этом каждый из них должен разработать одну законченную тему по комплексной системе или лабораторному плану. Разработка темы велась на протяжении трех недель: в первую неделю студенты знакомились со школьной жизнью и преподаванием, во вторую рецензировали работу других студентов-практикантов, в третью проводили самостоятельные занятия – обобщающую конференцию по заданию и вступительную беседу. После этого на специальной конференции проходило обсуждение работ. Всего в 1-м семестре в белорусской школе прошли практику 105 студентов факультета, в том числе 19 человек по математике и 12 человек по физике. В целом было признано, что практика организована ненадлежащим образом, студенты на последнем курсе перегружены, в результате чего эффективность их работы в школе снижается. Деканат обязался разработать новую программу на следующий учебный год[25].

В 1926 г. физико-математическое отделение окончили 32 студента, а в 1928 г. – 61 студент. В условиях новой экономической политики высшее образование пока еще могли получать и выходцы из семей торговцев, служащих, ремесленников, хотя

[21]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 24. Л. 15.
[22]Там же. Д. 213. Л. 30.
[23]Там же. Д. 267. Л. 27–28.
[24]Там же. Д. 184. Л. 6.
[25]Там же. Д. 244. Л. 23.

социальное положение студентов и выпускников физико-математического отделения из года в год «очищалось» в ходе соответствующей политической кампании. В национальном отношении преобладали белорусы и евреи, в гендерном – мужчины (так, в 1928 г. дипломы получили 47 мужчин и лишь 14 женщин)[26]. Выпускница физико-математического отделения педагогического факультета Анна Нахимовская, в будущем ставшая одним из олицетворений университетской математики и в послевоенные годы заведующей кафедрой геометрии физико-математического отделения, в статье в молодежной газете отмечала участие студентов физико-математического отделения в этих кампаниях. По ее словам, на всех курсах с привлечением беспартийных проработали инструкции, уделили внимание вопросам освещения чистки в стенгазете, связались с парторганизацией, кроме «легкой кавалерии», создали бригаду для изучения общественно-политической работы проверяемых комсомольцев и предложили бытовой комиссии посетить их на дому. Вот только вскоре курсовая ячейка своевременно предупредила такую попытку, «принижающую политическое значение чистки»[27]. Более того, студенты-выпускники физико-математического отделения в 1928 г. выступили чуть ли не с «антисоветских позиций», что выразилось в нежелании пригласить общественных, партийных и студенческих представителей для традиционного коллективного фотоснимка. Это даже стало предметом рассмотрения и оценки «политической физиономии» некоторых студентов на заседании правления БГУ. Однако университетскому руководству в уже политически непростое время удалось «спустить на тормозах» этот вопиющий факт. Было решено не исключать выпускников и предоставить им возможность «стать хорошими советскими гражданами» по месту распределения[28].

Несмотря на все идеологические приемы, в целом выпускники педагогического факультета не очень-то стремились испытывать тяготы учительской профессии в белорусской глубинке. Республиканская пресса сообщала о том, что около 40 выпускников 1929 г. отказались работать в деревне и путем ухищрений устроились в городах и местечках. И это при том, что в среднем обучение одного студента обходилось государству в 613 руб., а стипендиата – в 840 руб., да и стать студентом БГУ было весьма непросто. Через «сито» приемных экзаменов (например, летом 1926 г.) абитуриентов пропускали почти все штатные преподаватели математики: профессор А. А. Михайловский, преподаватели В. К. Дыдырко, В. И. Кохомский, Г. Н. Сагалович, В. Л. Левкович, ассистент А. П. Круталевич. По математике экзаменовались 297 человек, 204 из них ответили удовлетворительно, 93 – неудовлетворительно. Экзамен показал, что значительная часть абитуриентов не справлялись с предъявляемыми требованиями как в силу завышенных ожиданий экзаменаторов, так и из-за слабой подготовки. Приемная комиссия констатировала, что по сравнению с прошлым годом знания оказались худшими. Хорошая подготовка выявлена у тех, кто окончил общеобразовательные курсы[29].

Только лишь в качестве примера хотелось бы привести некоторые позиции существовавших в то время учебных планов, которые осваивали студенты физико-математического отделения педагогического факультета. Так, в 1923/24 учебном году отпечатанный типографским способом специальный формуляр с 15 дисциплинами студенты были обязаны заполнять собственноручно из-за отсутствия на тот момент устойчивого перечня предметов, обязательных к изучению. Их названия вносились в формуляр после прихода в аудиторию преподавателя. В этом учебном году математики педагогического факультета, кроме лекций по диалектическому материализму, истории социализма, физике, химии, анатомии и физиологии человека, психологии, истории педагогики, белорусскому и английскому языкам, слушали курсы по аналитической геометрии, дифференциальным исчислениям, теории определителей, сферической тригонометрии, описательной астрономии. А вот уже с 1926 г. учебные планы печатались типографским способом и были доступны всем [14–16]. В 1926/27 учебном году на 2-м курсе физико-математического отделения геодезию и описательную астрономию читал профессор А. А. Михайловский (2 ч в неделю), аналитическую геометрию – доцент В. К. Дыдырко (4 ч), высшую алгебру – пока еще ассистент А. П. Круталевич (2 ч). На 3-м курсе В. К. Дыдырко вел дифференциальную геометрию, И. С. Пятосин – интегральное исчисление, ассистенты А. П. Круталевич и Г. Н. Сагалович – методику математики. Оба скоро стали доцентами. Так, в сентябре 1927 г. А. П. Круталевич был представлен в Наркомпрос БССР на утверждение в должности доцента кафедры математики и уже 26 октября этого года официально получил повышение своей профессиональной квалификации[30]. Рекомендацию ему дал Е. Е. Сиротин, заметивший, что заслуги А. П. Круталевича как педагога, ученого и общественного деятеля почему-то столь долго не были отмечены повышением профессионального статуса. А Г. Н. Сагалович все довоенные

[26]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 24. Л. 25, 37.
[27]*Нахимовская А.* Учли уроки совстроя // Чырв. змена. 1930. 27 крас. (№ 88).
[28]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 273. Л. 161.
[29]Там же. Д. 164. Л. 91.
[30]Там же. Д. 273. Л. 27 ; Там же. Д. 222. Л. 148.

годы считался признанным методистом в сфере преподавания математических дисциплин. Интересно, что курс черчения также был закреплен за кафедрой математики, его вел ассистент В. Л. Левкович. В следующем учебном году как количество часов и читаемые курсы, так и состав преподавателей практически не изменились.

Для иллюстрации значимости работы университетских математиков в специфических условиях на рубеже 1920–30-х гг. приведем любопытную рукописную запись на тетрадных страницах. По случаю 10-летия БГУ к премированию «за счет внутренних резервов» были представлены несколько преподавателей, в том числе недавно приехавший в Минск академик Белорусской академии наук Ц. Л. Бурстин, только что ставшие профессорами В. К. Дыдырко и И. С. Пятосин, а также доцент Г. Н. Сагалович. Как заведующий кафедрой, Ц. Л. Бурстин «за вялікую навуковую працу і актыўны ўдзел у грамадскім жыцці» удостоился подписок на «Малую савецкую энцыклапедыю» за 80 руб. и «Гісторыю фабрык і заводаў» за 195 руб., а вот В. К. Дыдырко и И. С. Пятосин премировались командировками «ў Маскву ці Ленінград» по 200 руб. каждый за «добрую пастаноўку педпрацэсу, за навуковую працу, за разгортванне сацспаборніцтва і ўдарніцтва, за дапамогу студэнтам». Для Г. Н. Сагаловича «за добрую пастаноўку выкладання, за педагагічную працу, за актыўную працу па складанні праграм масавай школы»[31] выделили путевку на две недели в дом отдыха стоимостью 80 руб. Как бы сегодня такое премирование ни выглядело несколько необычно, однако оно было индивидуальным, с точными констатациями заслуг ученых и определялось как идеологической актуальностью (для Ц. Л. Бурстина), так и поддержкой научных запросов и здоровья ученых.

Начало математических исследований в стенах БГУ

Разумеется, в БГУ с самых первых дней его деятельности понимали, что достойный уровень преподавания всех дисциплин, в том числе и математики, невозможен без глубоких научных знаний всех преподавателей. И, если можно так выразиться, равнение держали на самые высокие образцы науки, большинство стремились именно через демонстрацию своих исследовательских достижений строить преподавательские карьеры. Объединяющим началом в занятиях наукой стали организация в 1922 г. научного общества БГУ и выход годичных номеров научного сборника «Труды БГУ». В научном обществе среди первых трех его секций была и физико-математическая (председатель – профессор-физик Е. Е. Сиротин, секретарь – преподаватель-математик А. П. Круталевич). В скором времени математическую составляющую секции возглавил профессор А. А. Михайловский. Только за первый год ее деятельности состоялись семь заседаний. На них математики А. П. Круталевич, К. М. Годыцкий-Цвирко, Ч. М. Домбровский, В. К. Дыдырко, И. С. Пятосин выступили с докладами по различным проблемам математики и геометрии («Теория определителей профессора Кагана», «О мнимостях в геометрии», «О состоянии германской физико-математической литературы за последние годы», «Основания геометрии Гильберта»), а профессор-философ В. Н. Ивановский представил работу «О методологии математики»[32].

Широкое информационное освещение деятельности физико-математической секции научного общества при БГУ за 5 лет (с февраля 1923 по февраль 1928 г.) было представлено в сборнике «Труды БГУ». В этом своеобразном отчете названы 74 научных доклада, озвученных математиками и физиками на 45 состоявшихся заседаниях, из них 34 доклада сделаны сугубо по проблемам математики. Указывалось, что научные доклады были «двоякого типа: исследовательские, представлявшие самостоятельные работы отдельных членов секции, и информационные, вводившие чле нов секции в круг новейших идей и исследований в области физики и математики, а также знакомившие с работами всесоюзных съездов физиков и математиков» [17, с. 359]. Особое значение имели выступления, апробированные на Первой Всебелорусской физико-математической конференции, организованной данной секцией в феврале 1926 г. На этой конференции были сделаны 13 методических и 4 научно-обзорных доклада.

В 1928 г. в секции состояли 18 физиков и математиков БГУ, а на ее заседания в среднем приходили до 40 человек. Все ранее названные университетские математики не единожды выступали с представлением своих научных наработок. Однако замечены и два новых имени: А. Ю. Мицкевич, в феврале 1926 г. выступивший с темой «Дальтон-план в применении к математике в комвузе», и В. С. Рутковский, прочитавший доклад «Иллюстрация относительных чисел». Некоторые факты о научных интересах математиков в 1928 г. можно узнать из списка работ (всего названы фамилии 31 преподавателя физики и математики), который деканат педагогического факультета представил в правление БГУ. В этом списке значились лишь те труды, которые авторы были намерены опубликовать в ближайшее время. Так, Ч. М. Домбровский подготовил работы «Познание о независимости постулата в системе Гильберта»

[31]Из личного архива автора.
[32]НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Л. 266 об.

и «К методологии “математических наук”. Идеализм и прагматичный реализм математики»[33].

В целом научно-педагогический коллектив к этому времени сформировался. Хотя все же на протяжении 1928–1930 гг. деканат педагогического факультета запрашивал новые штатные ставки для кафедр математики, астрономии и методики математики (для каждой из них требовались 1 профессор, 2 доцента, 1–2 ассистента, 2 аспиранта).

Занимаясь с 1927 г. подготовкой молодых кадров через аспирантуру, университет по-прежнему постоянно искал уже состоявшихся ученых (и даже с мировым именем). На заседании правления БГУ 18 июля 1928 г. было заслушано заявление профессора Высших педагогических курсов при Технологическом институте (Ленинград) В. Р. Мрочека о предоставлении ему кафедры методики математики и методологии математики на педагогическом факультете. Принципиально согласившись с кандидатурой последнего, правление БГУ запросило его автобиографию и список научных трудов. Надо сказать, что судьба этого математика была чрезвычайно сложной как до революции, так и после нее (в 1937 г. его расстреляли). В. Р. Мрочек считался крупным специалистом в истории науки, однако по каким-то причинам так и не приехал в Минск.

На этом же заседании слушали заявление доктора Я. П. Громмера о предоставлении ему кафедры математики на педагогическом факультете. К заявлению прилагался отзыв профессора А. Эйнштейна. Принципиально согласившись с кандидатурой Я. П. Громмера, правление БГУ передало документы в деканат и поручило ему в ближайшее время создать комиссию для дачи отзыва о научной деятельности доктора Я. П. Громмера. Выдающийся математик, уроженец Бреста Я. П. Громмер во многом благодаря рекомендации своего учителя и коллеги, гения А. Эйнштейна («доктор Громмер является одним из самых опытных ученых по предмету аналитической математики») с 1 ноября 1928 г. был утвержден в должности профессора кафедры математики. Свою включенность в европейский научный математический контекст Я. П. Громмер демонстрировал не раз. Например, 23 мая 1932 г. он, как ученый Белорусской академии наук, подал заявление с просьбой о научной командировке в Швейцарию, поскольку получил приглашение к участию в Интернациональном математическом конгрессе, который должен был состояться 4–12 сентября 1932 г. в Цюрихе. В заявлении, написанном от руки вполне разборчивым почерком, математик также просил «уполномочить быть представителем белорусской академии на конгрессе» и обязывался, кроме научного доклада, прочитать перед зарубежными коллегами лекцию о «связи теор. науки с живой практикой в сов. России»[34]. Однако тяжелобольной ученый недолго преподавал белорусским студентам, больше занимаясь математикой как наукой, и вскоре (в 1933 г.) умер.

Развитие СССР и БССР требовало от университета подготовки специалистов-практиков в самых различных сферах производства и, конечно, формирования национальных кадров высшей квалификации в признанных областях знаний. По этой причине для приобщения БГУ к европейскому уровню познания математики во всех ее направлениях был приглашен Ц. Л. Бурстин. В апреле 1929 г. он приехал из Вены в Минск, стал одним из первых белорусских академиков, но через короткое время был репрессирован и умер в тюремной больнице.

Создание аспирантуры при БГУ требовалось по всем направлениям знаний и специальностям, но путь к полноценной и узаконенной ее деятельности оказался непростым. Даже после утверждения аспирантуры на союзном уровне 22 февраля 1928 г. правление БГУ вынуждено было обращаться в Главнауку БССР, указывая на то, что вопрос об открытии аспирантуры является для БГУ чрезвычайно важным и что до настоящего времени на него не было обращено должного внимания. Через день из университета в Главнауку БССР ушло письмо с замечаниями по проекту устава об аспирантах, в котором отмечалась необходимость увеличить срок обучения в аспирантуре для физико-математического и природоведческого отделений с 3 до 4 лет, а аспирантов оставлять по всем кафедрам, причем окончившим физико-математическое и природоведческое отделения рекомендовалось прослушать дополнительные курсы по причине «сокращенности программы этих отделений»[35]. Педагогический факультет для нормальной научной работы кафедр требовал от правления БГУ учредить 40 аспирантских должностей, в том числе 2 по математике, 1 по механике и 1 по астрономии.

Заключение

Как бы там ни было, названные выше проблемные вопросы, в первую очередь кадрового характера, всегда актуальны в работе университетов, факультетов, кафедр. Подготовка кадров высшей квалификации является длительным процессом и предполагает наличие должного уровня научных

[33] НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 267. Л. 297.
[34] Центр. науч. арх. НАН Беларуси. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16а. Л. 238–238 об.
[35] НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 267. Л. 111, 183.

руководителей. Особенно это относится к такой точной науке, как математика. Все же можно считать, что за 10 лет своей работы БГУ сформировался по всем главным параметрам как университет самодостаточный, способный строить планы и достигать поставленных целей. И это несмотря на недостатки в финансировании, различного рода «кампанейщины» в преподавании, а главное – вопреки чудовищным по своим последствиям политическим репрессиям.

Библиографические ссылки

1. Доўнар-Запольскі М. *Выбранае*. Лебедзева В, укладальнік. Мінск: Беларуская навука; 2017. 668 с. (Беларускі кнігазбор).

2. Абецедарский ЛС, Бабицкий БЕ, Годнев ТН, Дементьев ВА, Дорогин ВА, Жиркевич МИ и др., составители. *Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина*. Минск: Издательство Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР; 1962. 278 с.

3. Кожушков АИ, Лабуда АА, Гусак АА, Капуцкий ФН, Петрович ПГ, Романовский НТ и др., составители. *Белорусский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени В. И. Ленина*. Минск: БГУ; 1971. 319 с.

4. Турук ФФ. Университетская летопись. *Труды Белорусского государственного университета в Минске*. 1922;1:175–207.

5. Пічэта УІ. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт напярэдадні 10-годдзя Кастрычнікавай рэвалюцыі. У: *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт 1921–1927: да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі*. Менск: [б. в.]; 1927. с. 5–46.

6. Пічэта УІ. Савецкая ўлада і пытанне аб адчыненні ўніверсітэта на Беларусі. *Савецкае будаўніцтва*. 1928;6:137–143.

7. Каценбоген СЗ. Белорусский государственный университет за 1921–1922 академический год: итоги и перспективы. *Труды Белорусского государственного университета в Минске*. 1922;2–3:326–364.

8. Каценбоген СЗ, составитель. *Белорусский государственный университет в 1922–23 учебном году (Итоги и перспективы)*. Минск: 1-я Гостипография «Белтрестпечати»; 1923. 52 с.

9. Яновский ОА. Иосиф Степанович Пятосин. В: Король АД, Бурачонок АВ, Гужаловский АА, Ершова ОИ, Захаркевич СА, Кохнович ВА и др. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961)*. Король АД, редактор. Минск: БГУ; 2019. с. 75–88.

10. Яновский ОА. Владимир Кондратьевич Дыдырко. В: Король АД, Бурачонок АВ, Гужаловский АА, Ершова ОИ, Захаркевич СА, Кохнович ВА и др. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961)*. Король АД, редактор. Минск: БГУ; 2019. с. 23–37.

11. Яновский ОА. Арсений Алексеевич Михайловский. В: Король АД, Бурачонок АВ, Гужаловский АА, Ершова ОИ, Захаркевич СА, Кохнович ВА и др. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961)*. Король АД, редактор. Минск: БГУ; 2019. с. 62–74.

12. Кохнович ВА. Целестин Леонович Бурстин. В: Абламейко СВ, Бригадин ПИ, Грибко ИЛ, Ершова ОИ, Захаркевич СА, Кохнович ВА и др. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941)*. Абламейко СВ, редактор. Минск: БГУ; 2017. с. 123–131.

13. Ходин СН. Яков Пинхусович Громмер. В: Король АД, Бочило ИГ, Бурачонок АВ, Войтович АВ, Гернович ТД, Ершова ОИ. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–2021)*. Король АД, редактор. Минск: БГУ; 2021. с. 36–44.

14. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. *Агляд выкладання на 1-м курсе педагагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*. Менск: Галоўлітбел; 1926. 67 с.

15. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. *Агляд выкладання на педагагічным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 1927/28 акадэмічным годзе*. Менск: Галоўлітбел; 1927. 68 с.

16. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. *Агляд выкладання на факультэце права і гаспадаркі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 1927/28 акадэмічным годзе*. Менск: Галоўлітбел; 1927. 33 с.

17. О деятельности физико-математической секции научного общества при Белорусском государственном университете (за 5-летний период: с февраля 1923 г. по февраль 1928 г.). *Труды Белорусского государственного университета*. 1928;17–18:359–362.

References

1. Downar-Zapol'ski M. *Vybranae* [Favorites]. Lebedzeva V, compiler. Minsk: Belaruskaja navuka; 2017. 668 p. (Belaruski knigazbor). Belarusian.

2. Abetsedarskii LS, Babitskii BE, Godnev TN, Dement'ev VA, Dorogin VA, Zhirkevich MI, et al., compilers. *Belorusskii gosudarstvennyi universitet imeni V. I. Lenina* [Lenin Belarusian State University]. Minsk: Izdatel'stvo Ministerstva vysshego, srednego spetsial'nogo i professional'nogo obrazovaniya BSSR; 1962. 278 p. Russian.

3. Kozhushkov AI, Labuda AA, Gusak AA, Kaputskii FN, Petrovich PG, Romanovskii NT, et al., compilers. *Belorusskii ordena Trudovogo Krasnogo Znameni gosudarstvennyi universitet imeni V. I. Lenina* [Belarusian Order of the Red Banner of Labor State University named after V. I. Lenin]. Minsk: Belarusian State University; 1971. 319 p. Russian.

4. Turuk FF. [University chronicle]. *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta v Minske*. 1922;1:175–207. Russian.

5. Pichjeta UI. [Belarusian State University on the eve of the 10th anniversary of the October Revolution]. In: *Belaruski dzjarzhawny wniversitjet 1921–1927: da 10-j gadaviny Kastrychnikavaj rjevaljucyi* [Belarusian State University 1921–1927: to the 10th anniversary of the October Revolution]. Mensk: [s. n.]; 1927. p. 5–46. Belarusian.

6. Picheta UI. [Soviet power and the question of opening a university in Belarus]. *Saveckae budawnictva*. 1928;6:137–143. Belarusian.

7. Katsenbogen SZ. [Belarusian State University for the 1921–1922 academic year: results and prospects]. *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta v Minske*. 1922;2–3:326–364. Russian.

8. Katsenbogen SZ, compiler. *Belorusskii gosudarstvennyi universitet v 1922–23 uchebnom godu (Itogi i perspektivy)* [Belarusian State University for the 1922–23 academic year (Results and prospects)]. Minsk: 1-ya Gostipografiya «Beltrestpechati»; 1923. 52 p. Russian.

9. Yanovskij OA. [Joseph Stepanovich Pyatosin]. In: Korol' AD, Burachonok AV, Guzhalovskii AA, Ershova OI, Zakharkevich SA, Kokhnovich VA, et al. *Intellektualnaya elita Belarusi. Osnovopolojniki belorusskoi nauki i visshego obrazovaniya (1919–1961)* [The intellectual elite of Belarus. Founders of Belarusian science and higher education (1919–1961)]. Korol' AD, editor. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 75–88. Russian.

10. Yanovskij OA. [Vladimir Kondratyevich Dydyrko]. In: Korol' AD, Burachonok AV, Guzhalovskii AA, Ershova OI, Zakharkevich SA, Kokhnovich VA, et al. *Intellektualnaya elita Belarusi. Osnovopolojniki belorusskoi nauki i visshego obrazovaniya (1919–1961)* [The intellectual elite of Belarus. Founders of Belarusian science and higher education (1919–1961)]. Korol' AD, editor. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 23–37. Russian.

11. Yanovskij OA. [Arseny Alekseevich Mikhailovsky]. In: Korol' AD, Burachonok AV, Guzhalovskii AA, Ershova OI, Zakharkevich SA, Kokhnovich VA, et al. *Intellektualnaya elita Belarusi. Osnovopolojniki belorusskoi nauki i visshego obrazovaniya (1919–1961)* [The intellectual elite of Belarus. Founders of Belarusian science and higher education (1919–1961)]. Korol' AD, editor. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 62–74. Russian.

12. Kohnovich VA. [Celestine Leonovich Burstin]. In: Ablameiko SV, Brigadin PI, Gribko IL, Ershova OI, Zakharkevich SA, Kokhnovich VA, et al. *Intellektualnaya elita Belarusi. Osnovopolojniki belorusskoi nauki i visshego obrazovaniya (1919–1941)* [The intellectual elite of Belarus. Founders of Belarusian science and higher education (1919–1941)]. Ablameiko SV, editor. Minsk: Belarusian State University; 2017. p. 123–131. Russian.

13. Hodin SN. *Yakov Pinhusovich Grommer* [Yakov Pinkhusovich Grommer]. In: Korol' AD, Bochilo IG, Burachonok AV, Voitovich AV, Gernovich TD, Ershova OI, et al. *Intellektualnaya elita Belarusi. Osnovopolojniki belorusskoi nauki i visshego obrazovaniya (1919–2021)* [Intellectual elite of Belarus. Founders of Belarusian science and higher education (1919–2021)]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 36–44. Russian.

14. Belaruski dzjarzhawny wniversitjet. *Agljad vykladannja na 1-m kurse pedagagichnaga fakul'tjeta Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta* [Review of teaching in the 1st year of the pedagogical faculty of the Belarusian State University]. Mensk: Galowlitbel; 1926. 67 p. Belarusian.

15. Belaruski dzjarzhawny wniversitjet. *Agljad vykladannja na pedagagichnym fakul'tjece Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta w 1927/28 akadjemichnym godze* [Review of teaching at the pedagogical faculty of the Belarusian State University in the 1927/28 academic year]. Mensk: Galowlitbel; 1927. 68 p. Belarusian.

16. Belaruski dzjarzhawny wniversitjet. *Agljad vykladannja na fakul'tjece prava i gaspadarki Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta w 1927/28 akadjemichnym godze* [Review of teaching at the faculty of law and economy of the Belarusian State University in the 1927/28 academic year]. Mensk: Galowlitbel; 1927. 33 p. Belarusian.

17. [On the activities of the physics and mathematics section of the scientific society at the Belarusian State University (for a 5-year period: from February 1923 to February 1928)]. *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1928;17–18: 359–362. Russian.

Статья поступила в редколлегию 21.05.2021.
Received by editorial board 21.05.2021.

УДК 94(476):930(476)

АНТОН НИКИТИЧ ЯСИНСКИЙ И СТАНОВЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ МЕДИЕВИСТИКИ В 1920-х гг.

О. И. МАЛЮГИН[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

На основе материалов белорусских архивов рассмотрена научная и педагогическая деятельность знаменитого слависта А. Н. Ясинского в последний – московско-минский – период его жизни. Отмечается, что революционные события 1917–1921 гг. вынудили его, как и многих других представителей столичной интеллигенции, искать работу в новых провинциальных учреждениях высшего образования. С 1922 г. он преподавал в Белорусском государственном университете, став одним из родоначальников белорусской медиевистики и славистики. В 1928 г. был избран академиком вновь созданной Белорусской академии наук, где продолжал исследования как чешского Средневековья, так и истории Беларуси в Средние века. Однако внешние обстоятельства не позволили А. Н. Ясинскому создать в Беларуси свою научную школу, а его исследования 1920-х гг. остались малоизвестными.

Ключевые слова: Антон Никитич Ясинский; Белорусский государственный университет; Белорусская академия наук; медиевистика; славяноведение.

АНТОН НІКІЦІЧ ЯСІНСКІ І СТАНАЎЛЕННЕ БЕЛАРУСКАЙ МЕДЫЯВІСТЫКІ Ў 1920-я гг.

А. І. МАЛЮГІН[1*]

[1*]*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

На аснове матэрыялаў беларускіх архіваў разглядаецца навуковая і педагагічная дзейнасць знакамітага славіста А. М. Ясінскага ў апошні – маскоўска-мінскі – перыяд яго жыцця. Адзначаецца, што рэвалюцыйныя падзеі 1917–1921 гг. вымусілі яго, як і многіх іншых прадстаўнікоў сталічнай інтэлігенцыі, шукаць працу ў новых правінцыяльных установах вышэйшай адукацыі. З 1922 г. ён выкладаў у Беларускім дзяржаўным універсітэце, стаўшы адным з родапачынальнікаў беларускай медыявістыкі і славістыкі. У 1928 г. быў абраны акадэмікам зноў створанай Беларускай акадэміі навук, дзе працягваў даследаванні як чэшскага Сярэднявечча, так і гісторыі Беларусі ў Сярэднія вякі. Аднак знешнія абставіны не дазволілі А. М. Ясінскаму стварыць у Беларусі сваю навуковую школу, а яго даследаванні 1920-х гг. засталіся малавядомымі.

Ключавыя словы: Антон Нікіціч Ясінскі; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; Беларуская акадэмія навук; медыявістыка; славязнаўства.

Образец цитирования:
Малюгин ОИ. Антон Никитич Ясинский и становление белорусской медиевистики в 1920-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2021;3:33–44.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-33-44

For citation:
Maliugin OI. Anton Nikitich Yasinsky and the formation of the Belarusian Medieval studies in the 1920s. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;3:33–44. Russian.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-33-44

Автор:
Олег Иванович Малюгин – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета.

Author:
Oleg I. Maliugin, PhD (history), docent; associate professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history.
maliugin@bsu.by
orcid.org/0000-0001-5848-5918

Журнал Белорусского государственного университета. История. 2021;3:33–44
Journal of the Belarusian State University. History. 2021;3:33–44

ANTON NIKITICH YASINSKY AND THE FORMATION OF THE BELARUSIAN MEDIEVAL STUDIES IN THE 1920s

O. I. MALIUGIN[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article is devoted to the study of the scientific and pedagogical activities of the famous Slavist A. N. Yasinsky in the last – Moscow-Minsk – period of his life based on the materials of the Belarusian archives. Revolutionary events of 1917–1921 forced him, like many other representatives of the capital's intelligentsia, to look for work in new provincial universities. Since 1922 he has been teaching at the Belarusian State University, becoming one of the founders of Belarusian Medieval and Slavic studies. In 1928 he was elected an academician of the newly created Belarusian Academy of Sciences, where he continued his studies of both the Czech Middle Ages and the history of Belarus in the Middle Ages. However, external circumstances did not allow A. N. Yasinsky to create his own scientific school in Belarus, and his research of the 1920's remained little known to specialists.

Keywords: Anton Nikitich Yasinsky; Belarusian State University; Belarusian Academy of Sciences; Medieval studies; Slavic studies.

Введение[1]

Антон Никитич Ясинский – один из наиболее известных российских исследователей славянского Средневековья, член-корреспондент Королевского общества наук в Праге (1902), член Чешской академии императора Франца Иосифа (1906), действительный член Института белорусской культуры (1927), академик Белорусской академии наук (1928). Основная часть его трудов, изданных еще до революции, посвящена средневековой истории Чехии и России, а также формированию крупного землевладения в Беларуси в XV в.

Однако, несмотря на значимую роль в развитии славяноведения и особенно изучении истории Чехии в Средние века, специальные исследования, посвященные жизни и творчеству ученого, практически отсутствуют. М. А. Казакова в работе [2] рассматривает его исторические взгляды, а небольшая статья А. Е. Москаленко, по признанию самого автора, лишь попытка осветить некоторые моменты его научной карьеры, поскольку «многое в жизни и научно-педагогической деятельности Ясинского еще остается неясным» [3, с. 255]. В современной российской историографии можно отметить работу Л. П. Лаптевой, где творчеству А. Н. Ясинского посвящена одна глава [4, с. 546–607]. Однако основное внимание автора привлекает юрьевский (дерптский) период жизни и творчества историка, когда им были проведены основные исследования. О более поздних годах жизни А. Н. Ясинского в работе Л. П. Лаптевой содержатся лишь отрывочные сведения, причем она отмечает, что «современный уровень знания документов об этом периоде деятельности ученого не позволяет определить картину в деталях» [4, с. 577].

Потому целью данной статьи является освещение жизни и творчества историка в последний, московско-минский, период жизни, когда послереволюционные события связали его с Беларусью. Здесь он преподавал во вновь созданном Белорусском государственном университете и работал в Белорусской академии наук, сыграв видную роль в становлении исторической науки в Беларуси и подготовке национальных научных кадров.

Основная часть

Жизнь и творчество А. Н. Ясинского до начала работы в БГУ. Антон Никитич Ясинский родился 22 сентября 1864 г.[2] в с. Межирич Каневского уезда[3] Киевской губернии в семье русского по национальности «купца Херсонской губернии»[4].

Старший брат Михаил также стал крупным ученым, специалистом по истории права, с 1910 г. занимал должность декана юридического факультета Императорского Киевского университета Святого Владимира, позднее, находясь в эмиграции, являлся

[1]Статья представляет собой исправленный и дополненный вариант материала [1].

[2]Л. П. Лаптева обосновывает, что датой рождения А. Н. Ясинского следует считать 17 октября 1864 г., как указано в аттестате об окончании гимназии и формулярных списках. В тех документах, где стоит дата 22 сентября, по ее мнению, совершил ошибку сам А. Н. Ясинский [4, с. 552].

[3]Ссылаясь на гимназический аттестат А. Н. Ясинского, Л. П. Лаптева доказывает, что с. Межирич находилось не в Каневском, а в Черкасском уезде Киевской губернии [4, с. 552].

[4]Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Оп. 3. Д. 9713. Л. 1 ; Там же. Оп. 1. Д. 144. Л. 43 (В документах середины 1920-х гг. (списке профессорско-преподавательского состава БГУ, составленном 9 марта 1925 г.) о происхождении А. Н. Ясинского также указано: «сын купца».) ; Там же. Оп. 28. Д. 22. Л. 118. (Лишь в конце 1920-х гг. купеческое происхождение стало «неудобным», и в характеристике А. Н. Ясинского от 1928 г. при выборах академиков Белорусской академии наук (далее – БАН) указано: «сын безземельного крестьянина».)

профессором юридического факультета Люблянского университета (Словения).

В 1884 г. А. Н. Ясинский окончил 1-ю киевскую гимназию, после чего поступил учиться в Императорский Киевский университет Святого Владимира на историко-филологический факультет. Интересовался преимущественно историческими науками, постигая их под руководством известных ученых того времени, среди которых наибольшее влияние на него оказал Ф. Я. Фортинский[5]. Будучи студентом, А. Н. Ясинский получал стипендию. Видимо, по каким-то причинам семья не могла оказывать ему материальную помощь, и он обязался «за каждый год пользования стипендией прослужить полтора года по назначению Министерства народного просвещения в одном из подведомственных ему средних учебных заведений г. Киева» [3, с. 258].

Окончил университет А. Н. Ясинский 20 декабря 1888 г. Получил степень кандидата и стал готовиться к получению профессорского звания. Параллельно в 1889–1896 гг. преподавал в различных учебных заведениях (в автобиографии он упоминает Киевскую женскую гимназию Ващенко-Захарченко, Киевский кадетский корпус, киевскую 1-ю гимназию и др.)[6].

Степень магистра А. Н. Ясинский получил, защитив диссертацию «Падение земского строя в чешском государстве (X–XIII вв.)», а степень доктора всеобщей истории – защитив диссертацию «Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века». Обе диссертации были отмечены Императорской академией наук и удостоены премий имени А. А. Котляревского и М. В. Ломоносова соответственно.

В 1902 г. Антон Никитич был избран членом-корреспондентом Королевского общества наук в Праге, а в 1906 г. – членом историко-философского и юридического отделения Чешской академии императора Франца-Иосифа[7].

Преподавательская карьера А. Н. Ясинского в высшей школе началась в 1896 г., когда он занял должность экстраординарного профессора Юрьевского университета на кафедре истории. С 1901 г., после защиты докторской диссертации в Императорском Киевском университете Святого Владимира, он стал ординарным профессором на этой же кафедре. В такой должности он проработал 11 лет, читая самые разнообразные курсы: по средневековой истории (которая была его основной специальностью), русской истории и историографии, истории церкви в первые века ее существования, методологии истории.

В 1904–1911 гг. А. Н. Ясинский также занимал должность председателя педагогического совета Юрьевской женской гимназии им. А. С. Пушкина, а в 1911 г. заведовал одногодичными курсами для подготовки преподавателей, опубликовал ряд статей по вопросам педагогики.

В период работы в Киеве и Юрьеве вышли в свет основные научные труды А. Н. Ясинского по истории Чехии[8], средневековой истории[9] и русской истории[10].

В конце 1911 г. происходит резкий поворот в жизни Антона Никитича. Он переезжает в Москву, где становится директором и преподавателем Педагогического института имени П. Г. Шелапутина. Здесь он занимается не только преподаванием педагогики, теории и истории образования, но и организацией занятий. Работа в институте продолжается до 15 марта 1919 г.

С 1912 г. ученый параллельно начал преподавать в Императорском Московском университете, где был приват-доцентом на кафедре всеобщей истории и читал курс по истории Средних веков. После революции, когда были отменены прежние научные звания, на протяжении немногим менее года он числился здесь профессором. Суровые революционные времена вынуждали старую интеллигенцию искать

[5]Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802–1902). Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1903. Т. 2. С. 397. (Сам А. Н. Ясинский называл Ф. Я. Фортинского «дорогим учителем» и позднее посвятил ему отдельную статью (*Ясинский А. Н.* Федор Яковлевич Фортинский как учитель и профессор // Чтения в истор. общ-ве Нестора летописца. Киев : Тип. Т. Г. Менандера, 1903. Кн. XXII. Вып. 2. С. 27–63).)

[6]НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 9713. Л. 4.

[7]Там же. Оп. 1. Д. 55. Л. 77. (Эти даты (если быть более точными, 8 января 1902 г. и 27 октября 1906 г.) приведены в документах Чешской академии наук, на что в своей работе указывает Л. П. Лаптева [4, с. 602]. В то же время они отличаются от общепринятых дат в этой странице биографии А. Н. Ясинского (1901 и 1907 гг. соответственно). Как курьез можно рассматривать тот факт, что в первые годы работы А. Н. Ясинского в БГУ составители списка профессорско-преподавательского состава указали его членом Парижской академии наук, перепутав две европейские столицы.)

[8]*Ясинский А. Н.* Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1901. 328 с. ; *Он же.* Основные черты развития права в Чехии. XIII–XV вв. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1902. 43 с. ; *Он же.* Введение немецкого права в селах Чехии XIV века. Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1903. 28 с. ; *Он же.* Присяга крестьян по чешскому средневековому праву: страница из истории крестьян в Чехии. СПб. : Тип. Император. акад. наук, 1904. 16 с.

[9]*Ясинский А. Н.* Лекции по истории средних веков. Раннее Средневековье (печатано по запискам студентов). Юрьев : Тип. Э. Бергмана, 1910. 403 с.

[10]*Ясинский А. Н.* Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев : Тип. Император. ун-та Св. Владимира, 1889. 215 с. ; *Он же.* Об охране и заселении степной окраины Московского государства в конце XVI и начале XVII веков. Речь, читанная на акте 13 октября 1896 г. преподавателем киевской 1-й гимназии А. Н. Ясинским. Киев : Лито-тип. т-ва И. Н. Кушнеров и К, 1900. С. 113–115.

дополнительный заработок. Так, А. Н. Ясинский несколько лет (с 1919 г. по лето 1922 г.) проработал во Всероссийской научно-педагогической ассоциации. В 1920–1922 гг. был профессором Московского археологического института, преподавая историю Византии и историю славян. Также в эти годы (как и позднее на протяжении 1920-х гг.) Антон Никитич подрабатывал в учреждениях высшего образования провинциальных городов (в Смоленске[11] и Воронеже[12]), где преподавал широкий круг дисциплин – как по истории, так и по теории и истории образования[13].

А. Н. Ясинский в Белорусском государственном университете. К 1922 г. Антон Никитич Ясинский являлся широко известным в России и Европе специалистом по славянской истории, автором более чем 50 публикаций (в том числе монографий), академиком, действительным членом Московского общества истории и древностей Российских, Московского исследовательского института истории[14]. Он читал на латыни, древнегреческом, немецком, французском, английском, итальянском, польском, чешском, сербском и болгарском языках.

В первые послереволюционные годы А. Н. Ясинский стал проявлять интерес и к истории Беларуси. Так, он был одним из учредителей и членов Белорусского научно-культурного общества [8, с. 9; 9, с. 4], а летом 1918 г. прочитал слушателям Белорусского народного университета в Москве курс лекций по истории образования в Беларуси[15]. Стоит отметить и тот факт, что фамилия А. Н. Ясинского была названа профессором М. В. Довнар-Запольским в мае 1918 г. среди тех 36 известных ученых, которые согласились занять профессорские должности в Белорусском университете в Минске [10, с. 61].

Так что неудивительно, что, когда нарком просвещения БССР В. И. Игнатовский (который считал себя учеником профессора) предложил А. Н. Ясинскому чтение лекций в молодом университете, маститый ученый дал согласие. Его трудовой стаж в БГУ отсчитывается с 1 сентября 1922 г.[16] Одно из первых упоминаний А. Н. Ясинского в документах правления БГУ – в протоколе заседания от 27 октября 1922 г., где Н. М. Никольский ходатайствовал об оплате профессору 6 лекционных часов в неделю с 1 сентября текущего года[17]. Так начался один из самых тяжелых и малоизученных периодов жизни ученого – московско-минский этап [3, с. 258, 262].

Первый курс, который поручили читать профессору в БГУ, был посвящен истории Средних веков и эпохе Крестовых походов. Сохранилась учебная программа А. Н. Ясинского к этому курсу с объяснительной запиской, в которой определены основные принципы его построения. Согласно записке курс был рассчитан на изучение V–XIII вв. в силу недостаточного количества недельного времени (всего 2 ч), а сама программа построена «…с уклоном к выделению культурно-исторического материала, вследствие чего обращается внимание на следующие основные моменты исторического процесса в Средние века: образование новых народов, распространение христианской культуры и феодализация общества и политического строя. Обзор политических событий вводится в ограниченном размере для объяснения той стороны дела, что исторический процесс протекал в различных странах Западной Европы своеобразным путем и привел в Германии к образованию княжевластия, во Франции – абсолютизма и в Англии – парламентского строя»[18]. Не затрагивались в курсе вопросы, связанные с аграрным строем, ремеслом и торговлей. Сам А. Н. Ясинский понимал ущербность такого подхода к изложению средневековой истории и объяснял его следующим образом: «Такого рода пробел, вообще недопустимый по существу дела… ся[19] тем обстоятельством, что одновременно с курсом общей истории и для тех же слушателей мною же читан курс по истории хозяйственного быта в Средние века»[20]. И действительно, в программе курса по истории средневекового хозяйственного быта указаны основные моменты по экономической истории Средневековья с упором на развитие аграрного строя на территории Франции[21]. Намного меньше внимания уделено развитию экономики в Германии и Англии, тема ремесла и торговли

[11]О том, что А. Н. Ясинский был знаком с состоянием дел в Смоленском университете, говорит его письмо Е. В. Петухову от 4 февраля 1925 г.: «Смоленский университет существует, но, по-видимому, плохо, ибо лучшие силы ушли или “их ушли”, а остались оборванцы, старающиеся поддержать жизнь учреждения одной ортодоксальностью» [цит. по 5, с. 54].

[12]Профессором Воронежского университета он числился, к примеру, в 1928 г. [6, с. 190]. Подробнее об этом указано в [7].

[13] НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 178. Л. 130. (Дополнительным свидетельством работы А. Н. Ясинского в этих учреждениях высшего образования на протяжении 1920-х гг. служит факт опубликования научных статей в университетских изданиях: *Ясинский А. Н.* Происхождение и природа чешских поземельных единиц // Науч. изв. Смолен. гос. ун-та. 1924. Т. II ; *Он же.* Происхождение пфальцграфов Германской империи // Труды Воронеж. гос. ун-та. 1925. Т. 1.)

[14]В 1920 г. А. И. Соболевский даже рассматривал кандидатуру А. Н. Ясинского в академики Российской академии наук [5, с. 315].

[15]НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 81. Л. 265. (Стоит отметить и тот факт, что занятия Белорусского народного университета проходили в помещении Педагогического института им. П. Г. Шелапутина, директором которого был А. Н. Ясинский.)

[16]Там же. Ф. 205. Оп. 3. Д. 9713. Л. 30.

[17]Там же. Оп. 1. Д. 38. Л. 73.

[18]Там же. Д. 41. Л. 89 об.

[19]Угол листа оторван, можно предположить, что было написано «смягчается».

[20]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 41. Л. 91.

[21]Там же. Л. 90–90 об.

изложена весьма сжато (представлены лишь теория происхождения городов, образование цеха и его устройство, возрождение торговли, денежное обращение и кредит). В отличие от первой из программ здесь рассматриваются события и позднего Средневековья («Черная смерть» и огораживание полей в Англии).

В следующем (1923/24) учебном году нагрузка А. Н. Ясинского остается такой же – курс по истории Средних веков и семинарий по средневековой истории[22]. Нужно отметить, что к преподаванию средневековой истории Антон Никитич подошел весьма основательно: он перепечатывал латинские тексты для проведения семинариев, после чего ходатайствовал перед правлением БГУ о выплате денег за эту работу[23]. Стоит помнить, что одним из главных недостатков студентов в те годы было незнание классических языков, но это не мешало Антону Никитичу требовать от них работы с источниками на языке оригинала.

В 1924/25 учебном году, как и ранее, недельная нагрузка А. Н. Ясинского составляла 6 ч. Он читал курс по истории средневекового хозяйства (4 ч) и проводил практические занятия по изучению Салической правды (2 ч)[24]. За этот год им были прочитаны три научных доклада: один – в научном обществе при БГУ («Поземельная опись Градищенского монастыря») и два – в Московском исследовательском институте истории («Поземельная опись Градищенского монастыря» и «Происхождение и природа чешских поземельных единиц»). Важный момент в научной деятельности А. Н. Ясинского: он заинтересовался и белорусской историей, «имея в виду выяснить природу и происхождение так называемой “службы”»[25].

В 1926/27 учебном году Антон Никитич имел общую нагрузку в 10 недельных часов и вел на педагогическом факультете ряд курсов по истории Средних веков («История эпохи феодализма и торгового капитала») и западных славян (факультативно), два семинария по Средневековью: со студентами второго курса изучал источники по истории раннего Средневековья (посвященные древним германцам, социальным отношениям в варварских государствах и возникновению крупного землевладения), а со студентами четвертого курса – источники по цеховому производству в средневековом Париже[26]. Если судить по ведомости на оплату зачетов, то курсы А. Н. Ясинского прослушали в тот учебный год 160 студентов[27]. В своем отчете он упоминает и три прочитанных доклада: один – в Московском исследовательском институте истории, два – на заседаниях ученого общества при БГУ (доклады «Эмфитевсис и перемер полей в Чехии» и «Чешские лены, их географическое распределение и природа» были сданы в печать как научные статьи)[28].

Профессор участвовал и в общественной жизни университета: наряду с другими преподавателями был избран представителем БГУ для участия во Всебелорусской конференции преподавателей обществоведения в 1926 г.[29]

Летом 1927 г. коллегия Наркомпроса БССР утвердила изменения в учебных планах педагогического факультета: на втором курсе социально-исторического отделения планировалось снять курс «История западных славян», а на четвертом – «История экономического быта средних веков», которые читал А. Н. Ясинский[30]. Тем не менее в 1927/28 учебном году эти изменения не вступили в силу. Нагрузка профессора даже увеличилась на полчаса за счет приема зачетов. Он читал лекционные курсы «Эпоха феодализма и торгового капитала», «История западных славян» и «История экономического быта средних веков», вел два семинария[31]. Это был последний учебный год, на протяжении которого А. Н. Ясинский читал полный набор привычных для него курсов. Его зарплата (зависевшая от количества недельных часов) составляла в тот учебный год 201 руб.[32]

В этот период он продолжал постоянно жить в Москве, приезжая в Минск для чтения лекций, проведения семинариев и зачетов. Значительная часть документов в его личном деле касается именно оформления командировок для работы в библиотеках и архивах Москвы после выполнения нагрузки в БГУ[33]. Во время приездов в Минск А. Н. Ясинский

[22]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 102. Л. 127.
[23]Там же. Д. 75. Л. 111 об. (Правление БГУ 3 ноября 1923 г. постановило выплатить машинистке Е. А. Крыжановской, которая занималась перепечатыванием латинских текстов, «вознаграждение в сумме пяти червонных рублей».)
[24]Там же. Д. 178. Л. 130.
[25]Там же.
[26]Там же. Оп. 3. Д. 9713. Л. 28.
[27]Там же. Оп. 1. Д. 854. Л. 104.
[28]Там же. Оп. 3. Д. 9713. Л. 28.
[29]Там же. Оп. 1. Д. 831. Л.104.
[30]Там же. Д. 267. Л. 329–331 ; Там же. Д. 855. Л. 32. (Это один из тех редких случаев, когда постоянно проживавший в Москве профессор принимал участие в заседании исторической предметной комиссии (9 мая 1927 г.) и участвовал в дискуссии по обсуждению учебного плана на 1927/28 учебный год.)
[31]Там же. Д. 286. Л. 53.
[32]Там же. Д. 267. Л. 49. (В списке профессорско-преподавательского состава, состоящем из 21 фамилии, у одного профессора (В. И. Пичеты) указана зарплата, превышающая 600 руб., у троих – зарплата от 400 до 500 руб., у пяти – 300–400 руб., у восьми (включая А. Н. Ясинского) – от 200 до 300 руб., у четверых – менее 200 руб.)
[33]Там же. Оп. 3. Д. 9713.

жил либо в комнатах домов БГУ[34], либо в гостиничных номерах, счета за которые оплачивал университет[35]. Семья Антона Никитича (супруга Виктория Эразмовна и дочь Виктория Антоновна) все эти годы продолжала жить в Москве[36]. В документах университета зафиксированы случаи, когда А. Н. Ясинский доверял получить причитавшееся ему жалование кому-либо из профессоров, постоянно живущих в Минске, чаще всего – Н. М. Никольскому[37].

В 1924 г. в связи с достижением А. Н. Ясинским 60-летнего возраста и слабым состоянием здоровья правление БГУ обратилось с ходатайством в Наркомпрос БССР о назначении ему персональной пенсии[38]. Бумаги, проливающие свет на судьбу этого ходатайства, не сохранились, но, судя по всему, положительное решение принято не было. Однако из документов ясно, что 27 ноября 1924 г. Главпрофобр БССР предложил зачислить А. Н. Ясинского на должность профессора, с чем согласилось спустя два дня и правление БГУ[39].

По всей видимости, Антон Никитич ходатайствовал о назначении пенсии не только в Минске, но и в Москве. Сведения об этом сохранились в его письме Е. В. Петухову от 4 февраля 1925 г.: «Не имея… никакого социального положения, я подал прошение о пенсии, а одновременно возбудил дело о зачислении меня в институт». И далее в письме ученый отмечает: «Что касается пенсии… когда дело дошло до экспертной комиссии, то там оно [неразб.] уже три месяца. Вот как идут дела старых ученых, когда на них гневаются боги Олимпа и планеты»[40].

О том, что пенсию в 1924 г. А. Н. Ясинский так и не получил, можно судить и по тому факту, что 20 января 1930 г. этот вопрос был поднят на заседании фракции КП(б)Б Центрального бюро Секции научных работников, на котором было решено поддержать ходатайство БАН по этому вопросу[41].

Во второй половине 1920-х гг. возникли сложности в личной жизни А. Н. Ясинского. Ухудшилось его здоровье, супруга оказалась парализованной. При этих обстоятельствах жизнь в постоянных разъездах, тем более в весьма почтенном возрасте, была нелегка, потому несколько раз Антон Никитич предпринимал попытку перебраться в Минск для постоянного проживания. Интересно отметить, что впервые эту мысль высказало руководство университета. На заседании правления БГУ от 9 октября 1925 г. проректор С. З. Каценбоген предложил пригласить А. Н. Ясинского в Минск «дзеля чытаньня лекцый у Ун-це па гісторыі сярэдніх вякоў»[42]. Правление поддержало предложение, отметив, что если переехать профессору не удастся, то чтение его курса будет перенесено на второе полугодие 1925/26 учебного года[43].

В дальнейшем инициатива о переезде исходила уже от самого ученого. Так, 16 мая 1927 г. он подал в правление БГУ прошение, в котором писал: «Предполагая с осени этого года переселиться на постоянное жительство в г. Минск вместе со своей семьей, прошу правление назначить мне пособие на переезд и перевозку моего имущества из Москвы в г. Минск»[44]. Параллельно он ходатайствовал о предоставлении ему квартиры с учетом состава семьи (три человека) и указывал: «…переезд мой с семьей может состояться только с того времени, когда мне будет отведена квартира и мною будет устроена вся обстановка, так как на моем попечении находится больная жена, разбитая параличом»[45]. Понимая, что тяжелое состояние супруги может привести к ее смерти («…в случае изменения состава моей семьи, т. е. на случай ее уменьшения…»), в том же ходатайстве он предлагал правлению БГУ использовать в такой ситуации часть квартиры, которую ему предоставит университет, для поселения там приезжающих из Москвы профессоров[46]. Правда,

[34]НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 9713. Л. 1. (Так, в анкете от 25.10.1922 г. профессор точным адресом пребывания в г. Минске указал дом университета на углу ул. Магазинной и Скобелевской.)
[35]Там же. Л. 27. (Правление БГУ 25 мая 1927 г. одобрило оплату счета на 70 руб. за занимаемый А. Н. Ясинским номер в гостинице «Советская» в период с 20 апреля по 18 мая 1927 г.)
[36]Там же. Л. 1.
[37]Там же. Оп. 1. Д. 195. Л. 18, 55.
[38]Там же. Оп. 3. Д. 9713. Л. 7. (Нельзя согласиться с мнением А. Е. Москаленко о том, что в 1924 г. А. Н. Ясинский был уволен из БГУ и лишь благодаря вмешательству Главпрофобра восстановлен в должности профессора [3, с. 262].)
[39]Там же. Оп. 1. Д. 121. Л. 94.
[40]Добился А. Н. Ясинский лишь выплаты академического обеспечения по четвертой категории, что составляло 60 руб. в месяц. Более того, жилищное товарищество потребовало от профессора освободить одну из комнат в его московской квартире (цит. по [5, с. 122–123]).
[41]НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4600. Л. 281 об.
[42]Тексты документов и материалов приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.
[43]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 170. Л. 90. (Это предложение С. З. Каценбогена идет в русле проводимой руководством университета политики по закреплению приглашенных преподавателей в Минске, однако подобные усилия обычно разбивались об острую нехватку жилого фонда, что мешало привлечению в БГУ многих как советских, так и зарубежных ученых.)
[44]Там же. Оп. 3. Д. 9713. Л. 23. (Правление БГУ решило выдать подъемные профессору только после его переезда в Минск, ссылаясь на ст. 82 Кодекса законов о труде.)
[45]Там же. Л. 24.
[46]Там же. (Правление БГУ решило выделить ему квартиру в доме № 6, «в которой проживал выселенный по суду т. Валентюкович».)

по невыясненным обстоятельствам жилье ему так и не было выделено.

Квартирный вопрос профессора был вновь поднят президентом БАН В. М. Игнатовским уже в марте 1929 г. Он ходатайствовал перед правлением БГУ о предоставлении комнаты А. Н. Ясинскому в доме университета. На заседании 10 апреля 1929 г. решено выделить ему комнату в квартире Н. И. Красковского в «доме № 11» по ул. Советской[47].

В первые годы работы А. Н. Ясинского в БССР отношение к нему, как и к большинству «старых» профессоров, было лояльным. В 1923 г. в письме, адресованном агитационно-пропагандистскому отделу ЦК, он кратко охарактеризован следующим образом: «…приезжает из Москвы, лоялен»[48]. В июне 1926 г. фракция КП(б)Б БГУ пересматривала состав преподавателей педагогического факультета. Напротив фамилии А. Н. Ясинского указано: «Оставить и считать его пребывание в университете постоянным…»[49].

Но прошло еще три года – и его характеристика от 1929 г. стала, во-первых, более пространной, а во-вторых, гораздо менее позитивной: «Имеет большую эрудицию в области средневековой истории Запада. Методология чисто буржуазная. Часто разрабатывает темы, которые для пролетарской культуры большого значения не имеют. Политически не развитый. Отношения к марксистской методологии совсем отрицательные. Отношение к советской власти не совсем лояльное»[50]. Когда автор доноса или «объективки» не имел возможности раскритиковать научные взгляды и методологические подходы ученого, то в ход шли обвинения в «неправильном» происхождении, как видно из текста статьи «Правый оппортунизм и вопрос о кадрах – на кого делал ставку Наркомпрос БССР», опубликованной в «Сельскохозяйственной газете» от 27 сентября 1929 г. В этом тексте А. Н. Ясинский назван в одном ряду с А. А. Смоличем, В. О. Ластовским, Я. Лёсиком и М. Горецким и охарактеризован как «бывший помещик» [цит. по 11, с. 144].

При подготовке к 1928/29 учебному году со стороны партийного руководства БГУ во главе с проректором С. З. Слонимом была сделана попытка сократить ряд читаемых курсов в рамках борьбы с «многопредметностью», что вызвало резкую реакцию ректора В. И. Пичеты. В том числе вновь планировалось сократить курсы, которые читал профессор А. Н. Ясинский: «История западных славян» и «История экономического быта средних веков». В письме в Наркомпрос БССР (июнь 1928 г.) ректор БГУ вначале отмечает общее значение этих курсов для подготовки белорусских студентов: «На протяжении предыдущих лет на социально-историческом отделении преподавались курсы истории западных славян /факультативно/ и истории экономического развития в Средние века /также факультативно/. Эти два курса читались отличными специалистами и по своему содержанию и методу имеют, несомненно, большое значение. Понимать развитие белорусской буржуазной культуры без знакомства с историей Чехии и прибалтийского славянства является невозможным. Студенты это хорошо понимали и очень внимательно слушали этот курс. В то самое время, когда во всех университетах всего мира уделяется много внимания изучению культуры славян, как в прошлом, так и в современности, когда издаются научные журналы, посвященные изучению славянства, весьма странным представляется, что Белорусский государственный университет не находит возможным принять участие в этом общем движении и познакомить студентов с историей своих ближайших соседей, с которыми и в древнее время, а также и в Новое время, и теперь, имеются культурные и экономические отношения. Экономическая история Средних веков является введением в изучение экономики эпохи промышленного капитала, дает много материала со стороны методологии; это хорошо понимали студенты, которые слушали этот курс. По этой причине я считаю, что снятие этого курса… было бы неправильно. Особенно, если принять во внимание, что этот курс читал выдающийся специалист по средневековой истории, член Чешской академии наук»[51].

Через несколько страниц В. И. Пичета возвращается к теме сокращения курсов А. Н. Ясинского и дает его развернутую характеристику как ученого и преподавателя: «Также могу удивиться предложению т. Слонима относительно освобождения от преподавания в университете проф. Ясинского, полномочного члена Института белорусской культуры и полномочного члена Чешской академии наук. Говорить о научных заслугах Ясинского не нужно. Каждый научный работник их хорошо знает. Проф. Игнатовский и проф. Друщиц, которые были непосредственными учениками Ясинского, также об этом хорошо знают. Вполне понятно, что б. нарком просвещения, т. Игнатовский, предложил проф. Ясинскому работать в Белорусском государственном университете. Его работа, как выдающегося специалиста, не только полезна для студентов, но также и специалистов, которые должны

[47]НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 325. Л. 117. (Впрочем, из документов вновь непонятно, была эта жилплощадь выделена А. Н. Ясинскому на самом деле или все ограничилось записью в протоколе.)

[48]Там же. Ф. 4п. Оп.1. Д. 1164. Л. 20 об.

[49]Там же. Д. 2323. Л. 435. (После чего следует вычеркнутый машинописный текст, не поддающийся прочтению, где различаются слова: «Если… его…».)

[50]Там же. Д. 4360. Л. 9.

[51]Там же. Д. 4601. Л. 27–28.

прислушиваться к его мнению и замечаниям. Освобождение проф. Ясинского от чтения лекций – это большая ошибка, недоразумение, которое создаст нехорошее впечатление на всех преподавателей. Необходимо заботиться о научных сотрудниках, особенно если они работают и очень хорошо работают на пользу рабочих масс. В 1919 году, во время большого голода Чешская академия наук просила проф. Ясинского переехать в Прагу, и он отказался от этого предложения, так как отъезд из России, несмотря на то, что против отъезда не было никаких препятствий, не отвечал его взглядам. Т. Игнатовский может подтвердить, как проф. Ясинский интересовался общественно-политическим движением, как он относился в университете в Юрьеве к студентам-белорусам, которые были вынуждены учиться в Юрьевском университете. Значимость преподавателя в университете зависит не от количества часов, а от того научного и морального влияния, которое он оказывает на студентов и своих товарищей. Для ун-та проф. Ясинский представляет не только крупную научную величину, но и моральную, и его авторитет, его голос имеют большое значение для всех его товарищей по кафедре, которые уважают его и относятся к нему с большим уважением»[52].

Несмотря на все усилия ректора и руководства педагогического факультета, с 1 сентября 1928 г. А. Н. Ясинский был уволен из БГУ, проработав там шесть лет. В решении правления БГУ в качестве причины увольнения было названо отсутствие нагрузки (не только для А. Н. Ясинского, но и еще двух преподавателей – Н. И. Красковского и Д. И. Довгялло)[53]. Впрочем, затем правление БГУ продлило выплату жалования профессору до 1 октября 1928 г.[54] Позднее бухгалтерия университета сделала расчет выплат профессора за последние два года его работы, которые в сумме составили 4 388 руб.[55]

По прошествии нескольких лет увольнение профессора в документах стало подаваться совсем под другим углом. В заявлении Е. К. Успенского, который в 1929–1930 гг. был деканом педагогического факультета, в Комиссию партконтроля ЦК КП(б)Б от 31 декабря 1930 г. о национал-демократическом движении сказано: «Только к 1929 г. после упорной борьбы партийным организациям университета удалось снять Довгяло, Красковского, Цветкова, Дурново, Ясинского…»[56]. Скорее всего, фамилия А. Н. Ясинского попала в этот перечень из-за факта приглашения профессора в Минск именно В. М. Игнатовским, который рассматривался как одна из ключевых фигур в нацдемовском движении.

Антон Никитич Ясинский и Белорусская академия наук. Авторитет А. Н. Ясинского в белорусских научных кругах (а не среди партийных фукнционеров университета), несмотря на увольнение из БГУ, оставался весьма высок, как это видно из приведенной характеристики профессора, принадлежащей В. И. Пичете.

Решением СНК БССР в соответствии с новым академическим уставом[57] 3 ноября 1927 года А. Н. Ясинский был утвержден действительным членом Института белорусской культуры[58]. В начале 1928 г. Президиум Инбелкульта утвердил состав Рады отдела гуманитарных наук, куда в качестве заместителя председателя вошел и А. Н. Ясинский [12, с. 43]. Кроме того, Антон Никитич стал заведовать кафедрой всеобщей истории[59].

Стоит отметить и тот факт, что при подготовке документов в Москву о преобразовании Инбелкульта в академию партийные руководители ссылались и на авторитет А. Н. Ясинского, как это видно из докладной записки ЦК КП(б)Б в Москву: «В Инбелкульте за последнее время мы уже успели подобрать кадры очень квалифицированных научных сил. В составе академиков будущей БАН мы будем иметь таких ученых… 5) М. Любавский, 6) А. Ясинский, 7) В. Пичета, крупные ученые по истории, все имеют звание доктора истории, хорошо известны у нас и за границей…» [13, с. 198–199].

Спустя пару месяцев после увольнения из БГУ на закрытом заседании Бюро ЦК КП(б)Б 14 декабря 1928 г. его кандидатура была одобрена в состав первых академиков БАН[60]. Данное решение было

[52]НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4601. Л. 32–33 ; Там же. Д. 4138. Л. 104. (Любопытное продолжение этой истории с сокращением курсов в БГУ можно увидеть в протоколе IV Всебелорусского съезда научных работников в феврале 1929 г. Во время прений Е. К. Успенский, на тот момент декан педагогического факультета, вспомнил историю, как на одном из заседаний правления БГУ В. И. Пичета рассказал о посещении им президента Чехословакии Э. Бенеша во время визита в Прагу: «Бенеш спросил, читают ли у нас курс по истории славян. Вл. Ив. ответил "читают", при этом т. Пичета на заседании правления отметил, что ему неудобно было сказать, что этот курс был выкинут с учебного плана педфака».)

[53]Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 272. Л. 172.

[54]Там же. Д. 325. Л. 7.

[55]Там же. Оп. 3. Д. 9713. Л. 29.

[56]Там же. Ф. 15п. Оп. 28. Д. 2. Л. 243 об.

[57]Был подписан 29 июня 1927 г.

[58]НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3121. Л. 118 (Его кандидатура в действительные члены была одобрена 10 октября 1927 г. на закрытом заседании секретариата ЦК КП(б)Б вместе с другими 14 учеными.) ; Інстытут беларускай культуры. Менск: [б. в.], 1926. С. 115–116. (Насколько повышался статус действительного члена Инбелкульта, хорошо видно из того факта, что в 1926 г. таких членов насчитывалось 83 (теперь же их число сокращалось до 15).)

[59]Центр. науч. арх. Нац. акад. наук Беларуси. Ф. 67. Оп. 1. Д. 23. Л. 18. (Любопытно отметить, что других сотрудников, кроме заведующего, на кафедре не было.)

[60]НАРБ. Ф. 4п. Оп.1. Д. 3124. Л. 210.

оформлено постановлением СНК БССР от 26 декабря 1928 г.[61]

Перспективы в рамках академического подразделения дали новый импульс научным изысканиям А. Н. Ясинского. Это хорошо видно из отчета Отдела гуманитарных наук БАН за 1928/29 академический год. На общих собраниях исторического отделения А. Н. Ясинский выступил с пятью докладами (как и В. И. Пичета): один касался чешской истории (о средневековых земельных наделах в Чехии), еще один – общих проблем средневековой истории в связи с историческим конгрессом в Осло, три – были посвящены проблемам белорусской истории, в том числе происхождению и смыслу термина «Белая Русь», и проблемам издания Литовской метрики[62]. Часть этих докладов позднее была опубликована.

К сожалению, восстановить данные о деятельности А. Н. Ясинского в БАН крайне сложно. Достаточно сказать, что в архиве академии не сохранилось личного дела Антона Никитича, мало и документов, связанных с ним. По сохранившимся бумагам видно, что его судьба в стенах БАН была полна серьезных перемен. Так, в 1929 г. предпринималось ходатайство о присвоении ему звания «Герой труда», а уже на следующий год, летом, он был лишен оплаты за академическое звание. Более того, в октябре 1930 г. он был уволен из Института истории БАН с формулировкой: «...непосредственно не участвует в работе института и по своим идеологически-методологическим установкам не соответствует задачам современной работы института истории» [14, с. 15]. Впрочем, по прошествии пары лет, в 1932 г., он вновь был принят на работу, а его исследовательский план был включен в общий план деятельности института [14, с. 15].

Уже будучи академиком БАН, А. Н. Ясинский имел шанс стать и членом-корреспондентом Академии наук СССР. Его кандидатура была выдвинута по отделению общественных наук, авторы представления на избрание – знаменитые историки Д. М. Петрушевский и В. П. Бузескул – чрезвычайно высоко оценили вклад академика в развитие мировой медиевистики[63]. Тем не менее на заседании отделения 30 января 1930 г. при баллотировке Я. Н. Ясинский получил 10 голосов «за» и 8 голосов «против» и не попал в список для голосования на общем собрании АН СССР [5, с. 370].

В 1929 г. скончалась супруга Антона Никитича. Жившая с ним дочь также была нездорова. Академик практически перестал приезжать в Минск. Совсем плохо с его здоровьем стало осенью 1933 г. О последних днях жизни исследователя мы можем узнать из писем белорусского историка В. Д. Друщица, который долгие годы дружил с А. Н. Ясинским, своей супруге из Москвы: «Заехал прямо к Ясинскому. Он очень плох, почти без сознания...» (7 ноября), «Положение очень тяжелое, как сказал врач. Завтра будет профессор, и, если найдет возможным, отправим в больницу...» (10 ноября), «Ясинский, кажется, не выживет. Впрочем, мнения врачей расходятся. Вчера был консилиум; хотели поместить в больницу, но ввиду тяжелого положения оставили пока дома...» (12 ноября) [3, с. 263]. В этом же году 13 ноября ученый скончался дома в Москве. Поскольку он находился на пенсии и не работал, деньги на похороны выделила БАН. Видимо, известие о смерти академика пришло в Минск не вовремя, так как представитель БАН Н. М. Никольский на погребение опоздал. Место захоронения Антона Никитича неизвестно.

Насколько в последние годы своей жизни А. Н. Ясинский оказался забыт научной общественностью, видно из документа, сохранившегося в архиве Чешской академии наук. Это письмо в чешское посольство в Москве от 14 февраля 1935 г. с просьбой сообщить дату смерти академика А. Н. Ясинского, на что посольство официально ответило, что «к большому сожалению, эту дату ему не удалось выяснить»[64].

В библиотеке Академии наук БССР после смерти ученого осталась его коллекция из 300 томов книг и более чем 350 брошюр, но она полностью погибла в годы войны [14, с. 41].

Научные изыскания А. Н. Ясинского в последний период его творчества. Антон Никитич Ясинский был ярким представителем русской либеральной исторической науки XIX – первой трети XX в., а его труды по социально-экономической истории Чехии в Средние века по своей значимости стоят в одном ряду с работами П. Г. Виноградова по истории Англии и Н. И. Кареева по истории Франции. На роль А. Н. Ясинского в изучении чешской истории указал еще в 1941 г. В. И. Пичета, когда писал, что без его трудов не может обойтись ни один специалист по истории средневековой Чехии[65] [15, с. 57].

---

[61]СЗ БССР. 1929. № 2. Ст. 10.

[62]Запіскі Аддзелу гуманітарных навук. Інстытут Беларускай Культуры. Кніга 8. Працы клясы гісторыі. Менск, 1929. Т. III. С. 559.

[63]С.-Петерб. фил. Арх. Росс. акад. наук. Ф. 2. Оп. 1931. Д. 12. Л. 52–58.

[64]Цит. по [4, с. 603]. Также Л. П. Лаптева отмечает, что ни один печатный орган не откликнулся на смерть ученого, по крайней мере, ей не удалось отыскать ни одного некролога [4, с. 580].

[65]Сходную точку зрения можно найти и в современных работах, посвященных ученому: «...творчество А. Н. Ясинского представляло собой выдающееся явление в богемистике вообще, а не только в русской историографии» [4, с. 607]. Эта характеристика, как можно увидеть, идет вразрез с общим отношением к трудам академика в конце 1920-х – начале 1930-х гг., пример которого можно найти в работе М. Югова. Последний, анализируя сборники статей, изданные Институтом истории БАН в конце 1920-х гг., обрушивается на них с резкой критикой, утверждая, что «...ни одной марксистской статьи в сборнике нет», а большинство статей «...является просто сводкой сырого или полусырого материала, иногда представляющего (как, например, статьи профессора А. Н. Ясинского) образец методологической беспомощности и примитивизма» [16, с. 41–42].

Стоит также отметить, что А. Н. Ясинский был историком прежде всего западноевропейского Средневековья, а уж затем – средневековой Чехии, что в существенной мере определяло и успех его чешских исследований. Хотя основные труды А. Н. Ясинский создал еще до революции, его статьи, написанные во время работы в Минске и по тематике связанные с «Очерками и исследованиями по социальной и экономической истории Чехии в средние века», являются важным вкладом в мировое славяноведение[66].

Важны и его работы по истории Беларуси, хотя они гораздо менее известны, чем исследования по чешской истории. Интерес к белорусской истории окончательно сформировался у ученого в середине 1920-х гг., он уделял внимание различным аспектам белорусской истории вплоть до своей смерти[67]. Одним из наиболее активных в этом отношении был 1928/29 академический год, о чем уже шла речь.

В статье, посвященной проблеме первоначального населения Беларуси, профессор коснулся вопроса об этногенезе белорусского народа, основное внимание уделив критике взглядов П. Шафарика на происхождение племен велетов[68].

Также А. Н. Ясинский предложил свое толкование термина «Белая Русь». В одном из неопубликованных докладов (по свидетельству В. И. Пичеты) он отметил, что «…этот термин возник сначала в одном из районов Великоруссии, в районе г. Вельска, где встречается много топонимических наименований с суффиксом "бел". Впоследствии этот локальный термин стал общераспространенным и применялся для обозначения Западной Руси» [17, с. 20].

И в какой-то мере неожиданным выглядит тот факт, что специалист по чешскому Средневековью первым в начале 1930-х гг. на основе изучения летописных текстов и актов более позднего времени (XVI в.) высказал предположение о том, что летописный Минск располагался вовсе не на месте впадения р. Немиги в р. Свислочь, а за пределами современного города, на берегах р. Менки близ д. Городище. Правда, с авторством А. Н. Ясинского для этой гипотезы не все так просто. До нас не дошла публикация ученого, где бы он изложил свои идеи в развернутом виде[69], ее существование подтверждается кратким рукописным резюме статьи, сделанным К. М. Поликарповичем. Позднее основные идеи, высказанные А. Н. Ясинским, были опубликованы в газете «Звязда» белорусскими археологами А. Н. Лявданским и А. Д. Коваленей[70]. Не вдаваясь в подробности археологической дискуссии о ранней истории Минска, стоит отметить, что эта гипотеза по сей день пользуется популярностью среди белорусских археологов.

Заключение

Архивные документы свидетельствуют о том, что Антон Никитич Ясинский в последние десять лет жизни был тесно связан с Беларусью: вначале – как профессор БГУ, впоследствии – как академик БАН и сотрудник Института истории БАН. Его связи с Минском были гораздо более тесными, чем с другими провинциальными городами, где он время от времени работал. За эти годы он внес значительный вклад не только в подготовку специалистов, читая им курсы по истории Средних веков и чешской истории, но и создал ряд исследований по средневековой истории Беларуси. К сожалению, А. Н. Ясинскому не удалось полностью реализовать свой потенциал по изучению чешской истории и создать в Беларуси научную школу медиевистики и богемистики, прежде всего в силу внешних обстоятельств. В их числе можно назвать позицию некоторых партийный руководителей, не заинтересованных в работе академика в БГУ, а также нерешенный квартирный вопрос, который не позволил ему перебраться жить в Минск, как это удалось ранее таким выдающимся представителям белорусской исторической науки, как академикам Н. М. Никольскому и В. Н. Перцеву.

---

[66] *Ясінскі А.* З культурнае гісторыі Чэхіі пачатку XVI сталецьця // Чатырохсотлецце беларус. друку. Менск : Ін-т беларус. культ., 1926. С. 39–58 ; *Он же.* Поземельная опись Градищенского монастыря // Труды БГУ. 1926. № 12. С. 34–63 ; *Он же.* Эмфитевзис и перемер полей в средневековой Чехии // Учен. зап. Ин-та истории. М. : РАНИОН, 1929. Т. 3. С. 198–212.

[67] *Ясінскі А. Н.* Спроба крытычнага вывучэньня Кнігі данін вялікага князя Казіміра (з дадаткам паведамленьня А. Сядзельнікава аб пісару Якубе) // Запіс. аддзелу гуманітар. навук. Ін-т беларус. культ. Кн. 3. Працы клясы гісторыі. Менск, 1928. Т. II. С. 153–208 ; *Ён жа.* Пісар вялікага Казіміра Васіль Паўлавіч Любіч як прадстаўнік буйнага земляўласьніцтва XV сталецьця (Нарыс да гісторыі буйнае землеўласнасьці на Беларусі) // Запіс. аддзелу гуманітар. навук. Ін-т беларус. культ. Кн. 8. Працы клясы гісторыі. Менск, 1929. Т. III. С. 65–80.

[68] *Ясінскі А. Н.* Два словы аб волатах. Да праблемы першапачатковага насельніцтва Беларусі // Запіс. аддзелу гуманітар. навук. Ін-т беларус. культ. Кн. 8. Працы клясы гісторыі. Менск, 1929. Т. III. С. 199–216.

[69] Э. М. Загорульский, который является активным противником данной гипотезы о переносе Минска, считает, что впервые А. Н. Ясинский указал на перенос города в «небольшой статье о Минске в Малой советской энциклопедии», где написал, «что город возник на р. Менке в 1066 г., был разрушен киевскими князьями и в XII в. перенесен на берега Свислочи» [18, с. 36]. Справедливости ради стоит отметить, что в указанной статье нет такой информации, сказано лишь: «М. известен с 11 в., позднее был центром уезда» (Малая советская энциклопедия. М. : Мосполиграф, 1930. Т. 5. С. 256).

[70] *Ляўданскі А. М., Каваленя А. Д.* Дзе знаходзіўся першапачаткова Менск? // Звязда. 27 мая 1935. № 119. (Э. М. Загорульский отмечает, что в публикации ни слова не сказано о роли А. Н. Ясинского, и заявляет, что «мы имеем пример откровенного нарушения научной этики» [18, с. 36].)

Библиографические ссылки

1. Малюгин ОИ. Антон Никитич Ясинский. В: Король АД, редактор. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961)*. Минск: БГУ; 2019. с. 226–235.
2. Казакова МА. Исторические взгляды А. Н. Ясинского. *Научные доклады высшей школы. Исторические науки*. 1961;3:140–153.
3. Москаленко АЕ. К изучению жизни и деятельности А. Н. Ясинского. *Труды Воронежского государственного университета*. 1969;85:252–268.
4. Лаптева ЛП. *История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в*. Москва: Индрик; 2012. 840 с.
5. Робинсон МА. *Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов)*. Москва: Индрик; 2004. 432 с.
6. Акиньшин АН. Историки в Воронежском университете в 1918–1941 гг. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования*. 2013;2:190–194.
7. Москаленко АЕ. Новые данные о работе А. Н. Ясинского в Воронежском университете. В: Мананчикова НП, редактор. *Вопросы истории славян: социально-экономическое и политическое развитие славянских народов в эпоху феодализма: межвузовский сборник научных трудов*. Воронеж: Издательство *Воронеж*ского университета; 1985. с. 152–154.
8. Иоффе ЭГ, Грицкевич АП, Копысский БЗ, Чепко ВВ, Драгун ЮП, Оржеховский ПВ и др. *Академик В. И. Пичета: страницы жизни*. Минск: БГУ; 1981. 124 с.
9. Любавский МК. *Основные моменты истории Белоруссии. Доклад, читанный на первом публичном заседании белорусского культурного общества в Москве 1 июля 1918 г*. Москва: Типография А. П. Яроцкого; 1918. 23 с.
10. Ляхоўскі У. Беларускі ўніверсітэт: з гісторыі стварэння. *Спадчына*. 1994;4:61–68.
11. Платонаў РП, рэдактар. *На крутым павароце: ідэолага-палітычная барацьба на Беларусі ў 1929–1931 гг.* Мінск: БелНДІДАС; 1999. 385 с.
12. Няміга Г. *Інстытут беларускай культуры. Беларуская акадэмія навук – Акадэмія навук Беларускай ССР*. Мюнхен: Інстытут для Вывучэння СССР; 1957. 162 с.
13. Скалабан ВУ, Токараў МУ, рэдактары. *Інстытут беларускай культуры. 1922–1928: дакументы і матэрыялы*. Мінск: Беларуская навука; 2011. 257 с.
14. Коваленя АА, редактор. *Институт истории НАН Беларуси в лицах (1929–2009)*. Минск: Белорусская наука; 2009. 628 с.
15. Пичета ВИ. К истории славяноведения в СССР. *Историк-марксист*. 1941;3:36–62.
16. Югов М. Положение и задачи исторического фронта в Белоруссии. *Историк-марксист*. 1930;17:41–50.
17. Пичета ВИ. Образование белорусского народа. *Вопросы истории*. 1946;5-6:3–29.
18. Загорульский ЭМ. Другого Минска не было. В: Егорейченко АА, редактор. *Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I – начале II тысячелетия нашей эры. Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Э. М. Загорульского; 6–7 декабря 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2018. с. 36–41.

References

1. Maliugin OI. [Anton Nikitich Yasinskii]. In: Korol' AD, editor. *Intellektual'naya elita Belarusi. Osnovopolozhniki belorusskoi nauki i vysshego obrazovaniya (1919–1961)* [Intellectual elite of Belarus. Founders of Belarusian science and higher education (1919–1961)]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 226–235. Russian.
2. Kazakova MA. [Historical views of A. N. Yasinsky]. *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Istoricheskie nauki*. 1961;3: 140–153. Russian.
3. Moskalenko AE. [To the study of the life and work of A. N. Yasinsky]. *Trudy Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1969;85:252–268. Russian.
4. Lapteva LP. *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v kontse XIX – pervoi treti XX v.* [The history of Slavic studies in Russia at the end of the 19th – the first third of the 20th century]. Moscow: Indrik; 2012. 840 p. Russian.
5. Robinson MA. *Sud'by akademicheskoi elity: otechestvennoe slavyanovedenie (1917 – nachalo 1930-kh godov)* [The fates of the academic elite: Russian Slavic studies (1917 – early 1930s)]. Moscow: Indrik; 2004. 432 p. Russian.
6. Akin'shin AN. Historians of Voronezh State University in 1918–1941. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya*. 2013;2:190–194. Russian.
7. Moskalenko AE. [New data on the work of A. N. Yasinsky at Voronezh State University]. In: Mananchikova NP, editor. *Voprosy istorii slavyan: sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe razvitie slavyanskikh narodov v epokhu feodalizma: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Questions of the history of the Slavs: socio-economic and political development of the Slavic peoples in the era of feudalism: interuniversity collection of scientific works]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta; 1985. p. 152–154. Russian.
8. Ioffe EG, Gritskevich AP, Kopysskii BZ, Chepko VV, Dragun YuP, Orzhekhovskii PV, et al. *Akademik V. I. Picheta: stranitsy zhizni* [Academician V. I. Picheta: pages of life]. Minsk: Belarusian State University; 1981. 124 p. Russian.
9. Lyubavskii MK. *Osnovnye momenty istorii Belorussii. Doklad, chitannyi na pervom publichnom zasedanii Belorusskogo kul'turnogo obshchestva v Moskve 1 iyulya 1918 g.* [Highlights of the history of Belarus. Report read at the first public meeting of the Belarusian Cultural Society in Moscow on 1 July, 1918]. Moscow: Tipografiya A. P. Yarotskogo; 1918. 23 p. Russian.
10. Ljahowski U. [Belarusian University: from the history of creation]. *Spadchyna*. 1994;4:61–68. Belarusian.
11. Platonaw RP, editor. *Na krutym pavaroce: idjeolaga-palitychnaja barac'ba na Belarusi w 1929–1931 gg.* [At a sharp turn: the ideological and political struggle in Belarus in 1929–1931]. Minsk: BelNDIDAS; 1999. 385 p. Belarusian.
12. Njamiga G. *Instytut belaruskaj kul'tury. Belaruskaja akadjemija navuk – Akadjemija navuk Belaruskaj SSR* [Institute of Belarusian Culture. Belarusian Academy of Sciences – Academy of Sciences of the Belarusian SSR]. München: Instytut dlja Vyvuchjennja SSSR; 1957. 162 p. Belarusian.

13. Skalaban VU, Tokaraw MU, editors. *Instytut belaruskaj kul'tury. 1922–1928: dakumenty i matjeryjaly* [Institute of Belarusian culture. 1922–1928: documents and materials]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2011. 257 p. Belarusian.
14. Kovalenya AA, editor. *Institut istorii NAN Belarusi v litsakh (1929–2009)* [Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus in faces (1929–2009)]. Minsk: Belorusskaya nauka; 2009. 628 p. Russian.
15. Picheta VI. [On the history of Slavic studies in the USSR]. *Istorik-marksist*. 1941;3:36–62. Russian.
16. Yugov M. [The position and tasks of the historical front in Belarus]. *Istorik-marksist*. 1930;17:41–50. Russian.
17. Picheta VI. [The formation of the Belarusian people]. *Voprosy istorii*. 1946;5-6:3–29. Russian.
18. Zagorul'skii EM. [There was no other Minsk]. In: Egoreichenko AA, editor. *Etnokul'turnye protsessy na territorii Belarusi v I – nachale II tysyacheletiya nashei ery. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu professora E. M. Zagorul'skogo; 6–7 dekabrya 2018 g.; Minsk, Belarus'* [Ethnocultural processes on the territory of Belarus in the 1st – the beginning of the 2nd millennium AD. Materials of the International scientific conference dedicated to the 90th anniversary of professor E. M. Zagorulsky; 2018 December 6–7; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 36–41. Russian.

Статья поступила в редколлегию 07.05.2021.
Received by editorial board 07.05.2021.

УДК 37.016:93/94

РОЛЬ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В СТАНОВЛЕНИИ ПРЕПОДАВАНИЯ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ БЕЛАРУСИ В 1930–70-х гг.

В. А. ОСТРОГА[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Проанализированы место и роль кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета в становлении и развитии преподавания новой и новейшей истории зарубежных стран в различных высших учебных заведениях Беларуси в период 1930–70-х гг. Рассмотрена эволюция кафедры как ведущего научно-образовательного центра в своей области. Дана характеристика работы преподавателей БГУ в Минском государственном педагогическом институте имени А. М. Горького, Витебском государственном педагогическом институте имени С. М. Кирова, Республиканской партийной школе при ЦК КП(б)Б, Минском государственном педагогическом институте иностранных языков, Гомельском государственном университете и др. Сделан вывод о важной роли БГУ в становлении преподавания новой и новейшей истории в высших учебных заведениях Беларуси в начальный период их деятельности.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; кафедра истории нового и новейшего времени БГУ; новая и новейшая история зарубежных стран; высшие учебные заведения; преподаватель; преподавание; становление.

РОЛЯ БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА Ў СТАНАЎЛЕННІ ВЫКЛАДАННЯ НОВАЙ І НАВЕЙШАЙ ГІСТОРЫІ ЗАМЕЖНЫХ КРАІН У ВЫШЭЙШЫХ НАВУЧАЛЬНЫХ УСТАНОВАХ БЕЛАРУСІ Ў 1930–70-Я ГГ.

В. А. АСТРОГА[1*]

[1*]*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Прааналізаваны месца і роля кафедры гісторыі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў станаўленні і развіцці выкладання новай і навейшай гісторыі замежных краін у розных вышэйшых навучальных установах Беларусі ў перыяд 1930–70-х гг. Разгледжана эвалюцыя кафедры як вядучага навукова-адукацыйнага цэнтра ў сваёй вобласці. Дана характарыстыка працы выкладчыкаў БДУ ў Мінскім дзяржаўным педагагічным інстытуце імя А. М. Горкага, Віцебскім дзяржаўным педагагічным інстытуце імя С. М. Кірава, Рэспубліканскай партыйнай школе пры ЦК КП(б)Б, Мінскім дзяржаўным педагагічным інстытуце замежных моў, Гомельскім дзяржаўным універсітэце і інш. Зроблена выснова аб важнай ролі БДУ ў станаўленні выкладання новай і навейшай гісторыі ў вышэйшых навучальных установах Беларусі ў пачатковы перыяд іх дзейнасці.

Образец цитирования:
Острога ВА. Роль Белорусского государственного университета в становлении преподавания новой и новейшей истории зарубежных стран в высших учебных заведениях Беларуси в 1930–70-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2021;3:45–51.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-45-51

For citation:
Astroha VA. The role of the Belarusian State University in the formation of teaching modern and contemporary history of foreign countries in higher educational institutions of Belarus in the 1930–70s. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;3:45–51. Russian.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-45-51

Автор:
Виктор Александрович Острога – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой таможенного дела факультета международных отношений.

Author:
Viktar A. Astroha, doctor of science (history), full professor; head of the department of customs affairs, faculty of international relations.
ostroga.v@mail.ru
orcid.org/0000-0003-0599-465X

CC BY NC

Ключавыя словы: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; кафедра гісторыі новага і навейшага часу БДУ; новая і навейшая гісторыя замежных краін; вышэйшыя навучальныя ўстановы; выкладчык; выкладанне; станаўленне.

THE ROLE OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY IN THE FORMATION OF TEACHING MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY OF FOREIGN COUNTRIES IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF BELARUS IN THE 1930–1970s

V. A. ASTROHA[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The place and role of the department of modern and contemporary history of the faculty of history of the Belarusian State University in the formation and development of teaching modern and contemporary history of foreign countries in various higher educational institutions of Belarus in the period 1930–70s are analysed. The evolution of the department as a leading scientific and educational center in its field is considered. The article describes the work of teachers of the Belarusian State University in the Minsk State Pedagogical Institute named after A. M. Gorky, Vitebsk State Pedagogical Institute named after S. M. Kirov, Republican Party School of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Belarus, Minsk State Pedagogical Institute of Foreign Languages, Gomel State University and etc. The conclusion is made about the important role of the Belarusian State University in the formation of teaching modern and contemporary history in higher educational institutions of Belarus in the initial period of their activity.

Keywords: Belarusian State University; department of modern and contemporary history of the Belarusian State University; modern and contemporary history of foreign countries; higher educational institutions; teacher; teaching; formation.

Введение

Вклад Белорусского государственного университета, отмечающего в этом году вековой юбилей, в становление и развитие образования и науки в нашей стране, несомненно, впечатляет. Профессора и доценты университета, который почти 50 лет с момента своего основания оставался единственным в республике, сыграли значительную роль в организации преподавания разнообразных учебных дисциплин в различных высших учебных заведениях Беларуси. Достаточно велико значение БГУ и в становлении преподавания новой и новейшей истории зарубежных стран. Так, в рассматриваемый период университетские новисты «ставили на крыло» эту область знаний в семи учреждениях высшего образования БССР. Наиболее активно взаимодействие осуществлялось в конце 1940-х – начале 1970-х гг. с Минским государственным педагогическим институтом имени А. М. Горького, Витебским государственным педагогическим институтом имени С. М. Кирова, Республиканской партийной школой при ЦК КП(б)Б, Минским государственным педагогическим институтом иностранных языков, Гомельским государственным университетом и некоторыми другими высшими учебными заведениями. Рассматриваемая проблема недостаточно освещена в отечественной историографии, поэтому, безусловно, является актуальной и требует дальнейшего исследования.

Основная часть

Раскрывая тему сотрудничества БГУ с другими высшими учебными заведениями БССР, нельзя не остановиться на характеристике научно-образовательного потенциала университета в области всеобщей истории Нового и Новейшего времени.

С момента создания БГУ (1921) на его различных кафедрах гуманитарного профиля развивалось изучение и совершенствовалось преподавание истории Нового и Новейшего времени зарубежных стран. Именно наш университет дал мощный импульс к развитию исторической науки в Беларуси, а для всеобщей истории стал, по большому счету, своеобразной колыбелью. Организация масштабной образовательной и исследовательской деятельности на государственном уровне позволила привлечь к работе в нем известных историков из российских и украинских университетов – В. Н. Дьякова, Д. А. Жаринова, Н. М. Никольского, В. Н. Перцева, В. И. Пичету, А. А. Савича и многих других. Все они внесли значимый вклад в развитие как общебелорусской, так и университетской исторической науки, в особенности такой ее сферы, как всеобщая история. Следует отметить, что особая роль в становлении и развитии всеобщей истории в Беларуси при-

надлежала первому ректору университета, слависту В. И. Пичете. Как пишет известнейший специалист по истории БГУ О. А. Яновский, «что ни фамилия, то имя в науке, авторитет в университетском сообществе» [1, с. 95].

Именно в межвоенный период в БГУ сформировался крупнейший в республике центр изучения всеобщей истории Нового и Новейшего времени, специализировавшийся на истории международных отношений, истории стран Европы и национально-освободительного движения. Еще в 1920-х гг. университет смог сконцентрировать самые значительные кадры историков Запада и Востока в республике.

В довоенный период в Беларуси, как и в целом в СССР, шел сложный и временами противоречивый процесс становления исторической науки. Среди тех, кто стоял у истоков образовательной и научной деятельности в области всеобщей истории в республике, был и профессор В. Н. Перцев. По мнению О. А. Яновского, именно В. Н. Перцев «первым в университете стал читать курсы всеобщей истории» [2, с. 343]. Позднее свою лепту в становление школы новистов БГУ внесли также С. А. Лясковский, В. А. Сербента, В. Х. Стальной, Л. М. Шнеерсон, Г. В. Ефимов и др.

Заметим, что в 1919 г. в советской России, а позднее и в других советских республиках вместо ликвидированных юридических и историко-филологических факультетов в университетах были созданы факультеты общественных наук, которые имели историческую специализацию. К примеру, на факультете общественных наук БГУ были открыты кафедра всеобщей истории под руководством В. Н. Перцева и кафедра западноевропейского быта и культуры во главе с В. Н. Дьяковым. Через некоторое время эти две кафедры объединились в кафедру всеобщей истории, заведовать которой стал В. Н. Дьяков. Необходимо отметить, что кафедр в современном понимании на тот момент еще не было. Их функции выполняли так называемые предметные комиссии, впоследствии ликвидированные с созданием полноценных кафедр.

В 1922 г. из факультета общественных наук выделился педагогический факультет, в составе которого имелось социально-историческое отделение. В 1924 г. факультет общественных наук был расформирован, и преподавание всеобщей истории окончательно сконцентрировалось на кафедре всеобщей истории педагогического факультета. Со второй половины 1920-х гг. кафедру всеобщей истории, руководимую В. Н. Перцевым, стали пополнять молодые историки-марксисты – В. А. Сербента (история рабочего и коммунистического движения), Е. И. Ривлин (история Запада). В 1929 г. она была разделена на две кафедры – всеобщей истории и истории XX в. (истории Запада). Первой кафедрой, где особое внимание уделялось новой истории, заведовал В. Н. Перцев. Руководителем второй кафедры, за которой были закреплены курсы истории революционного движения конца XIX – начала XX в., стал Е. И. Ривлин[1].

Но развиваться исторической науке в классическом университетском русле не позволила осуществляемая в 1930-х гг. в СССР реорганизация университетов, в соответствии с которой из их состава выводились гуманитарные специальности, а сами университеты дробились на самостоятельные небольшие институты. Так, в августе 1931 г. педагогический факультет, к которому относились историки, был передан в состав вновь созданного Белорусского государственного высшего педагогического института (кафедра всеобщей истории с 1 августа 1931 г. отошла историческому отделению его социально-экономического факультета). В итоге БГУ приобрел естественно-научный профиль и потерял свой первоначальный смысл. В его составе остались физико-математический, химический, биологический и географический факультеты. Положение гуманитарных наук резко ухудшилось, а в отчете университета констатировалось, что «в 1933/34 учебном году по историческим наукам… ни одного преподавателя университет не имеет»[2].

В 1934 г. советское руководство изменило свое отношение к исторической науке. В основу возрождения ее традиционно высокого общественного статуса легло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. В результате был создан исторический факультет БГУ, который к этому времени стал практически единственным в БССР научно-образовательным центром в сфере новой и новейшей истории. Однако сформировать запланированную на 1934 г. кафедру новой истории не получилось. Главной причиной этого был кадровый дефицит. Ежегодные объявления о вакансиях особого результата не давали. В этих условиях временно для чтения курса новой истории приглашались ученые из университетских и академических центров Москвы и Ленинграда. Кафедру новой истории в БГУ удалось создать лишь через три года, в 1937 г. Первоначально ее коллектив составлял четыре человека, из которых штатным сотрудником был лишь заведующий, исполняющий обязанности доцента, 27-летний аспирант Ленинградского государственного университета Л. М. Шнеерсон, а остальные –

[1]Материалы о личном составе и аспирантах (протоколы, списки, удостоверения, справки, заявления, переписка) [22.08.1928–03.10.1929] // Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Оп. 1. Д. 359. Л. 658.
[2]Отчеты о работе университета, факультетов и кафедр и список профессорско-преподавательского состава за 1933–34 уч. год // Там же. Д. 593. Л. 16.

Г. В. Ефимов (Ленинградский государственный университет), С. Гайдук[3] и Р. С. Плостак (Минский государственный педагогический институт имени А. М. Горького) – являлись совместителями. С 1939 г. на кафедре стал работать еще один совместитель из Минского государственного педагогического института имени А. М. Горького – З. М. Ханутин. Этот преподавательский состав почти без изменений просуществовал до 1941 г. Исходя из научных интересов Л. М. Шнеерсона, определилось направление научных исследований на кафедре – история внешней политики европейских государств в XIX – начале XX в.

Следует отметить, что в 1920-х – начале 1930-х гг. в БГУ также осуществлялась подготовка славистов и проводились славяноведческие, главным образом полонистические, исследования. Была создана польская секция, где существовала кафедра польской истории и литературы[4]. Определенное место в учебных и научных планах университета занимала востоковедная проблематика. Но в предвоенный период в БССР, в отличие, к примеру, от РСФСР или УССР, научный центр по изучению зарубежного Востока так и не сформировался. Причиной вновь стали кадры: в республике фактически не имелось для этого специалистов, за исключением профессора Н. М. Никольского. Вместе с тем попытки развития университетского востоковедения предпринимаются с 1934 г. уже на историческом факультете. Но все усилия по открытию запланированной кафедры новой истории зависимых и колониальных стран и чтению введенного в том же году курса «История колониальных и зависимых стран» были напрасны. В итоге ленинградский синолог Г. В. Ефимов в одиночку обеспечивал на кафедре новой истории востоковедное направление. Таким образом, к началу Великой Отечественной войны, несмотря на все трудности, БГУ все же представлял собой крупнейший в республике научно-образовательный центр в области новой истории.

После освобождения Беларуси от немецко-фашистской оккупации начинается новый период развития в университете всеобщей истории. Отметим, что в первый послевоенный 1944/45 учебный год на кафедре новой истории работали заведующий Л. М. Шнеерсон, З. М. Ханутин и совместители Г. В. Ефимов и Ф. Я. Мотляк. В 1946 г. Л. М. Шнеерсон впервые в Беларуси защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук в области новой истории на тему «Франко-прусская война 1870–1871 гг. и общественное мнение России». Но с августа 1947 г. в связи с малочисленностью кафедра новой истории была объединена с кафедрами истории древнего мира и истории средних веков в единую кафедру всеобщей истории под руководством академика В. Н. Перцева. Заметим, что помимо иных дисциплин, закрепленных за этой кафедрой, курс «История западных и южных славян» читал Г. М. Лившиц [3, с. 65]. Однако в 1948 г. нецелесообразность слияния кафедр стала очевидной, и к сентябрю 1949 г. кафедра была восстановлена под новым наименованием – «кафедра истории нового времени».

В 1953 г. в штат кафедры, состоящий из Л. М. Шнеерсона и Г. М. Трухнова, был зачислен прибывший из Среднеазиатского государственного университета крупный советский историк-международник профессор Н. П. Полетика. По выражению А. Б. Давидсона, он был «отцом» и учителем многих всемирно известных ученых-международников [4, с. 287]. Его появление значительно усилило потенциал кафедры, расширило ее научную тематику. Заметим, что 1950-е гг. выразительно продемонстрировали, что на кафедре стала формироваться группа историков, ставшая впоследствии основой белорусских школ по истории международных отношений и исторической германистике.

В 1961 г. кафедра была переименована в кафедру истории нового и новейшего времени. Как и прежде, она оставалась единственной в своей специализации в БССР и была уже хорошо известна в педагогических и научных кругах СССР. Периодически публикации о ней появлялись во всесоюзных исторических журналах. В 1963 г. Л. М. Шнеерсон защитил первую в Беларуси докторскую диссертацию в области новой истории на тему «Австро-прусская война 1866 г. и политика великих европейских держав (Из истории германского вопроса)», и впервые заведовать кафедрой стал доктор наук, что значительно повысило ее статус [5, с. 52]. Кроме него, на кафедре работали еще два доктора наук – Н. П. Полетика и Г. М. Трухнов.

С 1970 г. активную преподавательскую и научную деятельность начали выпускники кафедры – В. С. Кошелев, Л. В. Лойко и П. А. Шупляк. Хорошей традицией стало направлять аспирантов кафедры на обучение в крупнейшие союзные и зарубежные научные центры. С 1971 г. штат кафедры пополнил В. И. Синица. В 1973 г. в своей статье «Исследование проблем новой и новейшей истории в Белоруссии», опубликованной в журнале «Новая и новейшая история», Л. М. Шнеерсон охарактеризовал ее как признанный «центр, где концентрируются ныне основные силы исследователей истории Нового и Новейшего времени в республике» [6, с. 206]. Хотя профессор прекрасно видел и существовавшие тогда проблемы развития новистики в Беларуси. Так, в 1972 г., участвуя в межвузовском научно-

[3]Отчество преподавателя Степана Гайдука в ходе исследования автором обнаружено не было.

[4]Протоколы заседаний правления университета и материалы к протоколам [12.10.1927–26.09.1928] // НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 272. Л. 119.

методическом семинаре преподавателей новейшей истории стран Европы и Америки в университетах СССР, проходившем в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, он обратил внимание на трудности специализации студентов по новой и новейшей истории в периферийных университетах, связанных с отсутствием специалистов и малой обеспеченностью местных библиотек литературой на иностранных языках, высокой педагогической нагрузкой по сравнению с другими кафедрами [7, с. 176]. Вместе с тем кафедра в этот период представляла собой мощный профильный научно-образовательный центр.

В 1988 г. на кафедре появился новый доктор наук – В. С. Кошелев, успешно защитивший в Москве диссертацию в области востоковедения. В ноябре этого же года Л. М. Шнеерсон перешел на должность профессора кафедры, и с 16 декабря заведование кафедрой было передано В. С. Кошелеву.

К 1991 г. кафедра истории нового и новейшего времени БГУ являлась ведущим научно-образовательным центром в своей сфере в БССР. На ее базе многолетними усилиями профессоров Л. М. Шнеерсона и Г. М. Трухнова, а также других преподавателей были созданы крупнейшие в республике научные школы по истории международных отношений XIX–XX вв. и исторической германистике. Десятки белорусских и зарубежных соискателей защитили диссертации под руководством профессоров и доцентов кафедры. Как заявил Л. М. Шнеерсон в 1989 г., «история развития новой и новейшей истории в республике – это история деятельности нашей кафедры»[5].

Стоит отметить, что кафедра, являясь крупнейшим в БССР научно-образовательным центром в области всеобщей истории Нового и Новейшего времени, на всем протяжении своего существования не раз оказывала помощь в становлении преподавания этой отрасли исторической науки профильным кафедрам других высших учебных заведений республики как в Минске, так и некоторых областных центрах.

Одним из первых учреждений высшего образования, где еще в 1930-х гг. преподаватели кафедры вели новую историю, стал Минский государственный педагогический институт имени А. М. Горького. Как отмечалось выше, он был создан в 1931 г. на базе педагогического факультета БГУ под названием «Белорусский государственный высший педагогический институт» в составе трех факультетов – социально-экономического, литературно-лингвистического и педолого-педагогического. В 1934 г. в институте открылся исторический факультет, и новая история стала преподаваться на историческом отделении последнего. Однако ее преподавание и изучение в этом учебном заведении были затруднены вследствие недостатка специалистов. В 1934 г. на кафедре всеобщей истории курс новой истории в разное время вели Е. И. Ривлин, В. Н. Перцев, С. Гайдук, Е. П. Шлосберг, З. М. Ханутин и В. И. Денисюк. Кроме того, из Ленинграда и Москвы для чтения лекций приезжали востоковеды Г. В. Ефимов и А. Т. Мухераджи [8, с. 270].

В 1944 г. после изгнания оккупантов деятельность Минского государственного педагогического института имени А. М. Горького была восстановлена. Возобновилась работа и кафедры всеобщей истории, которой с 1944/45 учебного года успешно руководил академик В. Н. Перцев. Вместе с ним в качестве совместителей работали несколько представителей БГУ – Г. М. Лившиц, Л. М. Шнеерсон, З. М. Ханутин и В. И. Мотлюк, читавшие курс новой истории[6]. В 1946 г., после того как В. Н. Перцев покинул кафедру, ее возглавил совместитель из БГУ Г. М. Лившиц. Также здесь трудились Л. М. Шнеерсон и Г. М. Трухнов. И позднее, вплоть до конца 1960-х гг., вследствие нестабильной кадровой ситуации на этой кафедре продолжали работать Г. М. Лившиц и Л. М. Шнеерсон.

В 1944–1949 гг. в Витебском государственном педагогическом институте имени С. М. Кирова, старейшем среди белорусских педагогических высших учебных заведений, на кафедре истории исторического факультета историю Востока читал доцент БГУ Г. М. Трухнов[7].

Как известно, 26 сентября 1944 г. в Минске была организована Партийная школа при ЦК КП(б)Б для подготовки партийных, советских и комсомольских кадров (позднее переименована в Республиканскую партийную школу при ЦК КП(б)Б), а 17 мая 1945 г. в ней создана кафедра истории. Весной 1946 г. педагогический состав этой кафедры был усилен преподавателем всеобщей истории совместителем из БГУ Г. М. Лившицем, позднее к нему присоединился Л. М. Шнеерсон[8]. Заметим, что кафедру истории этого учебного заведения, где читались курсы истории СССР, всеобщей истории и истории международных отношений, можно считать вторым по значимости в БССР научно-образовательным центром в сфере истории международных отношений после

[5]Протоколы № 1–15 заседаний кафедры истории нового и новейшего времени и документы к ним [15 сентября 1988 г. – 6 июля 1989 г.] // НАРБ. Ф. 205. Оп. 8. Д. 3563. Л. 88.
[6]Отчет института за 1944/45 гг. // Там же. Ф. 746. Оп. 1. Д. 2. Л. 63.
[7]Отчеты о работе института по факультетам за 1948/1949 учебный год // Гос. арх. Витеб. обл. Ф. 204. Оп. 10. Д. 21. Л. 248.
[8]Приказы Республиканской партийной школы при ЦК КП(б)Б [1 января – 31 августа 1946 г.] // НАРБ. Ф. 580. Оп. 4. Д. 7. Л. 26, 191.

кафедры новой истории БГУ. Всеобщая история стала важной дисциплиной в системе подготовки партийного функционера. Указанные преподаватели БГУ продолжали работать в Республиканской партийной школе при ЦК КП(б)Б и в последующие годы. Так, с сентября 1949 г. Л. М. Шнеерсон вел сразу несколько учебных курсов – новую историю, историю международных отношений, внешнюю политику СССР и современное международное положение[9]. На следующий год здесь работал новый совместитель из БГУ – Г. М. Трухнов. Подобное педагогическое сотрудничество партийной школы с университетом продолжалось до начала 1950-х гг.

Представители кафедры оказывали содействие в преподавании истории и Минской школе профсоюзного движения Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов, открытой в 1946 г. для подготовки руководящих кадров профсоюзов БССР. Первым преподавателем, читавшим всеобщую историю, стал совместитель из БГУ Г. М. Лившиц[10]. В связи с недостатком кадров кафедра истории в этом учреждении была создана лишь в 1949 г. В 1951 г. курс всеобщей истории стал вести другой совместитель из БГУ – Д. Б. Мельцер. В 1952 г. вследствие малочисленности кафедра была ликвидирована, а ее преподавателей перевели на кафедру марксизма-ленинизма, где Д. Б. Мельцер до 1955 г. преподавал также всеобщую историю. В 1955 г. минская школа была объединена с аналогичной по профилю харьковской школой, ликвидированной в том же году.

В 1947 г. на базе факультета иностранных языков Минского государственного педагогического института имени А. М. Горького был создан Минский государственный педагогический институт иностранных языков, но в 1948/49 учебном году история здесь не читалась. Лишь на кафедре литературы и истории преподавалась история страны изучаемого языка (Великобритании, Франции и немецкоязычных государств). Именно эта дисциплина почти десятилетие была фактически единственным читаемым в институте курсом всеобщей истории. С 1954 г. там трудился совместитель из БГУ Л. М. Шнеерсон[11]. Но через некоторое время руководство института посчитало существование подобной кафедры нецелесообразным. В 1955 г. она была ликвидирована, а курс истории стран изучаемого языка передан на кафедру политической экономии, где он был разбит на три курса: «Новейшая история Великобритании», «Новейшая история Германии» и «Новейшая история Франции». Однако в 1956 г. и их чтение было прекращено.

После освобождения Беларуси от немецко-фашистских оккупантов в октябре 1944 г. возобновил свою деятельность Белорусский государственный институт народного хозяйства имени В. В. Куйбышева. В 1946 г. там была сформирована кафедра политэкономии. В 1949/50 учебном году на ней начал читаться курс «История народного хозяйства зарубежных стран». В 1953/54 учебном году здесь стал работать совместителем профессор БГУ Н. П. Полетика, читавший курс зарубежной экономической истории[12]. И в 1960/61, и в 1961/62 учебных годах данный курс читал другой совместитель из БГУ – Т. П. Гирдюк.

Одним из наиболее ярких эпизодов истории деятельности кафедры истории нового и новейшего времени БГУ в интересах развития исторического образования в республике является ее сотрудничество с Гомельским государственным университетом. В 1969 г. на базе существовавшего в этом городе педагогического института был создан университет. Подготовку историков в нем стала осуществлять кафедра истории КПСС и научного коммунизма на историко-филологическом факультете. Но в начале 1970-х гг. историческое образование и тем более научная деятельность в этом высшем учебном заведении оставались на низком уровне. К примеру, согласно отчетам учебный план на историческом отделении постоянно не выполнялся. Более того, из-за отсутствия преподавателей чтение некоторых учебных курсов переносилось на более позднее время, отдельные курсы вели неопытные молодые аспиранты. Профильная кафедра истории СССР и всеобщей истории в данном университете была создана лишь 1 сентября 1972 г., при этом она имела семь сотрудников и пять вакансий. Специалистов по новой и новейшей истории не было вообще, в связи с чем руководство университета было вынуждено пригласить преподавателей из БГУ для чтения этих дисциплин. Так, курс новой истории стал вести доцент В. И. Синица, новейшей – профессор Г. М. Трухнов[13]. Но на протяжении нескольких лет кадровая ситуация оставалась сложной, и преподаватели кафедры истории нового и новейшего времени БГУ Л. М. Шнеерсон, Г. М. Трухнов и Д. С. Климовский до 1975/76 учебного года выезжали в командировки в Гомель для проведения занятий. Также они выступали консультантами по организации учебной и научной работы.

---

[9]Приказы Республиканской партийной школы при ЦК КП(б)Б [4 января – 30 декабря 1947 г.] // Там же. Д. 12. Л. 190.
[10]Отчет о работе школы за 1947 г. // Гос. арх. Мин. обл. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 23а. Л. 2.
[11]Отчет о работе института за 1954–55 учебный год // НАРБ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 96. Л. 169.
[12]Протоколы заседаний кафедры политической экономии 1953, 1954, 1955 гг. // Там же. Ф. 215. Оп. 4. Д. 110. Л. 140.
[13]Протоколы заседаний кафедры истории СССР и всеобщей истории за 1972/1973 учебный год // Гос. арх. Гомел. обл. Ф. 1563. Оп. 1. Д. 153. Л. 18.

Заключение

Таким образом, профессора и доценты кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета БГУ сыграли значительную (в некоторых случаях ключевую) роль в становлении и развитии преподавания новой и новейшей истории зарубежных стран в различных высших учебных заведениях БССР в начальный период их деятельности в 1930–70-х гг.

Библиографические ссылки

1. Ходзін СМ, Шумейка МФ, Яноўскі АА, складальнікі. *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 1921–1941.* Стражаў ВІ, рэдактар. Мінск: БДУ; 2006. 383 с. (Памяць і слава = Memoria et gloria).

2. Яновская ВВ, Яновский ОА, составители. Три источника о трех историках в трех периодах эпохи: В. И. Пичета, В. Н. Перцев, Л. М. Шнеерсон. В: Сальков АП, Яновский ОА, редакторы. *Российские и славянские исследования. Выпуск 4.* Минск: БГУ; 2009. с. 338–349.

3. Ходзін СМ, Шумейка МФ, Яноўскі АА, складальнікі. *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 1945–1961.* Абламейка СУ, рэдактар. Мінск: БДУ; 2009. 399 с. (Памяць і слава = Memoria et gloria).

4. Давидсон АБ. Николай Павлович Полетика (1896–1988). В: Сальков АП, Яновский ОА, редакторы. *Российские и славянские исследования. Выпуск 4.* Минск: БГУ; 2009. с. 287–298.

5. Кошелев ВС, Острога ВА. *Кафедра истории нового и новейшего времени БГУ.* Минск: БГУ; 2010. 287 с.

6. Шнеерсон ЛМ. Исследование проблем новой и новейшей истории в Белоруссии. *Новая и новейшая история.* 1973;1:205–211.

7. Рыбина ЛМ, Фидрус ТА. Межвузовский научно-методический семинар преподавателей новейшей истории стран Европы и Америки в университетах СССР. *Вопросы истории.* 1972;7:175–177.

8. *Минский ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический институт имени А. М. Горького, 1922–1972.* Минск: Вышэйшая школа; 1974. 350 с.

References

1. Hodzin SM, Shumejka MF, Janowski AA, compilers. *Belaruski dzjarzhawny wniversitjet, 1921–1941* [Belarusian State University, 1921–1941]. Strazhaw VI, editor. Minsk: Belarusian State University; 2006. 383 p. (Memoria et gloria). Belarusian.

2. Yanovskaya VV, Yanovskii OA, compilers. [Three sources about three historians in three periods of the era: V. I. Picheta, V. N. Pertsev, L. M. Shneerson]. In: Sal'kov AP, Yanovskii OA, editors. *Rossiiskie i slavyanskie issledovaniya. Vypusk 4* [Russian and Slavic studies. Issue 4]. Minsk: Belarusian State University; 2009. p. 338–349. Russian.

3. Hodzin SM, Shumejka MF, Janowski AA, compilers. *Belaruski dzjarzhawny wniversitjet, 1945–1961* [Belarusian State University, 1945–1961]. Ablamejka SU, editor. Minsk: Belarusian State University; 2009. 399 p. (Memoria et gloria). Belarusian.

4. Davidson AB. [Nikolai Pavlovich Poletika (1896–1988)]. In: Sal'kov AP, Yanovskii OA, editors. *Rossiiskie i slavyanskie issledovaniya. Vypusk 4* [Russian and Slavic studies. Issue 4]. Minsk: Belarusian State University; 2009. p. 287–298. Russian.

5. Koshelev VS, Ostroga VA. *Kafedra istorii novogo i noveishego vremeni BGU* [The department of modern and contemporary history of the Belarusian State University]. Minsk: Belarusian State University; 2010. 287 p. Russian.

6. Shneerson LM. [Study of the problems of modern and contemporary history in Belarus]. *Novaya i noveishaya istoriya.* 1973;1:205–211. Russian.

7. Rybina LM, Fidrus TA. [Interuniversity scientific and methodological seminar for teachers of the modern history of European and American countries at the universities of the USSR]. *Voprosy istorii.* 1972;7:175–177. Russian.

8. *Minskii ordena Trudovogo Krasnogo Znameni gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni A. M. Gor'kogo, 1922–1972* [Minsk Order of the Red Banner of Labour State Pedagogical Institute named after A. M. Gorky, 1922–1972]. Minsk: Vyshjejshaja shkola; 1974. 350 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2021.
Received by editorial board 06.04.2021.

История беларуси

Гісторыя беларусі

Belarusian history

УДК 94(476.6):355(09)

ВОИНСКИЙ КВАРТИРНЫЙ СБОР В БЕЛАРУСИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

А. Б. АРЛУКЕВИЧ[1)]

[1)]*Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь*

Раскрыто влияние воинского квартирного сбора на социально-экономическое развитие муниципальных центров Беларуси и положение их жителей во второй половине XIX – начале XX в. В результате использования широкого круга источников доказано, что в рассматриваемый период объем средств, собираемых населением городов и местечек на аренду армейских штабов, лазаретов, складских помещений, офицерских квартир, а также на аренду и строительство солдатских казарм, был сопоставим с совокупными доходами магистратов и тем самым лишал последних необходимого резерва для сбережения и развития коммунального хозяйства и инфраструктуры. На этом основании сбор квартирных денег можно считать одним из ключевых экономических факторов, определявших специфику развития белорусского города в период модернизации. До настоящего времени сборы денежных средств в рамках постойной повинности на территории белорусских губерний не становились предметом специальных исследований. Большинство приводимых в работе фактов вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: военный постой; постойная повинность; сбор квартирных денег; Беларусь в составе Российской империи; российские войска.

Образец цитирования:
Арлукевич АБ. Воинский квартирный сбор в Беларуси (вторая половина XIX – начало XX в.). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2021; 3:52–70.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-52-70

For citation:
Arlukevich AB. The military apartment fee in Belarus (second half of the 19th – early 20th century). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;3:52–70. Russian.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-52-70

Автор:
Александр Брониславович Арлукевич – преподаватель кафедры политологии юридического факультета.

Author:
Aliaksandr B. Arlukevich, lecturer at the department of political science, faculty of law.
vaftrudnirgorohov@yandex.by
https://orcid.org/0000-0002-4533-1925

CC BY NC

ВОІНСКІ КВАТЭРНЫ ЗБОР У БЕЛАРУСІ (ДРУГАЯ ПАЛОВА XIX – ПАЧАТАК XX ст.)

А. Б. АРЛУКЕВІЧ[1*]

[1*]*Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, вул. Ажэшка, 22, 230023, г. Гродна, Беларусь*

Раскрыты ўплыў вайсковага кватэрнага збору на сацыяльна-эканамічнае развіццё муніцыпальных цэнтраў Беларусі і становішча іх жыхароў у другой палове XIX – пачатку XX ст. У выніку выкарыстання шырокага кола крыніц даказана, што ў разглядаемы перыяд агульную вагу сродкаў, якія збіраліся насельніцтвам у гарадах і мястэчках на арэнду вайсковых штабоў, лазарэтаў, складскіх памяшканняў, афіцэрскіх кватэр, а таксама на арэнду і будаўніцтва салдацкіх казармаў, магчыма супаставіць з сукупнымі даходамі магістратаў, што пазбаўляла апошніх неабходнага рэзерву для збераджэння і развіцця камунальнай гаспадаркі і інфраструктуры. На гэтай падставе збор кватэрных грошай можна лічыць адным з ключавых эканамічных фактараў, якія вызначалі спецыфіку развіцця беларускага горада ў перыяд мадэрнізацыі. Да цяперашняга часу зборы грашовых сродкаў у рамках пастойнай павіннасці на тэрыторыі беларускіх губерняў не станавіліся прадметам спецыяльных даследаванняў. Большасць прыведзеных у працы фактаў уводзяцца ў навуковы абарот упершыню.

Ключавыя словы: ваенны пастой; пастойная павіннасць; збор кватэрных грошай; Беларусь у складзе Расійскай імперыі; расійскія войскі.

THE MILITARY APARTMENT FEE IN BELARUS (THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURY)

A. B. ARLUKEVICH[a]

[a]*Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ažeška Street, Hrodna 230023, Belarus*

The article reveals the influence of the military housing tax on the socio-economic development of municipal centers and the processes of urbanisation in Belarus in the second half of the 19th – early 20th century. On the basis of a wide range of sources, it is proved that during the period under review, the amount of funds collected by the population in cities and towns with the active mediation of local self-government institutions for the rental of army headquarters, infirmaries, warehouses, officers' apartments, rent and construction of soldiers' barracks was comparable to the total income of magistrates and thus deprived them of the necessary reserve for saving and developing public utilities and infrastructure. On this basis, the collection of apartment money can be considered one of the key economic factors that determined the specifics of the development of the Belarusian city during the modernisation period. Until now the collection of funds in the framework of post-conscription in the territory of the Belarusian provinces has not become the subject of special research. Most of the facts presented in the work are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: quartering of troops; housing service; collection of apartment money; Belarus as part of the Russian Empire; Russian troops.

Введение

Настоящая работа является логическим продолжением ранее опубликованного исследования [1]. В ней раскрывается второй ключевой компонент сложной системы повинностей гражданского населения в отношении войск Российской империи, сосредоточенных в Беларуси, – это безвозмездное использование денежных средств населения, расходовавшихся на аренду помещений под воинские штабы, лазареты, склады, офицерские квартиры, а также на аренду и строительство солдатских казарм. Подчеркивая значимость данной проблемы в истории Беларуси второй половины XIX – начала XX в., следует отметить: в рассматриваемый период на территории белорусских губерний непрерывно была сосредоточена беспрецедентная по численности группировка вооруженных сил (это обусловлено главным образом внешними геостратегическими факторами в рамках военно-политического противостояния России с центральноевропейскими государствами), что ввиду специфики социально-экономического уклада и податной политики монархии вовлекало сотни тысяч ее жителей в систему довольствия войск, в том числе в процесс сбора воинских квартирных денег.

В конце 1850-х – начале 1860-х гг. экспертами российского Генштаба было инициировано предметное исследование различных форм участия гражданского населения в квартирном довольствии армии.

Интерес к воинскому квартирному сбору подогревался началом процессов модернизации в России и сохранялся на протяжении всего периода подготовки и проведения реформ Александром II. Одной из наиболее острых проблем стал отказ от военного постоя в натуральной форме (в том числе и через замену его дополнительными денежными сборами). Так, в 1858 г. в Санкт-Петербурге была опубликована работа «Воинская постойная повинность в главных государствах Европы». Авторы провели сравнительный анализ принципов квартирного довольствия за счет ресурсов (недвижимого имущества и денежных средств) гражданского населения. Целью работы являлось противопоставление заведомо более прогрессивных европейских моделей организации военного хозяйства (где к тому времени уже полностью отказались от постойной повинности и покрывали расходы на квартирное довольствие войск через скрытые механизмы системы налогообложения) менее эффективным российским[1]. По данным вопросам на страницах российских военных журналов «Военный сборник» и «Инженерный журнал»[2] развернулись острые дискуссии, инициатором которых среди прочих стал военный министр Д. А. Милютин. По его оценкам, «будущее армии во многом было связано с решением вопроса об изменении существующих принципов организации и ведения военного хозяйства»[3]. В 1862 г. правительственная комиссия для улучшения системы податей и пошлин провела анализ практики квартирного довольствия в рамках постойной повинности[4]. В частности, оценив действия различных органов местного управления и самоуправления по удовлетворению потребностей и нужд армии, а также все использовавшиеся формы несения разными категориями населения постойной повинности, названная комиссия пришла к выводу о том, что исполнение данной повинности «находилось в совершенном беспорядке и не имело никакой правильной и однообразной организации»[5]. В 1877 г. составитель Атласа народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям военный этнограф А. Ф. Риттих обратил внимание на противоречия системы квартирного довольствия войск, при которой ее главными организаторами являлись институты гражданского самоуправления (городские думы и управы). В работе А. Ф. Риттиха «Русский военный быт в действительности и мечтах» город выступает в качестве автономного муниципального начала, способного в своей деятельности противопоставлять интересы гражданского населения интересам военного министерства, осложняя тем самым процессы обеспечения войск необходимыми помещениями[6].

В советской историографии, несмотря на явно эксплуататорскую природу и неуравнительное бремя для населения, воинский квартирный сбор, как и постойная повинность, оставался вне поля зрения исследователей и не получил должной оценки, что лишило историков еще одного справедливого аргумента для дискредитации социально-политического строя империи. В современной российской историографии на фоне общей тенденции к переоценке событий доoктябрьского периода возрос интерес к истории царской армии и ее контактам с различными категориями гражданского населения. Обширное проблемное поле последних (ввиду активного участия гражданских хозяйств в различных видах довольствия вооруженных сил) стало предметом целой серии исследований множества научных центров, которые не обошли вниманием также и общие принципы организации воинского квартирного сбора[7] [2]. Несомненно, результаты дореволюционных, советских и современных российских исследований очень ценны. В той или иной форме они были использованы при подготовке данной работы к публикации. Однако несравнимо более высокая концентрация войск в Беларуси,

---

[1]Воинская постойная повинность в главных государствах Европы : в 3 т. СПб. : Тип. Д. Кесневиля, 1858. Т. 1. 68 с.

[2]*А. К.* Заметки из армии // Воен. сб. 1869. № 9. С. 201–215 ; *Брант П.* Казарменное расположение войск и влияние его на здоровье нижних чинов // Там же. 1863. № 3. С. 77–101 ; *Он же.* Полковое и ротное хозяйство // Там же. № 1. С. 15–44 ; Интендантские заготовки в 1882–1892 гг. // Там же. 1895. № 12. С. 359–367 ; Квартирование войск в наемных домах // Там же. 1883. № 2. С. 285–288 ; *Р.* Несколько слов о постройке казарм для наших войск // Инж. журн. 1874. № 1. С. 5–28 ; *Редигер А.* Комплектование и устройство вооруженной силы // Рос. воен. сб. 1994. № 4. С. 45–57 ; *Серебреницкий А.* Постой войск в селениях // Инж. журн. 1864. № 4. С. 305–345.

[3]Обзор деятельности военного министерства в последнее пятилетие, финансовых его средств и нужд армии. СПб. : Тип. Деп. уделов, 1865. 137 с.

[4]Сведения о существующем порядке и способах отправления натуральных земских повинностей / под ред. Д. П. Гаврилова. СПб. : [б. и.], 1862. 104 с.

[5]Там же. С. 34.

[6]*Риттих А.* Русский военный быт в действительности и мечтах. СПб. : Тип. Б. и К., 1893. С. 304.

[7]*Агарков А. Ф.* Взаимодействие военной администрации и местных органов власти по расквартированию и пребыванию военных частей в российской провинции в 1874–1908 гг.: на материалах Курской губернии : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Белгород, 2009. 178 с. ; *Волкова И. Н.* Армия, власть, общество: военный фактор в политике Российской империи : дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. М., 2006. 434 с. ; *Литовский И. М.* Строительство казарменно-жилищного фонда и объектов социальной инфраструктуры для русской армии в России (1882–1917) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2009. 256 с. ; *Тонкий Н. В.* Организация и функционирование тылового обеспечения русской армии в начале XX века: 1900–1917 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Воронеж, 2012. 256 с. ; *Яковлева Л. Е.* Развитие постойной повинности в России в XVIII–XIX вв. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Саратов, 2008. 223 с.

специфика этноконфессионального состава и экономического уклада горожан, плотность городской сети, особенности состава воинских подразделений, сосредоточенных на территории белорусских губерний, требуют привлечения дополнительного круга источников. Данная задача осложнялась тем, что в отечественной историографии до настоящего времени не была исследована проблема расходов денежных средств населения белорусских губерний на квартирное довольствие войск Российской империи в рамках постойной повинности (вторая половина XIX – начало XX в.).

Основополагающими ресурсами исследования в числе прочих выступили материалы Департамента государственной экономии Государственного совета и Департамента окладных сборов Министерства финансов, позволившие раскрыть роль гражданского населения белорусских губерний в финансировании квартирного довольствия войск[8]. В частности, из фондов данных учреждений были получены сведения о суммах, ежегодно собиравшихся с жителей белорусских городов на аренду необходимых войскам помещений. Акты Государственного совета позволили определить влияние подобных сборов на экономическое положение муниципальных центров, провести анализ различных правительственных проектов по привлечению дополнительных источников финансирования квартирного довольствия войск на местах. Документы делопроизводства губернских распорядительных комитетов («О земских повинностях присутствий») помогли раскрыть механизмы привлечения городского населения к аренде и строительству необходимых войскам помещений (на примере конкретных проектов и инициатив)[9]. Из материалов минской и могилёвской губернских строительных и дорожных комиссий, а также строительного отделения Гродненского губернского правления были получены сведения о строительстве армейских казарм в губернских городах, участии в данном процессе гражданской администрации и привлечении денежных средств населения[10]. Также были использованы данные из фондов минской, суражской и виленской квартирных комиссий; Брестской, Витебской, Гродненской и Минской городских управ, Лидского городского упрощенного общественного управления, Витебского губернского по городским и земским делам присутствия и Гродненского губернского по городским делам присутствия[11].

Цель данного исследования – раскрыть влияние воинского квартирного сбора на социально-экономическое развитие муниципальных центров и положение городского населения Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.

Методы исследования

Работа базируется на основополагающих принципах исторической науки (объективности, историзма, системности, ценностного и герменевтического подходов). В основу исследования положены общенаучные (индукция, дедукция, анализ, синтез) и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-статистический) методы. В частности, использование принципа историзма способствовало изучению предмета в контексте исторической преемственности и совершенствования механизмов взаимодействия войск с гражданским населением в рамках перехода от натуральных повинностей к их денежным эквивалентам, что соответствовало общему вектору экономических трансформаций во второй половине XIX в. С помощью историко-генетического метода были выявлены предпосылки вовлечения гражданского населения в систему квартирного довольствия российской армии, установлена связь регулировавших данный процесс нормативно-правовых документов с основополагающими принципами петровского военного законодательства. Применение историко-сравнительного метода дало возможность проследить динамику соотношения различных источников финансирования квартирного довольствия войск в Беларуси на отдельных хронологических отрезках изучаемого периода. В исследовании при вычислении общих сумм воинского квартирного сбора и его соотношения с городскими доходами также широко применялся историко-статистический метод. Герменевтический подход помог раскрыть смысл и содержание таких устойчивых для анализируемого

---

[8]Рос. гос. ист. арх. (РГИА). Ф. 573. Оп. 6. Д. 7611 ; Там же. Ф. 1152. Оп. 6. Д. 160 ; Там же. Д. 1060.

[9]Нац. ист. арх. Беларуси (НИАБ). Ф. 314. Оп. 1. Д. 696 ; Там же. Д. 403 ; Там же. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 1 ; Нац. ист. арх. Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). Ф. 13. Оп. 1. Д. 28 ; Там же. Д. 98 ; Там же. Д. 178 ; Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 193 ; Там же. Д. 60 ; Там же. Д. 61 ; Там же. Д. 62 ; Там же. Д. 78 ; Там же. Д. 136 ; Там же. Д. 148 ; Там же. Д. 150 ; Там же. Д. 151 ; Там же. Д. 152 ; Там же. Д. 168.

[10]НИАБ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 133 ; Там же. Д. 190 ; Там же. Ф. 2224. Оп. 1. Д. 221 ; Там же. Д. 522 ; НИАБ в г. Гродно. Ф. 8. Оп. 1. Д. 247 ; Там же. Д. 378 ; Там же. Д. 379 ; Там же. Д. 1311.

[11]НИАБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 327 ; Там же. Д. 333 ; Там же. Д. 764 ; Там же. Д. 2737 ; Там же. Д. 3928 ; Там же. Ф. 2496. Оп. 1. Д. 2630 ; Там же. Д. 3038 ; Там же. Д. 3100 ; НИАБ в г. Гродно. Ф. 125. Оп. 1. Д. 93 ; Там же. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 61 ; Там же. Д. 117 ; Там же. Оп. 3. Д. 5 ; Там же. Ф. 492. Оп. 1. Д. 25 ; НИАБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 50 ; Там же. Д. 74 ; Там же. Д. 132 ; Там же. Ф. 2572. Оп. 1. Д. 279 ; Там же. Д. 205 ; Lietuvos vastybes istorijos archyvas (LVIA). F. 389. Ap. 1. B. 711 ; Ibid. B. 831 ; Ibid. B. 852 ; Ibid. B. 873 ; Ibid. Ap. 2. B. 134 ; Ibid. B. 152 ; Ibid. B. 177 ; Ibid. Ap. 3. B. 250 ; Ibid. B. 282 ; Ibid. Ap. 4. B. 77 ; Ibid. B. 122 ; НИАБ. Ф. 2508. Оп. 1. Д. 1045 ; НИАБ в г. Гродно. Ф. 17. Оп. 1. Д. 42 ; Там же. Д. 271.

периода концептов, как город, городские общества, представлявшие собой особую форму коллективных субъектов административно-правовых отношений. Понимание данных феноменов позволило восстановить механизмы вовлечения гражданского населения в систему квартирного довольствия и продовольственного обеспечения войск через органы муниципального представительства и принципы корпоративной ответственности. Квартирное довольствие войск рассматривается как сложная система, построенная на взаимодействии совокупности нормативных документов, регулировавших процессы тылового обеспечения вооруженных сил; органов гражданской и военной администрации, собственно частей и подразделений российской армии и населения.

Результаты и их обсуждение

Формы и организация воинского квартирного сбора. Одним из основных источников, обеспечивавших квартирное довольствие войск в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в., выступал сбор денежных средств с гражданского населения, расходуемых на аренду и строительство необходимых войскам помещений. При этом в сборе таких денег участвовали жители только тех населенных пунктов, в которых квартировали части армейских подразделений. В частности, согласно положениям Устава о земских повинностях, «при недостатке в городах удобных зданий для помещения лазаретов, полковых и батальонных штабов, кузниц, мастерских и других необходимых при квартировании войск заведений квартирные комиссии на предмет найма таковых определяли (сообразно с обширностью домов и доходами, с них получаемыми) умеренный и безобидный для обывателей денежный сбор»[12].

Указом от 27 апреля 1851 г. Николай I разрешил в виде временной меры «до общего устройства постойной повинности» квартирным комиссиям в городах, где на основании общего закона или особых «высочайше утвержденных положений» были установлены денежные сборы, нанимать для нижних чинов частные «общие помещения в виде казарм, если невозможно разместить их в принадлежащих городу зданиях»[13]. Участие населения в сборе средств на аренду помещений для казарменного размещения солдат, а также офицерских квартир освобождало их дома от военного постоя[14]. Задолго до появления названного указа многие крупные города уже перешли на альтернативные способы несения постойной повинности, что находило формальное выражение в многочисленных особых положениях (Брест-Литовские положения 1837 и 1850 гг., Виленские положения 1836 и 1844 гг., Могилёвские положения 1839 и 1847 гг. и Витебское положение 1839 г.)[15]. В частности, в Вильно горожане, не пожелавшие отбывать постойную повинность натурой, для аренды необходимых войскам помещений ежегодно собирали по 0,75 % общей стоимости их недвижимого имущества (с 1863 г. этот сбор был увеличен до 1,5 %)[16]. Могилевчане платили по 1 коп. с 1 руб. от стоимости их недвижимого имущества, что, по подсчетам Могилёвского губернского статистического комитета, составляло до 37 % арендной стоимости этого имущества[17].

Известно, что жители Суража к началу 1850-х гг. также «по добровольной раскладке всех сословий облагались платежом на квартирную повинность деньгами». Не пожелавшие это сделать мещане отбывали повинность натурой[18]. В Минске «приговором общества» от 8 октября 1862 г. было признано «удобным и выгодным для жителей города» арендовать квартиры генералам и полковым командирам за счет средств, собранных с гражданского населения[19].

В 1864 г. виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев в очередной раз обратился к муниципальным властям с предложением «составить соображения для замены квартирной натуральной повинности на денежную, особенно в тех городах, где велико число расквартированных войск»[20]. Членам создававшихся для решения данной задачи комитетов необходимо было учесть все детали образования квартирных сумм (денежного эквивалента квартирной повинности), а также финансовые возможности населения. В Гродно в феврале 1865 г. «обыватели всех сословий прибыли в присутствие городового магистрата и признали последнее предложение генерал-губернатора вполне для города полезным»[21]. Ежегодно в городе с каждого домовладения собиралась сумма, равная 2,75 % рыночной стоимости их недвижимого имущества (для зажиточных горожан она доходила

[12]Свод законов Российской империи : в 34 т. СПб. : Тип. 2-го отд-ния, 1857. Т. 4. С. 596.
[13]НИАБ. Ф. 2572. Оп. 1. Д. 205. Л. 42.
[14]Там же.
[15]Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 574.
[16]LVIA. F. 389. Ap. 2. B. 177. L. 3.
[17]Обзор Могилёвской губернии за 1870 г. / Могилёв. губ. стат. ком. Могилёв-на-Днепре : Могилёв. губ. стат. ком., 1871. С. 60.
[18]НИАБ. Ф. 2572. Оп. 1. Д. 205. Л. 7.
[19]Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 50. Л. 2–2 об.
[20]НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 136. Л. 4–6 об.
[21]Там же. Л. 1–44.

до 680 руб.)[22]. Подобным образом в декабре 1865 г. «депутаты от всех сословий г. Пинска были призваны в квартирную комиссию для того, чтобы составить акт раскладки на удовлетворение владельцев за помещение в домах их воинского постоя»[23]. В Кобрине от проведения подобной реформы депутаты местной квартирной комиссии, а также общественные депутаты отказались[24]. В 1870 г. минчане избрали из своей среды доверенных лиц, разрабатывавших проект замены натуральной квартирной повинности общим денежным сбором, после чего в Минске стали арендоваться помещения для казарменного размещения нижних чинов Серпуховского и Коломенского полков[25].

В городах, производивших как обязательный, так и добровольный сбор квартирных денег, каждое из городских обществ (купцов, мещан-христиан, мещан-иудеев и военнослужащих) составляло собственный первоначальный проект раскладки, утверждавшийся $^2/_3$ голосов общества. Затем общий проект раскладки «по известному местному соображению цены» подтверждался на общем собрании депутатов всех сословий (согласно указу Сената от 29 ноября 1846 г. во всех городах Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской губерний общественные приговоры от имени мещанского сословия по раскладке повинностей утверждались на общем собрании депутатов, избиравшихся по одному от пяти мещанских дворов (рис. 1)) и в конечном итоге по представлению квартирных комиссий согласовывался с губернскими правлениями. Обязательным условием утверждения депутатами очередной раскладки являлось отсутствие жалоб на ее неуравнительность со стороны населения[26]. Следует обратить внимание на тот факт, что в соответствии с положением военного совета 1851 г. «воинские чины, имевшие в городах собственные дома, участвовали в платеже квартирного сбора как домовладельцы, но вместе с тем получали квартирное довольствие, присвоенное их званию»[27].

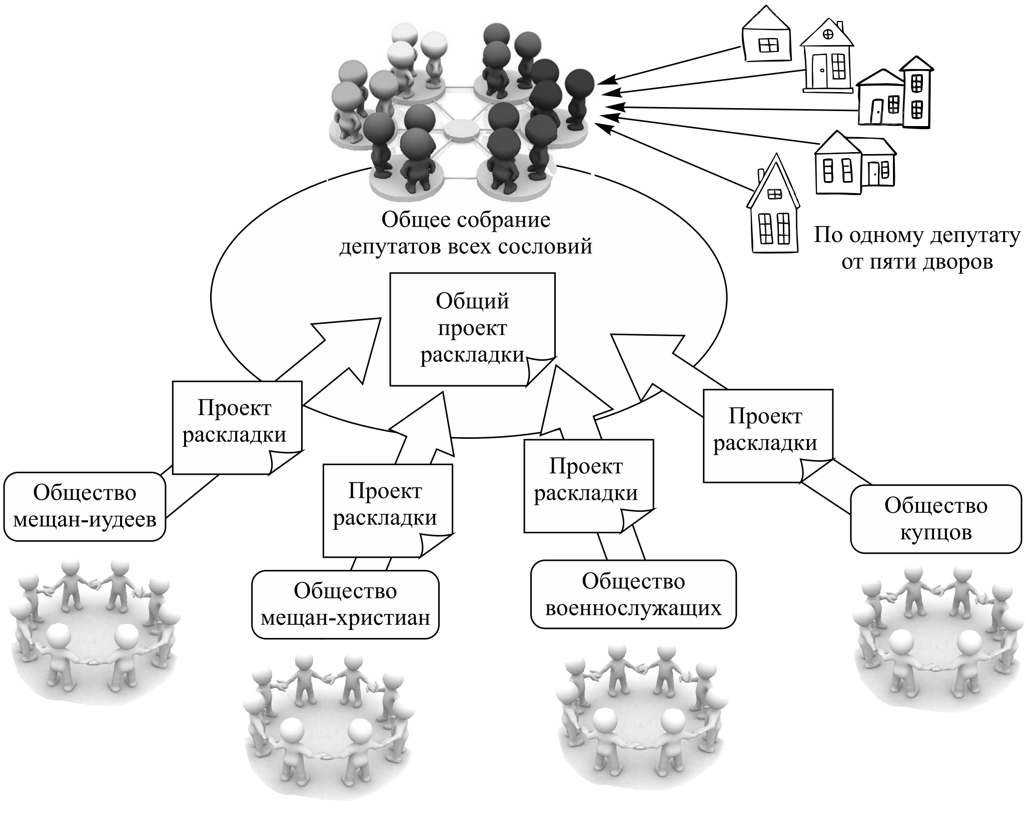
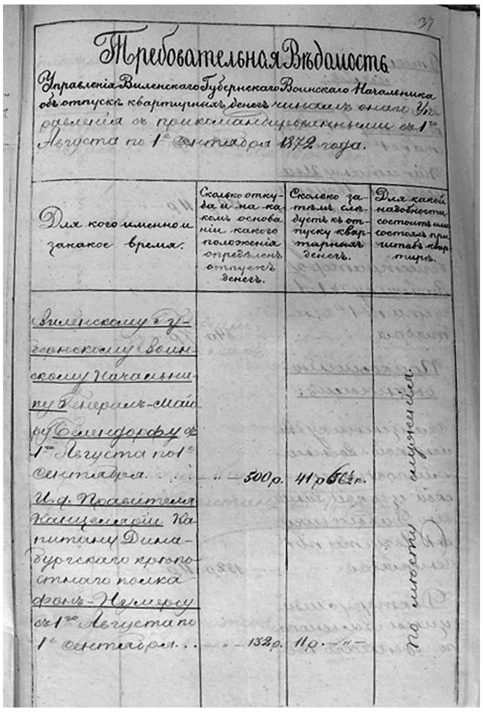


Рис. 1. Схема организации раскладки воинского квартирного сбора (согласно указу Сената от 29 ноября 1846 г.)

Fig. 1. Layout of military apartment collection (according to the Senate decree of 1846 November 29)

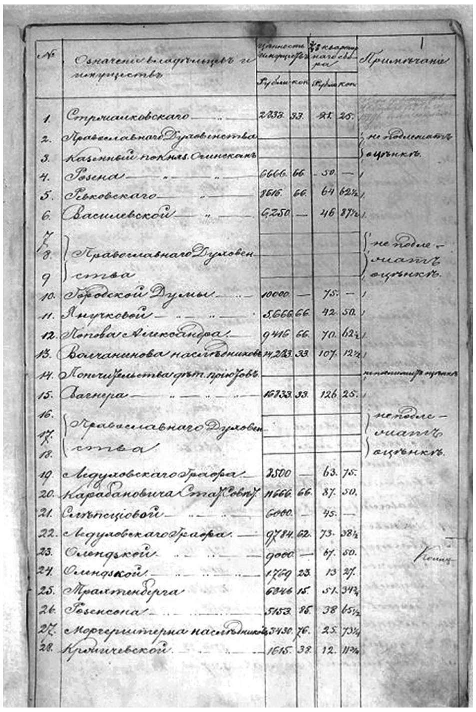
[22]Обзор Гродненской губернии за 1870 г. / Гродн. губ. стат. ком. Гродно : Губ. тип., 1871. С. 38–39.
[23]НИАБ. Ф. 299. Оп. 5. Д. 263. Л. 39.
[24]НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 136. Л. 58.
[25]НИАБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 74. Л. 145 об. ; Обзор Минской губернии за 1870 г. / Мин. губ. стат. ком. Минск : Губ. тип., 1871. С. 37.
[26]НИАБ. Ф. 299. Оп. 1. Д. 396. Л. 757–765.
[27]Там же. Ф. 2572. Оп. 1. Д. 205. Л. 4 об.



Требовательная Вѣдомость

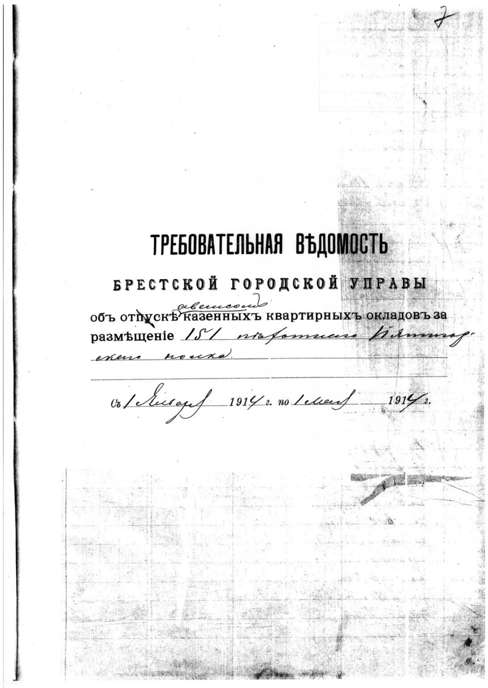
Требовательная ведомость о выдаче офицерам квартирных денег, выплачиваемых им городом (LVIA. F. 389. Ap. 1. B. 873. L. 37)

Demanding statement on the issue of apartment money to officers (LVIA. F. 389. Ap. 1. B. 873. L. 37)



Оценочный табель домов в Вильно (LVIA. F. 389. Ap. 4. B. 77. L. 1)

Scorecard of houses in Vilno (LVIA. F. 389. Ap. 4. B. 77. L. 1)



ТРЕБОВАТЕЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ

БРЕСТСКОЙ ГОРОДСКОЙ УПРАВЫ

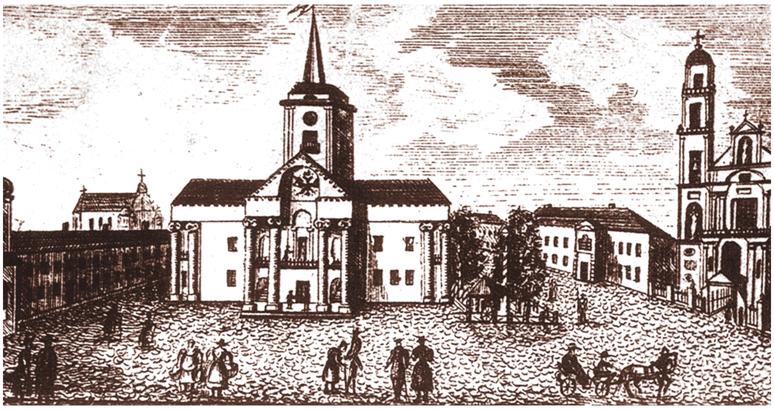
объ отпускѣ казенныхъ квартирныхъ окладовъ за размѣщеніе

Образец требования городской управой губернии квартирных окладов за расквартирование войск в городе (НИАБ в г. Гродно. Ф. 492. Оп. 1. Д. 126. Л. 7)

Sample of the requirement of the city government of the governorate of apartment salaries for quartering troops in the city (National Historical Archive of Belarus in Hrodna. F. 492. Regist. 1. Case 126. Sheet 7)

Предместье Могилёва. Гравюра Наполеона Орды. 1877 г.
Источник: https://wiki2.org

Suburbs of Mahilioŭ. The engraving by Napoleon Orda. 1877.
Source: https://wiki2.org



Минская городская ратуша. Гравюра XIX в.
Источник: http://vminsk.by

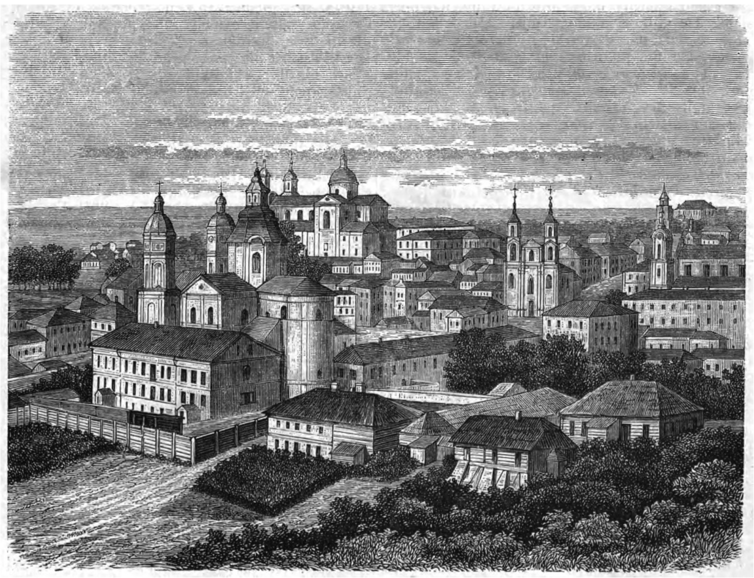
Minsk City Hall. The 19th century engraving.
Source: http://vminsk.by

Тыльная сторона губернских казарм в Гродно (слева).
Фото второй четверти XX в.
Источник: https://www.mygrodnopostcards.com/

Rear side of governorate barracks in Hrodna (on the left).
Photo from the second quarter of the 20th century.
Source: https://www.mygrodnopostcards.com/

Губернские казармы в Гродно с парадной стороны (в центре). Фото начала XX в.
И с т о ч н и к: https://commons.wikimedia.org

Governorate caserne in Hrodna on the front side (in the centre).
Photo from the beginning of the 20th century.
S o u r c e: https://commons.wikimedia.org



Витебск. Гравюра Яна Яворского. 1874 г.
И с т о ч н и к: https://commons.wikimedia.org

Viciebsk. The engraving by Yan Yavorski. 1874.
S o u r c e: https://commons.wikimedia.org

За счет средств, собранных населением в начале 1860-х гг. в Сураже для расквартирования местной инвалидной команды, было куплено здание бывшей почтовой станции[28]. Деньги, полученные от жите-лей Вильно, не пожелавших отбывать постойную повинность натурой, были потрачены местной квартирной комиссией в целях аренды помещений для расквартирования солдат в различных частях города[29]. В Гродно к 1864 г. для солдат 6-й роты Староингерманландского полка был арендован дом мещанина Сапоцко, для расквартирования горнистов и барабанщиков того же полка – дом обывательницы Желудской, для солдат 7-й роты Староингерманландского полка – дом мещанина Липеца[30].

В 1865 г. в Пинске средства, собранные с жителей, были израсходованы на ремонт здания сборной избы пинской уездной команды, из этих же денег полковнику 118-го Шуйского полка Гесельбергу были возмещены затраты на аренду здания для школы горнистов, командиру пинской уездной команды, не получившему квартиры в натуральной форме, куплены материалы на постройку кухни для солдат, оплачена работа трубочистов, обслуживавших гауптвахту, швальню и канцелярию 121-го Пензенского полка[31]. На вышеперечисленные расходы «мещанами-христианами, гражданами и однодворцами» Пинска было собрано 54 руб.[32]

В 1866 г. по замечанию, высказанному руководством Главного штаба, «даже самые большие города, обыватели которых владели обширными домами, приносившими значительные доходы, были не в состоянии доставить квартирующим в сих городах войскам вполне достаточных средств для найма помещений, и если отправляли постойную повинность деньгами, то только при помощи значительных пособий, оказываемых из сумм государственного земского сбора»[33].

В результате того, что население некоторых городов и местечек Беларуси было не в состоянии внести плату по квартирному сбору, хозяева, сдававшие свои помещения в аренду, вынуждены были годами ожидать положенной им компенсации[34]. В частности, в Витебске к 1866 г. сумма этой «безнадежной к поступлению» задолженности выросла до 6536 руб., при этом витебской квартирной комиссии в течение предыдущих 20 лет из государственного казначейства, земского и пятипроцентного сбора уже было субсидировано около 35 000 руб. Задолженность по квартирной повинности исчислялась тысячами рублей также в Полоцке, Режице и Лепеле[35]. В Полоцке бо́льшая часть зданий, построенных после пожара 1862 г., были освобождены от постоя, в итоге постойная повинность направлялась на незначительное число домов, которые не справлялись с возложенной на них обязанностью по сбору денежных средств[36].

В сложившихся обстоятельствах генерал-губернатор К. П. Кауфман обратился к Министерству внутренних дел с ходатайством о назначении ежегодного пособия из сумм государственного земского сбора городам, не способным собрать необходимые средства[37]. С таким же требованием в 1866 г. представители всех сословий Кобрина в очередной раз обратились в губернское правление: «Кобринская квартирная комиссия ежегодно и в настоящем году нанимает помещения разных воинских заведений, как то: цейхгаузов, кухонь, слесарен, плотницких, малярен, музыкантских школ, околодка, швален, кухонь и канцелярий. Следуемые домовладельцам арендные деньги взыскивают по раскладкам с жителей города, которые через сие при содержании натурального военного постоя пришли в чувствительное обеднение и не в состоянии поддерживать других городских налогов и подушной подати»[38]. В результате жителям Кобрина позволили с 1866 по 1872 г. покрывать задолженности по постойной повинности из средств земского сбора[39].

Всего на территории белорусских губерний к лету 1870 г. обязательный квартирный сбор при сохранении натурального постоя платили 34 города и местечка. На добровольный квартирный сбор, покрывавший все расходы по расквартированию войск, с 1836 по 1864 г. перешли шесть крупных городов: Витебск, Вильно, Гродно, Брест-Литовск, Белосток и Могилёв[40] (см. таблицу).

[28]НИАБ. Ф. 2572. Оп. 1. Д. 279. Л. 37–38 об.
[29]LVIA. F. 389. Ap. 2. B. 152. L. 24.
[30]НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 136. Л. 41–44.
[31]НИАБ. Ф. 299. Оп. 5. Д. 263. Л. 36–39.
[32]Там же. Л. 39.
[33]РГИА. Ф. 573. Оп. 6. Д. 7611. Л. 2–2 об.
[34]Там же. Ф. 1152. Оп. 6. Д. 1060. Л. 3.
[35]Там же. Л. 2 об.
[36]Там же. Л. 3.
[37]Там же. Ф. 573. Оп. 6. Д. 7611. Л. 4.
[38]НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 151. Л. 2–3.
[39]Там же. Л. 100.
[40]РГИА. Ф. 573. Оп. 6. Д. 7611. Л. 36 ; Обзор Минской губернии за 1870 г. С. 134.

Суммы средств, собранных в 1870 г. с жителей городов и местечек Витебской, Виленской, Гродненской, Минской и Могилёвской губерний на аренду необходимых войскам помещений

Amounts of funds collected in 1870 from residents of cities and towns of Viciebsk, Vilno, Hrodna, Minsk and Mahilioŭ provinces

Населенный пункт	Сумма, руб.	Населенный пункт	Сумма, руб.
Белосток	10 700	Лепель	82
Бобруйск	20	Лида	1437
Борисов	943	Минск	8882
Брест-Литовск	10 200	Мозырь	1123
Вилейка	260	Могилёв	15 500
Вильно	64 000	Невель	95
Витебск	16 000	Новогрудок	1899
Волковыск	777	Орша	112
Гомель	23	Ошмяны	4743
Горки	108	Пинск	459
Городок	172	Полоцк	1357
Гродно	22 700	Пружаны	43
Дисна	920	Речица	544
Дрисса	45	Рогачев	42
Игумен	356	Себеж	91
Казимировская Слободка	37	Слуцк	33
Климовичи	32	Чаусы	6

Примечания: 1. В 1870 г. общий доход составил в Минске 27 468 руб., Борисове – 4080 руб., Мозыре – 3067 руб., Новогрудке – 4762 руб. 2. Составлено по данным РГИА. Ф. 573. Оп. 6. Д. 7611. Л. 36.

По данным губернского статистического комитета, общая сумма собранных средств на квартирное довольствие войск в 1870 г. в Могилёвской губернии составила 56 399 руб.[41], в 1869 г. в Гродненской губернии – 51 030 руб. (в том числе с жителей Гродно было собрано 23 187 руб., с жителей Бреста – 13 456 руб.)[42]. Для представления доли расходов следует отметить, что в 1870 г. суммарные доходы городов Гродненской губернии равнялись 51 683 руб.[43], а городов Минской губернии – 61 270 руб.[44]

Казарменное строительство. До последней четверти XIX в. правительство Российской империи отказывалось от финансирования казарменного строительства, поскольку рассматривало его в качестве одной из обязанностей населения в числе постойной повинности: жители городов и местечек, которые не желали исполнять повинность натурой, имели право по своей инициативе за счет самостоятельно собранных средств строить казармы, содержание и ремонт которых освобождали их дома от военного постоя[45]. При этом казарменное строительство могло производиться только по добровольной инициативе и с согласия населения, вынужденного самостоятельно находить для него источники финансирования, определять его способы и объемы в местах дислокации войск. С подачи военного министра Д. А. Милютина в начале 1860-х гг. началась масштабная кампания по обсуждению возможных вариантов казарменного строительства в рамках общественных инициатив под руководством органов местного самоуправления.

Отвечая на предложение военного министра, обратившиеся к городовому магистрату в январе 1866 г. жители Брест-Литовска приняли решение о необходимости строительства казарм для размещения 1450 военнослужащих местного гарнизона и конюшни для 140 лошадей: «Для предоставления пользоваться обоюдными выгодами – мирным жителям заниматься свободно своим хозяйством, а войску усовершенствованием себя в воинском

[41]Обзор Могилёвской губернии за 1870 г. / Могилёв. губ. стат. ком. Могилёв-на-Днепре : Могилёв. губ. стат. ком., 1871. С. 60.
[42]Обзор Гродненской губернии за 1870 г. С. 39.
[43]Там же. С. 33.
[44]Там же. С. 27.
[45]Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 587.

искусстве – городское общество постановило устроить деревянные флигеля: каждый на 160 человек, с цейхгаузом, кухней и офицерским отделением». До 1866 г. в Бресте никаких «казенных зданий или к найму частных собственных помещений в казарменном виде для войск» не было[46].

Подобным образом городовой магистрат Гродно пришел к заключению о том, что «с сооружением квартиры для гарнизонного батальона предоставится возможность обратить натуральную постойную повинность по городу в денежную (имеется в виду сбор средств на строительство. – *А. А.*) для облегчения жителей и поощрения их к застройке города, а также приведения домов в лучшее состояние»[47]. Промышленники и ремесленники города, «имея в виду общественную пользу строительства казарм, объявили самые умеренные цены, по которым согласились поставлять для сооружения казарм материалы и рабочих»[48]. Император распорядился начать работы по возведению «огромного каменного трехэтажного здания с флигелями и разными надворными постройками для местного гарнизонного батальона»[49]. К строительству приступили получившие подряд на работы от губернской администрации владелец кирпичного завода из Вильно купец второй гильдии Б. Рындзюнский и владелец кирпичного завода из Гродно купец М. Соболь. Строили казармы как специально «выписанные» подрядчиками из внутренних губерний империи мастера строительного дела, так и местные жители, копавшие рвы под фундамент, доставлявшие необходимые материалы к месту строительства, а также выполнявшие различные подсобные работы[50].

С 1859 по 1860 г. подрядчиком (купец Н. Гранат) за 8200 руб. капитально отремонтированы казармы Могилёвского гарнизонного батальона (в том числе исправлен колодец и вымощен обнесенный забором внутренний двор, сложены шесть новых печей во флигеле и еще четыре отремонтированы в казарме)[51]. Существование в 1884 г. городских казарм в Могилёве подтверждает его губернатор А. С. Дембовецкий, который упоминает о принадлежавших муниципалитету каменных казармах, расположенных на ул. Виленской[52]. По данным могилёвского губернатора, после пожара в 1871 г. в собственность города было передано здание бывшего манежа 1-й армии (построено в 1823 г.), где после ремонта планировалось разместить один из полков местного гарнизона[53].

Летом 1864 г. были отремонтированы печи в четырех офицерских флигелях минского гарнизонного батальона. Указанные в архивных документах[54] номера офицерских флигелей (№ 5, 10, 15, 16) свидетельствовали о существовании в Минске казарменного комплекса, специально построенного для расквартирования гарнизонного батальона[55]. Летом этого же года вокруг казарм «на месте совершенно разрушенного по гнилости забора» была возведена новая решетчатая ограда[56]. Весной 1869 г. в учреждениях Минской губернии (присутствии о земских повинностях и губернском правлении) обсуждался проект «постройки 39 домиков для нижних чинов инвалидной команды в Бобруйске»[57].

От предложения Д. А. Милютина о строительстве казарм за счет средств гражданского населения «Кобринское городское общество по бедности отказалось». Население Волковыска также решило, что «постройка казарм обойдется слишком дорого, и поэтому войска лучше размещать как прежде – по отводу квартир натурою». Подобным образом сход казенных крестьян Александровского сельского общества Высоко-Литовской волости «мимо сильных желаний примениться к столь благому делу, изыскиваемому правительством в целях облегчения жителей освобождением от постойной повинности, нашел себя в совершенной невозможности»[58].

Изучение и анализ источников, отражающих процессы строительства казарм в начале 1860-х гг. (сбор средств, подготовка, организация и ход работ), свидетельствуют об отсутствии какого бы то ни было контроля и участия институтов военного министерства и войск как в подготовке к строительству, так и в самих работах. Организацией кампании по сбору денег, обсуждением возможных вариантов покупки готовых зданий, составлением первоначального плана построек и подготовкой смет

---

[46] НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 136. Л. 50.
[47] Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1311. Л. 48.
[48] Там же. Д. 247. Л. 17.
[49] Там же. Л. 53.
[50] НИАБ в г. Гродно. Ф. 8. Оп. 1. Д. 378. Л. 122 ; Там же. Д. 379. Л. 43.
[51] НИАБ. Ф. 2224. Оп. 1. Д. 522. Л. 149–150 об.
[52] *Дембовецкий А. С.* Опыт описания Могилёвской губернии: Дворянская улица // Информационный портал Могилёва [Электронный ресурс]. URL: http://podmog.ru/mogilev/45-opyt-opisaniya-mogilevskoy-guberni-dvoryanskaya-ulica-1884-g.html (дата обращения: 07.04.2019).
[53] *Дембовецкий А. С.* Опыт описания Могилёвской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношении : в 3 т. Могилёв-на-Днепре : Тип. Губ. правления, 1884. Т. 2. С. 7.
[54] НИАБ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 133. Л. 8.
[55] Там же.
[56] Там же. Д. 190. Л. 4–5.
[57] Там же. Ф. 299. Оп. 5. Д. 362. Л. 1.
[58] НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 136. Л. 34–40 об.

занимались исключительно местные гражданские чиновники (губернаторы, архитекторы, органы городского самоуправления). Очевидно, что никаких военно-стратегических целей при выборе мест для строительства казарм гражданские власти не преследовали и самостоятельно создавали проект и определяли масштабы казарменных строений, переходивших в муниципальную собственность.

Помимо сбора средств на казарменное строительство и аренду помещений для казарменного размещения войск, домохозяевам разрешалось для освобождения от постоя арендовать помещения в соседних домах[59]. Как указывает П. О. Бобровский, в Гродненской губернии «почти каждый из них старался избавиться от постоя посредством уплаты постояльцу ничтожной суммы для найма другой квартиры»[60], при этом «зажиточные домовладельцы, идя на "сплату", обыкновенно норовили "сплатить" как можно меньше. Начинался торг. Один думал обойтись безделицей, другой рассчитывал получить столько, чтобы можно было нанять квартиру, ничего не приплачивая из своего кармана. Но так как предложенных денег зачастую было недостаточно для аренды приличной квартиры, то офицеры были вынуждены доплачивать за аренду из собственного кармана»[61]. По данным правительственной комиссии для улучшения системы податей и пошлин, к началу 1860-х гг. «в большинстве городов, где постойная повинность отбывалась натурой, значительная часть офицерских квартир по добровольным сношениям арендовалась»[62]. Можно сказать, что «причиною этого было то, что, во-первых, отвод офицерских квартир, требовавших простора и удобств, весьма обременял хозяев, в особенности при капризах и прихотях, не редких между этого рода постояльцами; во-вторых, при незначительном числе больших домов в городах иногда и невозможно было отвести штаб-офицерскую или генеральскую квартиру, не заняв почти всего дома; в-третьих, многие из домовладельцев были людьми зажиточными, а потому неохотно принимали офицеров. Такие домовладельцы готовы были платить хоть двойную цену постояльцу, лишь бы он нанимал себе вольную квартиру. При этом квартирные комиссии соединяли обыкновенно для большой офицерской квартиры двух, трех или четырех домохозяев и предоставляли им право по соглашению с постояльцем выдавать помесячно необходимую сумму на наем»[63].

В частности, в Гродно за счет средств, собранных в 1866 г. квартирной комиссией, арендовались одна генеральская и несколько штаб- и обер-офицерских квартир[64]. Контракт с «гродненской обывательницей Р. Соболевой на аренду в ее доме при Замковой улице за 360 руб. в год квартиры для генералов, состоявшей из шести прилично омеблированных комнат с прихожей, особой людской, кухней, сараем и конюшней» был заключен от лица квартирной комиссии. Для расположения квартировавших в городе штаб-офицеров на ул. Иерусалимской у обывателя Г. Шухардта был арендован дом, состоявший из «трех прилично омеблированных комнат с прихожей, особой людской, кухней, сараем и конюшней». Уборку арендуемых квартир хозяева брали на себя[65].

Несостоятельность подобных механизмов квартирного довольствия войск заключалась в том, что в сборе средств на аренду необходимых войскам помещений участвовало лишь население местности, где непосредственно сосредоточены армейские подразделения, когда содержание и удовлетворение нужд и потребностей армии должны быть обязанностью всего населения государства. Это, в частности, признавали и в Департаменте государственной экономии Государственного совета: «Нет никаких оснований допускать, чтобы переложение натуральной постойной повинности падало исключительно на средства тех обывателей, где войска квартируют; ибо предоставление войскам необходимых для их жилья помещений есть повинность общегосударственная, и, следовательно, в отправлении ее деньгами должны участвовать все обыватели империи. Отсюда совершенная несостоятельность закона, предоставляющего обывателям только право отбывать постойную повинность деньгами, в случае если сами пожелают, и необходимость заменить это право обязательством, одинаковым для всех обывателей империи»[66].

Подготовка и вступление в силу Положения о преобразовании воинской квартирной повинности. Местные реформы квартирной повинности, хотя и придавали ей в сравнении с натуральным постоем более прогрессивную форму сбора квартирных денег, полностью натуральный постой не ликвидировали. Для некоторой части горожан дополнительный денежный сбор оказался непосильной ношей, вынуждавшей из-за недостатка денежных средств отбывать постойную повинность натурой. Проведение реформ главным образом

[59]Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 588.
[60]*Бобровский П. О.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния : в 2 т. СПб. : Тип. Деп. Ген. штаба, 1863. Т. 2. С. 787.
[61]Офицерские квартиры (дополнение к одной из прежних статей) // Воен. сб. 1864. № 4. 349 с.
[62]Сведения о существующем порядке… С. 20.
[63]Там же. С. 19–20
[64]НИАБ в г. Гродно. Ф. 2. Оп. 38. Д. 650. Л. 905.
[65]Там же. Л. 905–906.
[66]РГИА. Ф. 573. Оп. 6. Д. 7611. Л. 1–2 об.

помогало собственникам крупного недвижимого имущества откупиться от постоя небольшой суммой от общей стоимости имущества, чтобы впоследствии за счет собранных остальными горожанами квартирных денег сдавать в аренду освободившиеся помещения военным чинам и различным воинским заведениям. С переходом к практике стационарного расположения войск на территории крупнейших городов их населению на покрытие всех расходов по квартирному довольствию войск потребовалось бы ежегодно тратить большую часть своих доходов. К тому же в 1960-х гг. активная работа правительства над проектом, касающимся воинской квартирной повинности, свидетельствовала о том, что в скором времени постойную повинность должно было сменить более современное общеимперское налоговое законодательство, что в конечном итоге отправило на полки губернских архивов все старые местные положения и обессмыслило тем самым многолетние усилия их составителей.

По подсчетам комиссии военного министерства о преобразовании квартирной повинности, на аренду необходимых войскам помещений в Виленском военном округе в 1870 г. потребовалось бы 1 050 000 руб.[67] Сбор этой суммы грозил населению разорением. Единственным выходом из сложившейся ситуации было привлечение государственных средств, собранных путем равномерной раскладки со всей империи. По мнению В. М. Аничкова, «решение данного вопроса заключалось в полном и окончательном уравнении постойной повинности в виде денежного налога, равномерно распределенного на все податные сословия государства»[68].

Пытаясь облегчить экономическое положение гражданского населения, а также наладить обеспечение войск казарменными помещениями, российское правительство было вынуждено утвердить 8 июня 1874 г. Положение о преобразовании воинской квартирной повинности (далее – Положение), которое официально запрещало безвозмездное использование имущества и финансовых средств гражданского населения для нужд армии. С этого времени «расходы, производящиеся из общих городских доходов на квартирные потребности войск, в том числе на содержание казарм, комендантских управлений, гауптвахт, крепостных казарменных зданий» государственное казначейство принимало на свой счет[69].

Прекращались «все квартирные сборы, взимаемые особоутвержденными положениями», были упразднены городские квартирные комиссии[70]. Согласно указу Сената обязанности по организации квартирного довольствия войск в городах с 1 января 1875 г. были возложены на городские думы и управы, которые для этих целей получали денежное пособие, расходовавшееся муниципалитетами на аренду необходимых войскам помещений[71].

Роль органов местного самоуправления и денежных средств населения в обеспечении войск квартирным довольствием после реформы 1874 г. Вместо упраздненных квартирных комиссий из состава общественных управлений (городских дум и управ) создавались специальные исполнительные комиссии, обеспечивавшие войска квартирным довольствием (рис. 2). В частности, после передачи возложенных на минскую квартирную комиссию обязанностей местной городской думе члены последней в 1874 г. пришли к выводу о том, что «это чрезвычайно увеличит занятия по думе, для чего следует учредить особый совет по воинской квартирной повинности»[72]. Подобным образом в Гродно в мае 1887 г. «собрание в составе 26 гласных слушало предложение городского головы о том, что ввиду предстоящего окончания срока в контрактах на наем помещений для квартирующих войск предстоит необходимость приискания удобных помещений на возможно выгодных для города условиях и исполнение сего было бы возможно возложить на особую исполнительную комиссию, под личным его председательством»[73]. В Инструкции о квартирном довольствии войск в качестве основополагающего принципа было объявлено: «Если казенных казарм в данном пункте нет или если они несвободны, то войска расквартировываются местным гражданским начальством, к которому в этих случаях и должны обращаться начальники войсковых частей, отнюдь не распоряжаясь сами расквартированием»[74]. Органы местного самоуправления могли передавать войскам (по требованию последних) право самостоятельно заниматься поиском и арендой необходимых помещений[75]. Однако, приняв на себя эту обязанность, командиры армейских подразделений не могли от нее отказаться без согласия муниципальных чиновников, а помещения, уже арендованные к тому времени гражданскими властями,

[67] РГИА. Ф. 573. Оп. 6. Д. 7611. Л. 211–213.
[68] *Аничков В. М.* Военное хозяйство: сравнительное исследование положения законодательств России, Франции, Пруссии, Австрии, Сардинии, Бельгии и Баварии. СПб. : Тип. Н. Деноткина, 1862. С. 234.
[69] НИАБ в г. Гродно. Ф. 23. Оп. 1. Д. 294. Л. 34.
[70] Там же.
[71] НИАБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 132. Л. 1–1 об.
[72] Там же. Л. 8.
[73] НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 17. Д. 1058. Л. 48.
[74] *Езерский С. И.* Квартирное довольствие войск по новейшим законоположениям. СПб. : Тип. Березовского, 1894. С. 4.
[75] НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 16. Д. 760. Л. 101.

должны были безоговорочно использоваться войсками с соблюдением всех условий контрактов[76].

Все города империи были разделены на пять разрядов в зависимости от местных цен на аренду недвижимости. Так, Вильно, Витебск и Могилёв попали во второй разряд, Гродно – в третий, Бобруйск, Брест-Литовск, Белосток, Динабург, Минск и Полоцк – в четвертый, все остальные города, находившиеся на территории белорусских губерний, были отнесены к пятому разряду. За каждого рядового, расквартированного в Виленской губернии, органы местного самоуправления должны были получать по 7 руб. в год, в Витебской и Гродненской – по 6 руб., в Могилёвской и Минской – по 5,5 руб.[77] Вместе с тем «годовой квартирный оклад состоял из оклада для штабных заведений (вознаграждения за наем помещений, их отопление и освещение), а также окладов для нижних чинов (вознаграждения за наем помещения, платы за их отопление и освещение, а также топливо, использовавшееся для варки пищи и хлебопечения)»[78]. К примеру, за расположение батальона пехотного полка в Витебской губернии муниципалитеты должны были получить около 3390 руб. в год. «Суммы на расходы по квартирному довольствию войск передавались окружными интендантскими управлениями в распоряжение губернских распорядительных комитетов, которые получали квартирные оклады для частей войск, воинских управлений и заведений, располагаемых в районах (подчиненной им. – *А. А.*) губернии»[79].

Со вступлением в силу Положения государственное казначейство по-прежнему было не в состоянии самостоятельно решить проблему казарменного строительства, а ответственность за это возлагало на органы местного самоуправления и предлагало им самостоятельно построить казармы, чтобы потом ежегодно получать квартирные оклады на расквартированных в них нижних чинов. Так, из ст. 16 утвержденного Положения следовало, что «обязанность устраивать для войск казарменные помещения предоставляется городским учреждениям»[80]. В частности, в марте 1875 г. вопрос о постройке казарм для местных команд в Гомеле, Орше, Черикове и Горках поднял могилёвский губернатор А. С. Дембовецкий (к чему приложил проект деревянной казармы для уездной команды на 100 человек)[81], при этом он пообещал, что муниципалитеты, построившие казармы, будут ежегодно получать причитающиеся расквартированным в них частям квартирные оклады. По данному проекту были возведены казармы для местных команд в Рогачеве, Климовичах, Мстиславле, Сенно и Быхове[82].

Таким образом, правительство, которое приняло на себя все расходы по квартирному довольствию личного состава войск, все заботы, связанные с поиском подходящих для этих целей казарменных, штабных и хозяйственных помещений, вменяло в обязанности гражданских органов местного самоуправления. Городские думы и управы в любых обстоятельствах, в том числе в условиях отсутствия лиц, желавших отдать помещения в аренду, должны были обеспечить квартирным довольствием весь состав армейских подразделений. В частности, «на основании закона о преобразовании воинской квартирной повинности городские общественные управления при передаче им средств, причитающихся на квартирное довольствие войск, обязаны помещения для штабов, а также воинских управлений и заведений нанять или предоставить таковые в общественных зданиях, а квартиры нижним чинам нанять или отвести натурой с выдачей при таком отводе домохозяевам вознаграждения в виде определенных для той местности окладов»[83]. К примеру, в Горках в 1874 г. за расквартирование четырех рот Углицкого полка в частных домах горожанам платили по 35 коп. в год за одного солдата[84].

Со вступлением в силу Положения проблемой стала нехватка суммы выделяемого казной пособия на квартирное довольствие войск. Еще в 1874 г. могилёвские чиновники в присутствии о земских повинностях задумывались о том, «хватит ли исчисленной интендантством суммы в 78 333 руб. на губернию для аренды воинских помещений»[85]. По замечанию Департамента окладных сборов от 20 декабря 1876 г., «передаваемые городам и определенные Положением 1874 г. квартирные оклады, имея своим назначением вознаграждение их за отводимые для войск помещения, действительно в некоторых местностях оказываются недостаточными для оплаты действительного расхода городов на этот предмет. Через что войска терпят различные неудобства и стеснения»[86].

[76]НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 16. Д. 760. Л. 101.
[77]Положение о преобразовании воинской квартирной повинности, высочайшее утвержденное 8 (20) июня 1874 г. и дополненное всеми состоявшимися после того постановлениями и разъяснениями по 1 января 1878 года. СПб. : Гл. штаб, 1879. С. 69–76.
[78]НИАБ в г. Гродно. Ф. 23. Оп. 1. Д. 294. Л. 359.
[79]НИАБ в г. Гродно. Ф. 23. Оп. 1. Д. 294. Л. 183.
[80]Положение о преобразовании воинской квартирной повинности… С. 62.
[81]НИАБ. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 132. Л. 6–7.
[82]Там же. Л. 9.
[83]НИАБ в г. Гродно. Ф. 23. Оп. 1. Д. 294. Л. 54.
[84]НИАБ. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.
[85]Там же. Л. 3 об.
[86]НИАБ в г. Гродно. Ф. 23. Оп. 1. Д. 294. Л. 64.

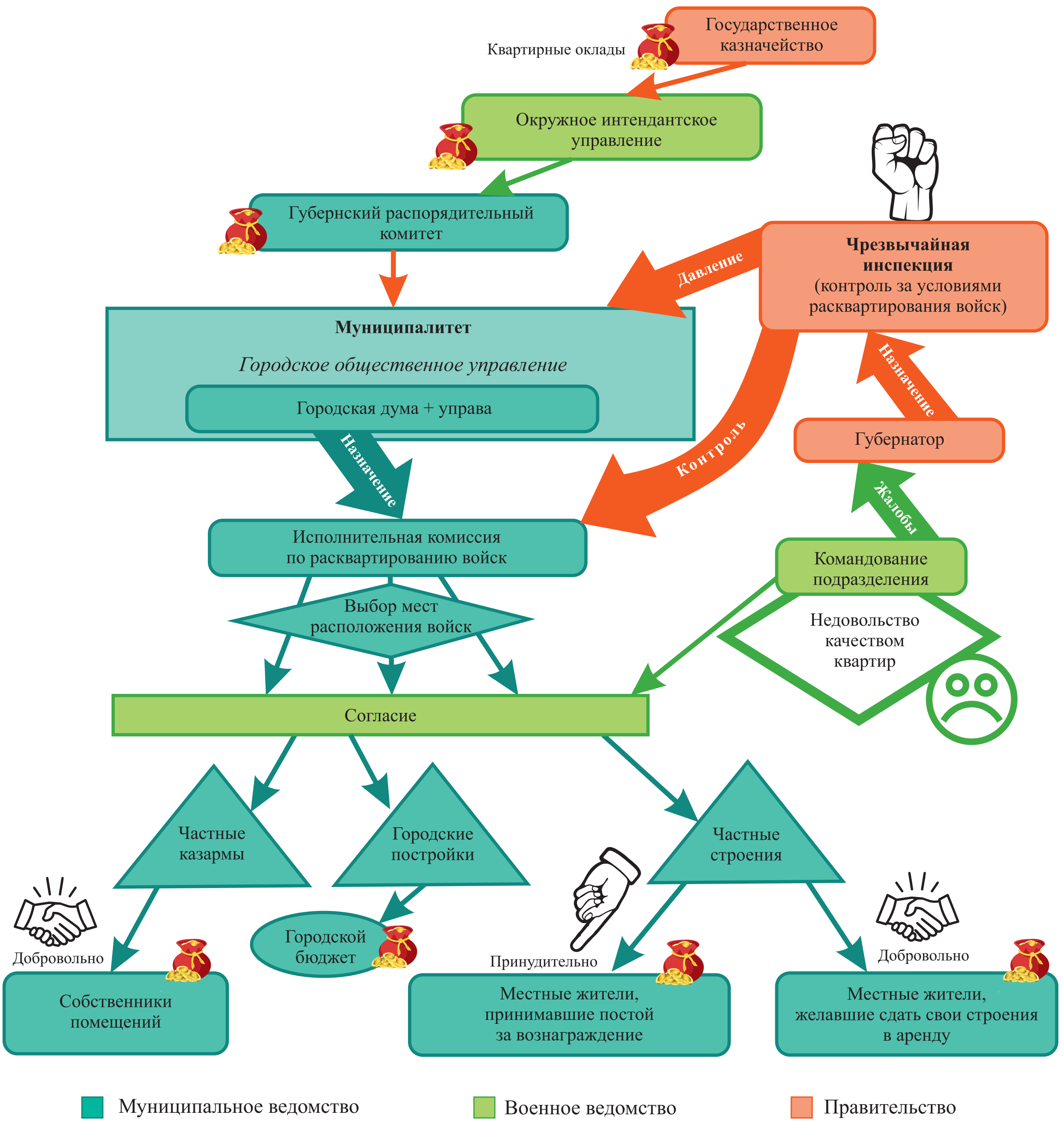


Рис. 2. Схема организации квартирного довольствия войск за счет средств государственных квартирных окладов после реформы 1874 г.
Fig. 2. Scheme of the organisation of housing allowances for troops at the expense of state housing salaries after the reform of 1874

В соответствии с Положением продолжали взиматься дополнительные денежные сборы с домовладельцев в Вильно (50 000 руб.), в Витебске (11 700 руб.), Могилёве (11 300 руб.), Гродно (10 400 руб.), Брест-Литовске (7500 руб.), Белостоке (7000 руб.), Лиде (800 руб.), Ошмянах (400 руб.), Вилейке (200 руб.)[87]. В Минске войскам безвозмездно отводились помещения, потенциальная арендная стоимость которых ежегодно могла бы составлять 53 779 руб.[88] К середине 1890-х гг. Витебск из собственного бюджета израсходовал на одни только воинские помещения, нанятые в частных зданиях, около 70 000 руб.[89] Доплата к государственным квартирным окладам муниципалитетов Гродненской губернии в 1902 г., по данным губернского статистического комитета, составила 49 667 руб.[90] Всего

[87]Положение о преобразовании воинской квартирной повинности… С. 91–93.
[88]НИАБ. Ф. 314. Оп. 1. Д. 655. Л. 1 об.
[89]Там же. Ф. 2496. Оп. 1. Д. 2630. Л. 30–30 об.
[90]Обзор Гродненской губернии за 1902 г. / Гродн. губ. стат. ком. Гродно : Губ. тип., 1903. С. 45.

же на аренду необходимых войскам помещений в Гродненской губернии к 1900 г. было израсходовано 310 000 руб.[91]

Согласно Положению организация квартирного довольствия военнослужащих оставалась обязанностью муниципалитетов. Некоторые офицеры, не сумевшие самостоятельно арендовать жилье, обращались к гражданским властям с требованиями о содействии им в поиске необходимой квартиры. Так, в 1880 г. начальник артиллерии 4-го армейского корпуса и офицеры вверенного ему управления обратились за помощью в поиске жилья в Минскую городскую управу, в результате указавшую «на такие квартиры, которые по личному осмотру генерала никак не могли служить помещением для офицера»[92]. Из-за высоких цен на аренду жилья в Минске многие генералы, штаб- и обер-офицеры требовали от городской управы также прибавки к собственным квартирным окладам, в чем им от имени городского головы было отказано[93].

Бобруйск ежегодно доплачивал офицерам денежную сумму, составлявшую 50 % их квартирных окладов. Из-за пожара, случившегося 6 октября 1901 г., цены на квартиры там удвоились, и в связи с этим «ежегодные приплаты города по найму помещений для офицеров и нижних чинов местного гарнизона возросли до 15 000 руб. в год»[94]. В сложившихся обстоятельствах большая часть городского бюджета расходовалась на аренду необходимых войскам помещений, что заставило Бобруйскую городскую управу требовать повышения казенных квартирных окладов для офицеров на 100 %[95]. По данным минского городского головы, с 1898 по 1901 г. Минск ежегодно доплачивал к офицерским квартирным окладам по 12 000 руб.[96] С переводом Углицкого пехотного полка в 1882 г. из Витебска в Пинск местная городская управа из-за высоких цен на аренду жилья также просила минского губернатора разрешить ей взимать с жителей города дополнительный денежный сбор[97].

Доплаты муниципалитетов к государственным квартирным окладам, а также роль органов местного самоуправления в квартирном довольствии войск не дают основания связывать принятое 8 июня 1874 г. Положение с отменой воинской квартирной повинности. Согласно данному Положению, «если забота о правильном требовании и своевременном получении войсками квартирного довольствия лежала на обязанности штабов, военных управлений и начальников отдельных воинских частей, то принятие мер к обеспечению войск самим квартирным довольствием составляло обязанность учреждений гражданского ведомства – губернских и уездных распорядительных комитетов и общественных управлений – городских управ, волостных и сельских правлений»[98].

В то же время с развитием городской инфраструктуры и появлением достаточного резерва свободных зданий, принадлежавших муниципалитетам (так называемые городские общественные здания), постойная повинность все чаще принимала форму безвозмездной аренды. Доплаты городов к квартирным окладам также все чаще стали выражать лишь возможную арендную стоимость безвозмездно занимаемых войсками помещений (5 % рыночной стоимости здания плюс 4 % стоимости земли), т. е. носить весьма условный характер[99]. К тому же, как следует из послания могилёвскому губернатору, «квартирные оклады следовало отпускать в общественные управления, не требуя при этом никаких обеспечений (а фактически без гарантий. – *А. А.*), безразлично, будут ли заниматься общественными управлениями здания без контрактов или по контрактам»[100]. Так, в 1895 г. Минская городская управа, не получив денег за расквартирование нижних чинов 30-й артиллерийской бригады, выставила последних на улицу, несмотря на возмущения командира[101]. В этом отношении показателен факт взимания Минской городской управой денег с местного губернского батальона за пользование водой из городского водопровода. Зимой 1878 г. городская управа и вовсе прекратила поставку воды батальону (отпускала лишь по две бочки в день), обосновав это тем, что командование батальона уплатило лишь часть общей стоимости использованной воды[102].

Наиболее полно тактику органов местного управления и самоуправления в отношении квартирного довольствия войск может представить послание делопроизводителя Киевской городской управы, который, зная все несовершенства нормативной базы, соглашался за символическую плату

[91]НИАБ в г. Гродно. Ф. 13. Оп. 1. Д. 178. Л. 152 об. – 153.
[92]НИАБ. Ф. 314. Оп. 1. Д. 90. Л. 10.
[93]Там же. Л. 20–20 об.
[94]Там же. Д. 628. Л. 16.
[95]НИАБ. Ф. 314. Оп. 1. Д. 628. Л. 16.
[96]Там же. Д. 655. Л. 1.
[97]РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 736. Л. 1.
[98]Положение о преобразовании воинской постойной повинности, высочайше утвержденное 8 (20) июня 1874 г. СПб. : Тип. Гл. штаба, 1875. С. 6.
[99]НИАБ в г. Гродно. Ф. 8. Оп. 2. Д. 1507. Л. 5.
[100]НИАБ. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 1. Л. 100 об.
[101]Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2737. Л. 65–65 об.
[102]Там же. Д. 327. Л. 36–37.

(5 руб.) разобраться в запутанных сметах белорусских городов и значительно понизить их расходы (по свидетельству делопроизводителя, подобным образом к тому времени ему уже удалось отстоять 83 000 руб.). Делопроизводитель заметил, что «многие городские управы, упустив из вида тот или другой закон или разъяснение, получали квартирные оклады в меньшей сумме, чем надлежало, и несли лишние расходы»[103]. Главной причиной упомянутых трудностей он считал существование «массы разъяснений (т. е. громоздкость постойного законодательства. – *А. А.*), представляющих обширный материал, иногда не совсем разработанный, умение пользоваться которым давалось лишь продолжительной практикой. <...> Правда, были частные издания, собиравшие различные разъяснения по квартирному довольствию войск, но и при наличии этих изданий ошибки тем не менее существовали»[104]. Предложение киевского чиновника, а также существование многочисленных авторских сборников, разъяснявших нормы квартирного довольствия (таких как «Перечень всех законоположений по квартирному довольствию войск» поручика К. Фительберга или «Полный сборник законов с разъяснениями по квартирному довольствию войск» Н. Маскевича, который распорядительный комитет настоятельно рекомендовал приобрести городам Минской губернии), свидетельствуют о том, что новое Положение не могло эффективно обеспечивать процессы квартирного довольствия войск, заставляя правительство ежегодно разрабатывать большое количество «узаконений» и «дополнений», объем которых в несколько раз превышал базовые уложения[105].

Выводы

Таким образом, до середины 1870-х гг. сбор денежных средств с гражданского населения выступал основным источником обеспечения войск необходимыми штабными и хозяйственными помещениями (в редких случаях – солдатскими казармами), а также одним из главных источников квартирного довольствия офицеров на протяжении всего исследуемого периода. На белорусских землях этот сбор принимал три основные формы: 1) обязательный сбор для всего населения, средства от которого расходовались на аренду необходимых войскам штабных и хозяйственных помещений (нежилых); 2) добровольный сбор, в котором участвовали только те жители, которые не желали принимать в своих домах военнослужащих по постойной повинности (средства от него расходовались на аренду казарменных помещений и офицерских квартир); 3) передача в частном порядке отдельными домохозяевами денег военнослужащим, направленным на постой в их дома, за освобождение от него. Всего населению белорусских городов и местечек до середины 1870-х гг. ежегодно приходилось собирать около 170 000 руб., расходовавшихся на аренду необходимых войскам помещений. При этом города, расположенные во внутренних районах Российской империи, фактически были освобождены от этой повинности.

Сбор денежных средств с гражданского населения до середины 1870-х гг. выступал также в качестве единственного источника финансирования казарменного строительства в Гродно, Бресте, Минске, Могилёве и ряде уездных городов. На основании изученных фактов, касающихся строительства казарм в данный период (сбор средств, подготовка, организация и ход работ), можно сделать вывод об отсутствии какого бы то ни было контроля и участия в этом процессе армейских структур.

Летом 1874 г. после длительной подготовки проекта было принято и 1 января 1875 г. вступило в силу Положение, которое отменяло сбор квартирных денег и переводило аренду необходимых войскам помещений на счет государственного казначейства. Однако нехватка финансовых средств, выделяемых государственным казначейством, а также рост стоимости аренды недвижимости заставляли многие белорусские города (Минск, Бобруйск, Витебск, Гродно и др.) и после принятия названного Положения продолжать сборы денежных средств с гражданского населения для обеспечения войск квартирным довольствием, что противоречило основополагающим принципам указанного документа.

Роль органов местного самоуправления как главного организатора квартирного довольствия войск на местах и доплаты из муниципальных бюджетов свидетельствуют о том, что пореформенное законодательство не отказалось от основополагающего принципа петровской системы квартирного довольствия войск, рассматривавшей последнее как одну из обязанностей территориальных общин.

Как свидетельствуют приведенные выше факты, объем денежных средств, собираемых населением городов и местечек на аренду армейских штабов, лазаретов, складских помещений, офицерских квартир, а также на аренду и строительство солдатских

[103]НИАБ в г. Гродно. Ф. 492. Оп. 1. Д. 25. Л. 226–227 об.
[104]Там же.
[105]*Маскевич Н.* Полный сборник законов с разъяснениями по квартирному довольствию войск. Пг. : Тип. Б. Д. Брукера, 1916. 748 с. ; *Фительберг К.* Перечень всех законоположений по квартирному довольствию войск. Юрьев : Тип. Шнакенбурга, 1904. 654 с.

казарм, был сопоставим с совокупными доходами магистратов, тем самым лишая их необходимого резерва для сбережения и развития коммунального хозяйства и инфраструктуры. На этом основании сбор квартирных денег можно считать одним из ключевых экономических факторов, определявших специфику развития белорусского города в период модернизации.

Библиографические ссылки

1. Арлукевич АБ. Военный постой и постойная повинность в Беларуси (середина 1850-х – середина 1870-х гг.). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2021;1:36–58. DOI: 10.33581/2520-6338-2021-1-36-58.
2. Лапин ВВ. Постойная повинность в России. В: Шепелев ЛЕ, редактор. *Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов*. Санкт-Петербург: Лики России; 2000. с. 135–164.

References

1. Arlukevich AB. Cantonment of troops and housing service in Belarus (mid 1850s – mid 1870s). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;1:36–58. Russian. DOI: 10.33581/2520-6338-2021-1-36-58.
2. Lapin VV. [Permanent service in Russia]. In: Shepelev LE, editor. *Angliiskaya naberezhnaya, 4. Ezhegodnik Sankt-Peterburgskogo nauchnogo obshchestva istorikov i arkhivistov* [4 English Embankment. Yearbook of the Saint Petersburg scientific society of historians and archivists]. Saint Petersburg: Liki Rossii; 2000. p. 135–164. Russian.

Статья поступила в редколлегию 03.02.2021.
Received by editorial board 03.02.2021.

УДК 94(477)«171/178»

МЕЩАНЕ И КРЕСТЬЯНЕ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СТАРОДУБСКОГО ПОЛКА (1654–1781)

Е. В. ХРОЛЕНОК[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Представлено социальное положение посполитых – мещан и крестьян Стародубского полка. Отражены процессы установления городского самоуправления в Стародубе, образования мещанской элиты и последующего ее слияния с привилегированным казачьим сословием. Описано социальное положение сельских жителей Стародубского полка. Указаны характерные отличия пограничного белорусско-российско-украинского региона от других земель, входивших в состав Российской империи.

Ключевые слова: Стародуб; мещане; крестьяне; посполитые; Гетманщина; Стародубский полк; социальная эволюция.

МЯШЧАНЕ І СЯЛЯНЕ Ў САЦЫЯЛЬНАЙ СТРУКТУРЫ СТАРАДУБСКАГА ПАЛКА (1654–1781)

Я. В. ХРАЛЯНОК[1*]

[1*]*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Прадстаўлена сацыяльнае становішча паспалітых – мяшчан і сялян Старадубскага палка. Адлюстраваны працэсы ўстанаўлення гарадскога самакіравання ў Старадубе, утварэння мяшчанскай эліты і наступнага яе зліцця з прывілеяваным казачым саслоўем. Акрэслена сацыяльнае становішча сельскіх жыхароў Старадубскага палка. Адзначаны характэрныя адрозненні пагранічнага беларуска-расійска-ўкраінскага рэгіёну ад іншых зямель, якія ўваходзілі ў склад Расійскай імперыі.

Ключавыя словы: Старадуб; мяшчане; сяляне; паспалітыя; Гетманшчына; Старадубскі полк; сацыяльная эвалюцыя.

TOWNSPEOPLE AND PEASANTS IN SOCIAL STRUCTURE STARODUB REGIMENT (1654–1781)

E. V. KHROLENOK[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The territory of the Starodub regiment is unique in historical terms. Being the center of the region of the Grand Duchy of Lithuania, it was one of its lands able to gain a foothold in the Getman Ukraine. At the same time, Starodubshchina is now the only part of the Hetman region that is part of the Russian Federation. Thus, the region has incorporated traditions, culture

Образец цитирования:
Хроленок ЕВ. Мещане и крестьяне в социальной структуре Стародубского полка (1654–1781). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2021; 3:71–79.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-71-79

For citation:
Khrolenok EV. Townspeople and peasants in social structure Starodub regiment (1654–1781). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;3:71–79. Russian.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-71-79

Автор:
Евгений Валерьевич Хроленок – соискатель кафедры истории России исторического факультета.

Author:
Evgeniy V. Khrolenok, competitor at the department of Russian history, faculty of history.
khrol83@gmail.com

and legal customs of all three states, on the border of which it is now located. Despite the considerable interest in the history of the Starodub regiment as a whole, the social history of ordinary rural and urban residents remains poorly understood. The aim of this work is an attempt to illuminate the social situation of the pospolits: townspeople and peasants of the Starodubsky regiment from the moment the Cossack administration was established in the region in 1654 until the population of the region was subordinated to general imperial Russian standards. And also to reveal the characteristic differences of this region. The article was created on the basis of the analysis of various, including little-studied documents stored in the archives of Belarus, Ukraine and Russia, as well as the works of Russian and Ukrainian scientists. The process of establishing city self-government in Starodub and the formation in its midst of a unique elite – noble bourgeois is shown. Many representatives of this social group went through the process of evolution from urban dwellers to Cossack foreman and the subsequent Russian nobility over the indicated period. In addition, the social status of rural residents of the Starodub regiment is described. Which with the establishment of the Cossack administration received personal freedom, but by the end of the 18th century completely lost her. The examples of residents of specific settlements show the methods that the peasants resorted to trying to avoid dependence on large landowners, as well as the process of distinguishing between the pospolits and the Cossack class. At the same time, emphasis was placed on the characteristic differences in the social status of urban and rural residents of the Starodub regiment from other lands that were part of the Russian Empire. The totality of the facts revealed in this way reinforces the main thesis about the complexity and versatility of this Belarusian-Russian-Ukrainian region.

Keywords: Starodub; townspeople; peasants; pospolits; Hetmanate; Starodub regiment; social evolution.

Социальная история является востребованным направлением исследований. Большое внимание уделяется изучению истории Украины периода Гетманщины, в частности истории Стародубского полка. В условиях белорусско-украинско-российского пограничья сформировался самобытный регион. Специфика Стародубщины создает уникальный пласт для исследований. Полагаем, что история социального состава здешних жителей, уклада общественной жизни и взаимоотношений между сословиями в данном регионе выделяют его в хронологическом и пространственном разрезе. Сегодня значительная часть территории бывшего Стародубского полка находится в составе Российской Федерации. В соответствии с административно-территориальным делением бывший Стародубский полк занимает Красногорский, Новозыбковский, Злынковский, Гордеевский, Клинцовский, Климовский, Суражский, Унечский, Стародубский, Почепский и Погарский районы Брянской области Российской Федерации, Новгород-Северский район Черниговской области Украины и часть Ветковского района Гомельской области Республики Беларусь. Этот факт подчеркивает исторические особенности региона на фоне других областей современной Центральной России. Полагаем, что происходящие геополитические и региональные события заставляют все чаще обращаться к социальной истории таких пограничных регионов, как Стародубщина. Очевидно, что в прошлом можно найти истоки и причины актуальных контрверсийных социальных явлений. Надеемся, что изучение социального опыта позволит прогнозировать сложные процессы современности и проводить взвешенную социально-ориентированную политику. Также можно говорить об эвристической ценности исследований трансграничных регионов, так как на их примере можно увидеть модель будущего мультикультурного мира. Интересен и сам опыт гетманской Украины в ее локально-исторических проявлениях.

Целями данной работы являются выявление характерных отличий социального положения мещан и сельских жителей Стародубского полка, а также описание динамики взаимоотношений между указанными социальными группами. Перед нами стоят следующие задачи: проследить процесс формирования и развития мещанского сословия в Стародубе и связанного с ним крестьянского населения на протяжении всего периода его вхождения в состав земель Запорожского войска как центра одноименного полка – военно-административной единицы; описать инкорпорацию мещанского населения Стародуба в общую сословную структуру Российской империи во время имперских реформ, проводимых в Малороссии в период правления императрицы Екатерины II; обозначить характерные черты социального положения мещан Стародуба. Полагаем, что такой подход может иметь определенную научную новизну в изучении региональной и социальной истории пограничья, а также истории повседневности Гетманщины.

К теме податного населения Стародуба исследователи обращались в разное время. Особого внимания заслуживает работа А. М. Лазаревского, основная часть которой посвящена истории землевладения в регионе в дореволюционный период [1], а также изданные В. Л. Модзалевским актовые книги стародубского магистрата, дающие представление о повседневных взаимоотношениях жителей полка [2]. История городского населения Стародуба привлекала внимание и в советское время. Однако эти работы имеют идеологическую специфику, связанную с внутренней политикой государства [3]. В новейшей историографии следует отметить работу российского историка С. Н. Бирюкова, анализирующего положение мещан Стародуба в XVIII в.[1]

[1] *Бирюков С. Н.* Социально-экономическое развитие городов Стародубья в XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2014. 31 с.

Абсолютное же большинство исследований по социальной истории Стародубского полка принадлежат украинским ученым. Так, в этом ряду следует назвать таких авторов, как П. Пирог, описавший социально-экономическую жизнь Стародуба во второй половине XVII в. [4], И. Кривошея, показавший процесс слияния мещанской верхушки Стародуба с казацкой старшиной [5], И. Сердюк, проанализировавший демографическое положение городских жителей по данным Генеральной описи Малороссии 1767 г. [6], Ю. Волошин, исследовавший положение и демографию жителей раскольничьих слобод [7].

Источниковой базой настоящей работы являются документы из архивов Беларуси, России и Украины. Процесс зарождения мещанского сословия в Стародубе можно проследить по документам Литовской метрики, хранящимся в ф. КМФ-18 Национального исторического архива Беларуси (НИАБ). В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в ф. 124 «Малороссийские дела» и ф. 129 «Малороссийский приказ» также обнаружено значительное количество документов, затрагивающих различные аспекты социальной истории региона. Основной же массив источников по этой теме хранится в Центральном государственном историческом архиве Украины в Киеве (ф. 51 «Генеральная войсковая канцелярия», ф. 80 «Стародубская полковая канцелярия» и ф. 208 «Стародубский городовой магистрат»).

Впервые Стародуб упомянут в 1080 г. как уже достаточно укрепленный город. Впоследствии он входил в состав Черниговского и Брянского княжеств. С конца XIV в. стал центром одноименного княжества в ВКЛ, а с начала XVI в. – Московского государства, к тому моменту уже являясь значительным поселением. Так, во время Стародубской войны (1534–1537) город обороняло 15–20 тыс. человек [1, с. 141]. Тогда же его полностью уничтожили, однако вскоре он был отстроен и к концу XVI в. наряду с г. Почепом и г. Новгород-Северским занимал важное место в системе пограничных укреплений Московского государства. Пограничное положение города способствовало развитию торговли и, как следствие, росту экономического благосостояния. Кроме того, уже в начале XVII в. Стародуб являлся также местом сбора таможенных пошлин[2].

По условиям Деулинского перемирия 1618 г. между Речью Посполитой и Московским государством Стародуб вновь вошел в состав ВКЛ, став центром повета Смоленского воеводства. Вероятно, желание новых властей стимулировать экономический рост пограничного торгового города вылилось в предоставление Стародубу Магдебургского права королем Сигизмундом III в 1620 г. Среди прочего в грамоте для Стародубской ратуши было определено: «…доходы с комор, двор гостиный, баня, повинности с купеческих промыслов, мельницу и земли под Стародубом, и позволено в меских грунтах мостовое собирать» [1, с. 142]. Этой же грамотой в городе вводилось самоуправление. Позже такие же права получили г. Мглин, г. Погар и г. Почеп. В документах Литовской метрики существует привилей об утверждении войта в Стародубе уже новым королем Владиславом IV в 1633 г.[3] Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что к 1630-м гг. в городе уже был образован и полноценно функционировал магистрат. В него, по общему правилу, кроме войта входили бурмистры, райцы и лавники, избиравшиеся ежегодно. В руках магистрата находилась и судебная власть. Факт обретения самоуправления стал определяющим в истории Стародуба и положил начало зарождению городского сословия мещан, которое окончательно оформилось уже ко второй половине XVII в.

В 1654 г. в результате череды народных восстаний территория всего Стародубского повета вошла в состав Запорожского войска, образовав одноименный полк с центром в Стародубе. В это время происходило массовое показачивание населения. Жители городов также записывались в казаки. Во время приведения к присяге царю Алексею Михайловичу в феврале 1654 г. прибывшие из Москвы переписчики и вовсе не обнаружили в Стародубе мещан. Этот факт казацкая старшина объяснила тем, что «у них в городах и местечках мещан нет»[4]. Однако с окончанием народно-освободительной войны во главе с Богданом Хмельницким у стародубцев, вероятнее всего, отпала необходимость нахождения в казачьем сословии. Вскоре после Переяславской рады 1654 г. население стало возвращаться к прежнему образу жизни. Уже в 1656 г. есть сведения о наличии войта в Стародубе, которым стал Корней Молявка [1, с. 143], записанный в присяжных листах 1654 г. казаком[5].

После вхождения в состав земель Запорожского войска социальная система Стародубщины была представлена двумя сословиями: казаками, которые должны были нести воинскую службу, и посполитыми – крестьянами и мещанами, которые платили налоги и несли повинности. При этом и те и другие обладали личной свободой, что было нехарактерно для других регионов Московского государства. Казаки заменили в социальной иерархии шляхту и получили безусловное право на владение землей. Крестьяне

[2]Дозорная книга Стародуба-Северского за 1614 г. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Суздаль. Кн. 1. Л. 570 об.
[3]Королевские привилегии, пожалования и подтверждения разного рода сделок в Смоленском воеводстве за 1633–1641 гг. // НИАБ. Ф. КМФ-18. Оп. 1. Д. 108. Л. 13.
[4]Переписная книга Нежинского полка за 1654 г. // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1654. Д. 3. Л. 588.
[5]Там же. Л. 606.

же, в свою очередь, хоть и обладали личной свободой, но вынуждены были нести повинности в пользу собственника земли. Городское население также формально являлось частью посполитого сословия. На первоначальном этапе его правовое положение не отличалось от крестьянства: вплоть до середины XVIII в. источники фиксируют в отношении горожан использование термина «посполитые»[6]. Использование же такого понятия, как «мещане», не имело какой-либо системы. Так, в некоторых случаях мещанами называются все свободные жители города[7], в других – урядники магистрата и члены городских цехов[8], в третьих – термин распространяется лишь на городское правительство[9].

Процесс обособления мещан от других посполитых жителей впервые четко проявился в Генеральной описи Малороссии 1767 г., где они были указаны отдельным сословием [6, с. 176]. Но все же полагаем, что наиболее верным будет отождествлять с мещанами все свободное посполитое население городов Стародуба, Погара, Почепа, Мглина и Новгород-Северского (за исключением духовенства и иностранцев).

Кроме того, необходимо отметить, что сословие мещан в России на официальном уровне закрепилось лишь во второй половине XVIII в. во времена императрицы Екатерины II[10]. Таким образом, жители являвшегося частью Московского государства еще в начале XVII в. Стародуба, волею судьбы попав сначала в состав ВКЛ, а затем в гетманскую Украину, уже к середине XVII в. получили значительно бóльшие привилегии по сравнению с жителями других городов современной Центральной России.

Сохранились книги стародубского магистрата, датированные 1664 г. Сам факт их существования говорит об устоявшейся системе самоуправления в городе. Из их содержания известно, что в 1664 г. в Стародубе был войт, обладавший судебной властью как над горожанами, так и над жителями сел. Проживало значительное количество мещан, среди которых встречались купцы и ремесленники. Некоторые из числа последних имели более высокий социальный статус по сравнению с другими и вместе с войтом принимали участие в судебных заседаниях [1, с. 75, 92]. При рассмотрении дел, в которых участвовали казаки, заседание велось войтом совместно с казацким полковником либо лицом, его замещавшим. На протяжении исследуемого периода суды во время разрешения вопросов опирались на Статут ВКЛ 1588 г. и «Саксонское зерцало», несколько адаптированные к местным обычаям[11].

В ведении стародубского магистрата уже в начале 1660-х гг. находилось значительное количество сел, населенных лично свободными крестьянами. Они должны были нести повинности на пользу городской ратуши. Такие крестьяне получили название «волоское посполитство». Основной повинностью, возложенной на горожан и жителей ратушных сел, было содержание войска – сначала только местного, а затем и расквартированного на территории полка московского. Земли, находившиеся в ведении магистрата, делились на волости, управляемые волостными сотниками, в каждом населенном пункте был свой войт. Эти представители власти были ответственными за сбор «волоского побора», который направлялся на нужды войска и «на потребу расходов меских». Уже в 1664 г. суммы такого «побора» были собраны с семи волостей [1, с. 79–80]. Таким образом, после вхождения в состав Московского государства в Стародубе, несмотря на отсутствие официального подтверждения Магдебургского права царскими властями, продолжала действовать система, установившаяся во времена ВКЛ. Данные обстоятельства, безусловно, способствовали возвращению в посполитое сословие значительного количества бывших казаков уже в течение первых лет. Так, например, достоверно известно, что после окончания русско-польской войны 1654–1667 гг. многие из казаков с. Душкино Топальской сотни «за одиноцтвом и за малодистию детей» вместе со своим казацким грунтом «вписывались под ратушу»[12] (записывались в сословие посполитых).

По результатам посольства с участием стародубского войта Андрея Шабловского в 1665 г. московским царем Алексеем Михайловичем была подтверждена грамота Сигизмунда III о наделении Стародуба Магдебургским правом. Безусловно, факт его официального подтверждения дал толчок дальнейшему развитию города. Именно это и способствовало окончательному формированию мещанской элиты. Уже в январе 1666 г. в соответствии с царской грамотой был избран магистрат – «уряд меский». В него вошли войт Андрей Шабловский, старший бурмистр Яков Маркович, бурмистр Лаврин Яковлевич, старший райца Иван Низовец, райцы Тимофей Нагаско, Петр Шашонок, Костя Ларионович, старший лавник Григорий Григорьевич, лавники

[6]Ревизия Стародубского полка за 1748 г. // Центр. держ. іст. арх. України в м. Києві (ЦДІАК). Ф. 80. Оп. 2. Спр. 314. Л. 496.
[7]Книга переписная Черниговских сел и деревень за 1721 г. // Арх. внешн. политики Рос. империи М-ва иностр. дел Рос. Федерации (АВПРИ). Ф. 124. Оп. 1. Д. 62. Л. 72 об.
[8]Там же. Л. 343.
[9]Книга присяг Малороссийских войск. 1731 г. // РГАДА. Ф. 248. Оп. 103. Д. 8250. Л. 541.
[10]*Бирюков С. Н.* Социально-экономическое развитие городов Стародубья в XVIII в. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2014. С. 28.
[11]Там же. С. 7, 28.
[12]Дело о казачестве жителей с. Душкино. 1738 г. // ЦДІАК. Ф. 51. Оп. 3. Спр. 6772. Л. 43.

Иосиф Малявка, Иван Хламота, Елисей Максимович, писарь Василий Афанасович Бернацкий, а также 12 посполитых «от миру упрошенных». У старшего райца была «печать большая меская и скрынка з доходов належачих и книги», у старшего лавника – малая печать и «увязчее» [1, с. 73–94]. Вероятно, все эти люди и до официального подтверждения Магдебургского права имели более высокий социальный статус по сравнению со статусом других горожан.

В 1666 г. после подписания Московских статей гетманом Иваном Брюховецким царское правительство приняло решение о переписи податного населения Малороссии. Перепись городов Стародуба, Погара и Почепа 1666 г. является ценнейшим источником информации по истории края, который до настоящего времени очень мало освещен в историографии. Данный документ подтверждает указанный состав магистрата в городе, а также наличие в Стародубе «меских» сотников и десятников. Кроме того, перепись содержит два списка выборных мещан Стародуба[13], которые не ограничивались лишь членами магистрата. Данное обстоятельство позволяет сделать предположение о том, что уже на данном этапе в городе существовала группа горожан, чей социальный статус был выше статуса других жителей. Причем такие «знатные мещане» не обязательно являлись членами городского правительства.

Наличие значительного количества торговых людей в городе говорит о том, что к тому времени в Стародубе уже было развито купечество. Можно судить и о развитии в городе различных промыслов. Среди жителей встречались злотники, швецы, кравцы, слесари и др. Интересно, что к мещанам причислены пушкари «меские», возглавляемые атаманом. Большая же часть горожан продолжала заниматься земледелием. При этом многие из жителей не имели ни промыслов, ни пашни, ни коней с волами. Они жили в землянках, но подлежали налогообложению в размере половины злотого. Самые зажиточные горожане обязаны были вносить в царскую казну по две копы грошей[14].

В 1666 г. стародубский магистрат имел значительные владения в уезде, разделенные на сотни и станы. Практически во всех селах были дворы, чьи владельцы отбывали повинности на пользу ратуши. Все они были обязаны платить в царскую казну. В отличие от горожан сельским жителям выплата части денежных средств была заменена натуральным налогом пшеницей, овсом, рожью и медом[15]. Однако уже в это время на Стародубщине встречались села, полностью принадлежавшие частным владельцам. Жители таких населенных пунктов, являясь лично свободными, уплачивали подати державцу. Так, например, жители с. Лыщичи, в котором было 53 крестьянских двора, платили Киево-Печерскому монастырю «медвеным оброком на рок по десяти пудов»[16].

К последней четверти XVII в. стародубский магистрат сложился окончательно и представлял собой сложный орган управления с четко оформленной иерархией. Так, в присяжных листах московским царям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу 1682 г. наряду с войтом, пятью бурмистрами, семью райцами, писарем и четырьмя лавниками к присяге были приведены 22 «знатных мещанина». Вероятно, эти люди имели более высокий социальный статус по сравнению с обычными горожанами. Кроме того, двое из них – Савва Ермолаевич и Петр Лукьянович – записаны как «значные мещане Стародубовские»[17]. Видимо, их социальное положение было чрезвычайно высоким. На основании этого можно сделать вывод о том, что в конце XVII в. среди мещан Стародубщины сформировалась иерархия, которая являлась идентичной казацкому управлению, где представители старшины полка, не занимавшие никаких должностей, носили звания товарищей и значных товарищей Стародубовских. Учитывая сложившееся в регионе противоборство казаков и мещан (при котором первые пытались подчинить вторых, а вторые отстаивали независимость), такое положение вещей являлось вполне закономерным. Однако подобная система не смогла закрепиться в городах. В начале XVIII в. сведения о «значных мещанах» как об отдельном звании уже не встречаются. Вероятно, столь недолгим периодом существования данной системы объясняется и отсутствие ее подробного анализа в историографии.

Во второй половине XVII в. начался процесс объединения ремесленников Стародуба в цеха. Так с 1665 г. в городе образовались калачинский, ковальский, олейный и другие цеха во главе с цехмейстерами. Нехарактерным для других городов Гетманщины был организованный в Стародубе музыкальный цех. В него вошли не только городские, но и сельские музыканты. Члены цехов обладали определенными привилегиями, но в то же время использовались и для выполнения работ «на потребу войсковую» [4, с. 33–35].

С конца XVII в. в городах Стародубского полка наблюдается значительный экономический подъем, вызванный развитием торговли. Ежегодно в городах

[13] Переписные книги Стародуба, Погара, Почепа за 1665 г. // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1665. Д. 73. Л. 1–1 об., 143–143 об.
[14] Там же. Л. 26–32, 139–141 об.
[15] Там же. Л. 144–281.
[16] Там же. Л. 282.
[17] Книга клятвенным обещаниям на принятие подданства государю императору Петру Великому гетмана, старшины, всего Запорожского войска, начальных и всяким чинам, ратным людям. 1682 г. // Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 54. Л. 243 об, 244.

Стародубе, Мглине, Почепе и Погаре проводились ярмарки, на которые съезжались купцы со всей Гетманщины и Московского государства. Основным товаром, поставляемым из Стародубщины, была пенька. На ее продаже разбогатели многие мещане, в том числе стародубский войт Спиридон Ширай[18]. Купцы поставляли пеньку в Москву, Речь Посполитую и Кёнигсберг. Также значительный доход приносило развитое на территории полка винокурение. Стародубское хлебное вино покупали по всей Гетманщине и в других областях Российской империи [4, с. 39].

Однако уже в начале XVIII в. стародубские купцы вынуждены были конкурировать со старообрядцами. Первые раскольники появились на территории полка еще в конце 1670-х гг. Благодаря знакомству со стародубским полковником они основали свою первую слободу – Понуровку. Затем появились и другие: в 1700 г. – Лужки, в 1701 г. – Зыбкая (современный г. Новозыбков), в 1702 г. – Злынка, в 1706 г. – Клинцы [1, с. 496, 504, 505, 519] и др. Уже к 1715 г. в слободах насчитывались десятки дворов. Их жители занимались различными промыслами, торговали конопляным маслом, рыбой и солью [8, с. 279]. Первоначально правовое и социальное положение раскольников не отличалось от положения других посполитых полка. Они обладали теми же правами и несли такие же обязанности. При этом в среде старообрядцев было немало выходцев из московского купечества. Именно они, оценив выгодное географическое положение края, придали его торговле новый импульс[19]. Но вместе с этим они заставили потесниться на рынке традиционных стародубских купцов, что нанесло ощутимый удар по благосостоянию мещанского сословия.

В 1716 г. киевский губернатор князь Д. М. Голицын издал распоряжение, согласно которому раскольники записывались в оклад и освобождались от повинностей в пользу местных державцев [1, с. 499]. Из старообрядческих слобод была образована административная единица – «государевы описные малороссийские слободы». Руководство ею осуществляло волостное правление во главе с бурмистром, избираемым самими жителями [7, с. 63].

При этом следует отделять раскольников, селившихся на землях Стародубского полка с позволения гетмана и полковников, от значительного количества беглых крестьян, направлявшихся в регион со всех областей Российской империи. Отсутствие крепостного права, географическое расположение Стародубщины и возможность перейти за границу, а потом возвратиться в качестве выходцев из Литвы очень притягивали низшие слои населения Московского государства. Возможно, многим таким беглым людям и удалось закрепиться на территории Стародубщины, но российские власти постоянно вели борьбу с этим явлением. Во время расследования, проведенного по указу Петра I в 1722 г., жители, чье происхождение вызывало сомнения, обязаны были давать подробные пояснения, старожилы сел – подписывать обязательства следующего содержания: «…о беглых великороской породы людях… мы таковой то указ слышали, и про меж собою таких людей приискивали, и в нашом селе такий люде не обретаются, ни мужеска полу ни женского»[20]. Данное обстоятельство указывает на специфику национального состава жителей Стародубщины начала XVII в.

В конце XVII в. начался вывод крестьянских земель из ведения ратуши. Этот факт еще больше ухудшил финансовое положение мещан. Гетман и стародубские полковники силой своей власти передавали бывшие ратушные земли казацкой старшине, иногда лишь в пользование, а те, в свою очередь, со временем узурпировали свои права на них. Так, только к 1729 г. из ведения Стародубской ратуши в 62 населенных пунктах были «розданы» 1807 крестьянских дворов. И это при том, что у магистрата после этого осталось лишь 907 дворов в 50 селах и деревнях [9, с. 19–44, 54]. Несложно понять, что доходы с «меских волостей» уменьшились в разы.

Несмотря на падающие доходы, мещане продолжали нести повинности на содержание казацкого войска. Так, в 1722 г. во время Ладожского похода со Стародубской, Погарской и других ратуш были собраны денежные поборы «на войсковых слуг, до войсковой арматы служителей, на селитру, кули и починку армат»[21].

Многие из крестьян, составлявших «волоское посполитство», не желали переходить в подданство крупных землевладельцев. Вероятно, они видели в этом ущемление своих свобод и не исключали возможности попадания в крепостную зависимость. Та хоть и отсутствовала в Гетманщине, но в ней находилось большинство крестьянского населения в других областях Российской империи. Наиболее распространенным способом избежать зависимости от державцев был переход в казачество. Так начался процесс, обратный тому, что происходил во второй половине XVII в., когда казаки записывались «под ратушу». Проследить его можно на примере жителей с. Запольские Халеевичи. В данном селе, согласно переписным книгам 1666 г., насчитывалось лишь 6 дворов «тяглых и пашенных» людей[22].

[18] *Бирюков С. Н.* Социально-экономическое развитие городов Стародубья в XVIII в. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2014. С. 36.
[19] Там же. С. 41.
[20] Дело о розыске беглых селян в Стародубском полку. 1722 г. // ЦДІАК. Ф. 51. Оп. 3. Спр. 833. Л. 44 об.
[21] Доношение в Малороссийскую коллегию о выдаче денежного жалования и расходах в Стародубском полку за 1722 г. // РГАДА. Ф. 124. Оп. 6. Д. 107. Л. 1–2.
[22] Переписные книги Стародуба, Погара, Почепа за 1665 г. // Там же. Оп. 1. 1665. Д. 73. Л. 174–174 об.

Часть из них уже были выходцами из казачества[23]. К 1721 г. количество тяглых ратушных крестьян села возросло до 20 дворов[24] в основном за счет перешедших «под ратушу» казаков[25]. Однако в начале 1730-х гг. было принято решение о передаче с. Запольские Халеевичи генеральному бунчужному Семену Галецкому[26]. Воспротивившиеся этому в абсолютном большинстве жители села «вспомнили» о своем казацком происхождении. И уже в ревизии 1740 г. подавляющее число бывших крестьян оказались записаны в казачье сословие[27], а повинности на пользу ратуши в 1741 г. несли лишь три двора одной семьи[28].

В то же время переход в казачество не мог устраивать многих жителей ввиду необходимости несения в данном сословии военной службы, требовавшей значительных финансовых затрат. Этим пользовались крупные землевладельцы. На своих необжитых территориях они начали основывать слободы и привлекать туда обедневшее население из соседних сел и деревень. Первопоселенцам таких слобод предоставлялись большие земельные наделы и освобождение от несения каких-либо повинностей в течение нескольких лет. Продолжая историю жителей с. Запольские Халеевичи, можно привести пример основания Киево-Печерской Лаврой в 1743 г. слободы Маркияновка[29] на соседних с их селом землях. Переехавшие в нее бывшие казаки были записаны уже посполитыми. Но в 1749 г. еще «окладу никакого не платят только пригон по возможности отбывают»[30]. Однако по истечении льготного налогового периода эти крестьяне попадали в еще большую зависимость, чем была у них на прошлом месте жительства. Ведь там они работали на земле, которую получили в наследство от своих предков, и тем самым хотя бы формально могли противостоять увеличивавшимся поборам со стороны державца. Здесь же они оказывались совершенно бесправными, ведь в слободах земля изначально принадлежала владельцу и он мог устанавливать кабальные налоги за ее использование. Так, в 1767 г. в той же слободе Маркияновке, насчитывавшей к тому времени всего 21 двор, жители только «за землю и выполнение подданнических повинностей» платили Киево-Печерской Лавре 25 руб. в год, а также консистенский оклад на комиссариат Стародубского повета 25 руб. через год со всей деревни[31].

Сумма налогов, уплачиваемых деревней, делилась между жителями в зависимости от размеров принадлежащего им грунта и количества дворов. Для определения степени зажиточности крестьян существовало разделение на несколько категорий. Грунтовые (можногрунтовые, среднегрунтовые, малогрунтовые) крестьяне – это самые богатые посполитые, владеющие землями. Крестьяне, не имевшие пахотной земли, но жившие с каких-либо промыслов, учитывались как «подсуседки-огородники», которые «в повинностях помощенствуют». Наиболее бедная прослойка населения, не имевшая ни пахотной земли, ни промыслов и огородов, часто жившая в чужих дворах и работавшая на других жителей села, называлась «подсуседки весьма нищетные», которые «в повинностях не помощенствуют»[32].

Кроме описанных повинностей посполитое население несло обязанность личной помощи в военных нуждах. Так, во время Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. крестьяне и мещане Стародубщины использовались как рабочая сила при восстановлении укреплений разрушенного г. Очакова, их направляли для строительства крепостей Украинской линии. Крестьян отправляли в армию в качестве погонщиков волов, собранных на этой же территории [10, с. 106–109]. Подобная практика продолжилась во время Семилетней войны 1756–1763 гг.[33] и Русско-турецкой войны 1768–1774 гг.[34]

К середине XVIII в. положение магистрата в Стародубе сильно изменилось. Он фактически утратил привилегированное положение: в 1740 г. ратушные села были отобраны «на корону»[35], судебная власть полностью перешла к полковому казацкому правлению. Представители мещанской верхушки города, ставшие к тому времени уже крупными землевладельцами, начали активно записываться в казачество, получая военные чины и переставая платить налоги магистрату. Уже в 1767 г. многие выходцы из мещанской среды, получившие от предков высокий социальный статус, записаны казаками. Это войсковые товарищи Лайкевич, Гуриновский, Коменко, значковый товарищ Воскобойник и многие

[23]Книга вечистых справ за 1700 г. // ЦДІАК. Ф. 208. Оп. 1. Спр. 35. Л. 85.
[24]Книга переписная Черниговских сел и деревень за 1721 г. // АВПРИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 62. Л. 160.
[25]Дело о казачестве жителей с. Душкино. 1738 г. // ЦДІАК. Ф. 51. Оп. 3. Спр. 6772. Л. 56.
[26]Ревизия Стародубского полка за 1737 г. // Там же. Ф. 80. Оп. 2. Спр. 321. Л. 267.
[27]Ревизия Стародубского полка за 1740 г. // Там же. Спр. 314. Л. 197–198.
[28]Реестр ревизии Малороссийских полков за 1741 г. // РГАДА. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1850. Л. 861 об.
[29]Метрические книги Киево-Печерской Лавры за 1743 г. // ЦДІАК. Ф. 128. Оп. 4 Вот. Спр. 67. Л. 168.
[30]Инвентарная опись вотчин лавры в Стародубском полку за 1749 г. // Там же. Спр. 98. Л. 19 об.
[31]Опись Новоместской сотни Стародубского полка за 1767 г. // Там же. Ф. 57. Оп. 1. Спр. 118. Л. 1146 об.
[32]Ревизия Стародубского полка за 1740 г. // Там же. Ф. 80. Оп. 2. Спр. 314. Л. 460–461.
[33]Исповедные ведомости Киево-Печерской Лавры за 1758 г. // Там же. Ф. 128. Оп. 4 Вот. Спр. 136. Л. 1121 об.
[34]Именной список погонщиков, набранных в Стародубском полку 1769 г. // Там же. Ф. 80. Оп. 2. Спр. 43. Л. 17.
[35]*Бирюков С. Н.* Социально-экономическое развитие городов Стародубья в XVIII в. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2014. С. 52.

другие [5, с. 44–46]. Еще раньше в число казацкой старшины полка вошли самые богатые мещане Стародуба Шираи и Скорупы[36]. При этом все они не оставляли торговых промыслов.

Во время правления российской императрицы Екатерины II вся Гетманщина, в том числе Стародубщина, подверглась значительным изменениям. Генеральная опись Малороссии 1767 г. навсегда закрепила жителей Стародубского полка в сословии, в котором они находились на тот момент. Таким образом, возможность перехода посполитых в казачество и наоборот исключалась. В 1781 г. полковое деление в Гетманщине было отменено, в 1783 г. посполитые были закреплены за землей, на которой жили. Фактически история лично свободных крестьян Стародубщины на этом была закончена. Бывшие ратушные крестьяне были причислены к государственным. В 1786 г. это сословие пополнилось монастырскими крестьянами, жившими на церковной земле, в результате ее секуляризации. Остальные посполитые, находившиеся на тот момент в подданстве крупных землевладельцев, попали к ним в крепостную зависимость.

Жившие в городах мещане остались в своем сословии. Кроме того, раскольничьи слободы получили статус посадов и их жители также были причислены к мещанам[37]. Представители городской знати получили возможность подавать прошения о причислении их к дворянству Российской империи. Многие из потомков знатных мещан, слившихся к тому времени с казачьей старшиной, получили дворянство согласно казачьим чинам. В их числе – Шираи, Скорупы и др. Другая часть хоть и оставалась в своем сословии, но владела значительными земельными наделами с подданными. На этом основании к дворянству были причислены потомки стародубского войта Демьяна Ермолаевича Стоколенка, владевшие грунтами и мельницами в с. Пятовске[38].

Таким образом, к середине 1780-х гг. жители Стародубщины полностью утратили свою социально-правовую специфику и, по крайней мере формально, слились с остальным населением Российской империи.

Можно сделать вывод о том, что социальная история Стародубщины имеет ярко выраженные особенности, связанные с географическим расположением региона. Здесь установилась прогрессивная система социальных взаимоотношений, которая с 1654 г. развивалась и модернизировалась. Однако с начала XVIII в. в результате общеимперских реформ она пошла по пути возвращения архаичных норм, действовавших в тот момент на территории всей Российской империи. В этом проявилась скорее не имперская модернизация, а упрощение и ухудшение социально-правовой системы (утверждение крепостничества и ограничение прав горожан), поскольку в рамках гетманской Украины социальная структура края была адекватной времени и условиям развития. В результате уже к концу XVIII в. социальное положение жителей Стародубщины слилось с положением остального населения империи, а социальный прогресс края был заморожен.

Библиографические ссылки

1. Лазаревский АМ. *Описание старой Малороссии. Полк Стародубский.* Белые Берега: Белобережье; 2008. 560 с.
2. Модзалевский ВЛ, редактор. Отрывки из Стародубовской меской книги за 1664–1673 гг. *Труды Черниговской губернской архивной комиссии. 1909–1910.* 1911;8:71–105.
3. Мяло ИИ. Стародуб. *Историко-экономический очерк о г. Стародубе и Стародубском районе.* Брянск: Брянский рабочий; 1951. 44 с.
4. Пиріг П. Соціально-економічний розвиток Стародуба в другій половині XVII століття. *Сіверянський літопис.* 2011;6:33–43.
5. Кривошея І. Неурядова старшина Гетьманщини і міщанська верхівка в середині XVIII ст. (на прикладі м. Стародуба). *Сіверянський літопис.* 2009;2-3:40–48.
6. Сердюк IО. *Полкових городов обивателі: історико-демографічна характеристика міського населення Гетьманщини другої половини XVIII ст.* Полтава: АСМІ; 2011. 304 с.
7. Волошин Ю. *Государевы описные малороссийские раскольнические слободы (XVIII в.): историко-демографический аспект.* Москва: Археодоксия; 2005. 285 с.
8. Лилеев МИ. *Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв.* Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого; 1895. 596 с.
9. Лазаревська КО. *Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку.* Київ: Друкарня ВАН; 1929. 576 с.
10. Репан О. *Іржа на лезі: лівобережне козацтво і російсько-турецька війна 1735–1739 рр.* Київ: Києво-Могилянська академія; 2009. 195 с.

[36] *Бирюков С. Н.* Социально-экономическое развитие городов Стародубья в XVIII в. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2014. С. 37, 46.
[37] Там же. С. 86.
[38] Исповедные ведомости Стародубского уезда за 1831 г. // Держав. арх. Черніг. обл. Ф. 679. Оп. 1. Спр. 535. Л. 1010.

References

1. Lazarevskii AM. *Opisanie staroi Malorossii. Polk Starodubskii* [Description of old Little Russia. Starodubsky Regiment]. Belye Berega: Beloberezh'e; 2008. 560 p. Russian.

2. Modzalevskii VL, editor. [Excerpts from the Starodubov city book for 1664–1673]. *Trudy Chernigovskoy gubernskoy arkhivnoy komissii. 1909–1910.* 1911;8:71–105. Russian.

3. Myalo II. Starodub. *Istoriko-ekonomicheskii ocherk o g. Starodube i Starodubskom raione* [Historical and economic essay on the city of Starodub and Starodubsky district]. Bryansk: Bryanskii rabochii; 1951. 44 p. Russian.

4. Pyrig P. [Socio-economic development of Starodub in the second half of the 17th century]. *Siverjans'kyj litopys*. 2011;6: 33–43. Ukrainian.

5. Kryvosheja I. [Non-governmental hetman of the Hetmanate and the bourgeois top in the middle of the 18th century (on the example of Starodub city)]. *Siverjans'kyj litopys*. 2009;2-3:40–48. Ukrainian.

6. Serdjuk IO. *Polkovyh gorodov obyvateli: istoryko-demografichna harakterystyka mis'kogo naselennja Get'manshhyny drugoi' polovyny XVIII st.* [Regimental cities Philistines: historical and demographic characteristics of the urban population of the Hetmanate of the second half of the 18th century]. Poltava: ASMI; 2011. 304 p. Ukrainian.

7. Voloshin Yu. *Gosudarevy opisnye malorossiiskie raskol'nicheskie slobody (XVIII v.): istoriko-demograficheskii aspekt* [The sovereigns of the described Little Russian schismatic settlements (18th century): the historical and demographic aspect]. Moscow: Arkheodoksiya; 2005. 285 p. Russian.

8. Lileev MI. *Iz istorii raskola na Vetke i v Starodub'e XVII–XVIII vv.* [From the history of the split on Vetka and Starodubye of the 17th–18th centuries]. Kyiv: Tipografiya G. T. Korchak-Novitskogo; 1895. 596 p. Russian.

9. Lazarevs'ka KO. *General'ne slidstvo pro majetnosti Starodubs'kogo polku* [General investigation of the property of the Starodub regiment]. Kyiv: Drukarnya VAN; 1929. 576 p. Ukrainian.

10. Repan O. *Irzha na lezi: livoberezhne kozactvo i rosijs'ko-turec'ka vijna 1735–1739 rr.* [Rust on the blade: left bank cossacks and the Russo-Turkish War of 1735–1739]. Kyiv: Kyjevo-Mogyljans'ka akademija; 2009. 195 p. Ukrainian.

Статья поступила в редколлегию 31.05.2021.
Received by editorial board 31.05.2021.

УДК 323.1

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ШОТЛАНДИИ ПО ВОПРОСУ СТАТУСА РЕГИОНА В 2007–2011 гг.

И. Л. КУРС[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Впервые в отечественной историографии рассматриваются различные аспекты внутриполитической борьбы в Шотландии по вопросу ее политического статуса в 2007–2011 гг. Определяются ключевые субъекты этой борьбы, инструменты, использованные различными политическими силами для реализации своих целей. Рассматривается функционирование Шотландской национальной партии в качестве правительственной. Анализируется деятельность форума «Национальная дискуссия» и Комиссии по шотландской деволюции, или Комиссии Калмана, созданных по инициативе двух противоборствующих лагерей шотландской политики. Отмечается, что в результате их работы дискуссия о политическом будущем региона была выведена на качественно новый уровень, а основные политические силы признали необходимость расширения полномочий шотландского парламента.

Ключевые слова: Шотландия; независимость; Шотландская национальная партия; внутриполитическая борьба.

Образец цитирования:
Курс ІЛ. Унутрыпалітычная барацьба ў Шатландыі па пытанні статусу рэгіёна ў 2007–2011 гг. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.* 2021;3:80–85.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-80-85

For citation:
Kurs IL. Internal political struggle in Scotland on the issue of the region status in 2007–2011. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;3:80–85. Belarusian.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-80-85

Автор:
Игорь Леонидович Курс – аспирант кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент Е. Г. Колб.

Author:
Igor L. Kurs, postgraduate student at the department of history of modern and contemporary history, faculty of history.
i.kurs999@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-2941-6598

CC BY NC

УНУТРЫПАЛІТЫЧНАЯ БАРАЦЬБА Ў ШАТЛАНДЫІ ПА ПЫТАННІ СТАТУСУ РЭГІЁНА Ў 2007–2011 гг.

І. Л. КУРС[1*]

[1*]*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Упершыню ў айчыннай гістарыяграфіі разглядаюцца розныя аспекты ўнутрыпалітычнай барацьбы ў Шатландыі па пытанні яе палітычнага статусу ў 2007–2011 гг. Вызначаюцца ключавыя суб'екты гэтай барацьбы, інструменты, выкарыстаныя рознымі палітычнымі сіламі для рэалізацыі сваіх мэт. Разглядаецца функцыянаванне Шатландскай нацыянальнай партыі ў якасці ўрадавай. Аналізуецца дзейнасць форуму «Нацыянальная дыскусія» і Камісіі па шатландскай дэвалюцыі, ці Камісіі Калмана, створаных па ініцыятыве двух супрацьлеглых лагераў шатландскай палітыкі. Адзначаецца, што ў выніку іх працы дыскусія пра палітычную будучыню рэгіёна была выведзена на якасна новы ўзровень, а асноўныя палітычныя сілы прызналі неабходнасць пашырэння паўнамоцтваў шатландскага парламента.

Ключавыя словы: Шатландыя; незалежнасць; Шатландская нацыянальная партыя; унутрыпалітычная барацьба.

INTERNAL POLITICAL STRUGGLE IN SCOTLAND ON THE ISSUE OF THE REGION STATUS IN 2007–2011

I. L. KURS[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

For the first time in the national historiography, various aspects of the internal political struggle in Scotland regarding its political status in 2007–2011 are considered. The key actors in this struggle are identified, the forms and tools used by various political forces to realise their goals are highlighted, and the issue of the Scottish National Party as a government party is explored. The activity of two organisations – «National Conversation» and the Calman Commission, created at the initiative of two opposing camps of Scottish politics, is analysed. It is noted that as a result of their work, the discussion about the political future of the region was brought to a qualitatively new level, and all the main political forces in the region recognised the need to expand the powers of the Scottish Parliament.

Keywords: Scotland; independence; Scottish National Party; internal political struggle.

Уводзіны

З 1999 г., з пачатку працы двух шатландскіх органаў кіравання – парламента, вядомага таксама пад назвай «Халіруд», і выканаўчай улады, – у рэгіёне скláліся два буйныя палітычныя лагеры, якія прытрымліваюцца розных пунктаў гледжання наконт будучыні краіны. Прыхільнікі першага з іх на чале з Шатландскай нацыянальнай партыяй (ШНП) імкнуцца да пашырэння самакіравання і незалежнасці Шатландыі, у той час як прадстаўнікі другога лагера (куды ўваходзяць тры юніяністкія партыі: шатландскіх лейбарыстаў, ліберал-дэмакратаў і кансерватараў) настойваюць на неабходнасці захавання рэгіёна ў складзе Злучанага Каралеўства. У першыя восем гадоў працы новаўтворанага парламента рэгіёнам кіравала ўрадавая кааліцыя, сфармаваная лейбарысцкай і ліберал-дэмакратычнай партыямі. У гэты перыяд праблема будучыні Шатландыі не была ў цэнтры грамадскай увагі. Сітуацыя пачала імкліва змяняцца пасля прыходу да ўлады ў 2007 г. меншасці ШНП. За чатыры гады яе кіравання градус міжпартыйнай барацьбы па пытанні патэнцыяльнай незалежнасці рэгіёна значна ўзрос. Акрамя таго, праявіліся новыя формы і рысы гэтай барацьбы. Улічваючы дадзеную акалічнасць, а таксама распаўсюджанасць падобных цэнтрабежных тэндэнцый у шэрагу іншых еўрапейскіх краін, неабходна разгледзець вопыт унутрыпалітычнай барацьбы ў Шатландыі ў 2007–2011 гг. Гэта асабліва актуальна ў сувязі з тым, што тэма пакуль не знайшла адлюстравання ў айчыннай навуковай літаратуры.

Мэта артыкула заключаецца ў тым, каб выявіць асаблівасці барацьбы ключавых палітычных сіл рэгіёна па пытанні статусу Шатландыі. Для гэтага неабходна разгледзець дзейнасць двух лагераў шатландскай палітыкі і створаных па іх ініцыятыве форуму «Нацыянальная дыскусія» і Камісіі па шатландскай дэвалюцыі, ці Камісіі Калмана, вызначыць праблемы, з якімі сутыкнулася кожная з іх, а таксама прасачыць працэс адаптацыі ШНП да статусу ўрадавай партыі. Храналагічныя межы разглядаемай тэмы ахопліваюць падзеі 2007–2011 гг. – час

функцыянавання ўрада меншасці нацыяналістаў у Шатландыі. Трэба адзначыць, што брытанская гістарыяграфія гэтага перыяду звычайна канцэнтруецца на праблемах прыстасавання ШНП да новай кіруючай ролі, а таксама на дзейнасці створанага пад яе эгідай форуму «Нацыянальная дыскусія». У сувязі з гэтым неабходна ўзгадаць сумесную працу Дж. Хасана і С. Бэрроў [1] і манаграфію М. Харві [2]. У той жа час дзейнасць юніяніcцкіх партый і іх палітычная барацьба з нацыяналістамі па акрэсленым пытанні застаюцца на перыферыі ўвагі як англамоўных, так і рускамоўных даследчыкаў. Перыяд 2007–2011 гг. з большага апынуўся ў цені наступных падзей, у першую чаргу рэферэндуму па пытанні незалежнасці Шатландыі ў 2014 г. і папярэдняй яму агітацыйнай кампаніі.

Спробай выправіць гэту сітуацыю з'яўляецца дадзены артыкул. Пры падрыхтоўцы быў выкарыстаны шырокі масіў крыніц. Сярод іх можна вылучыць афіцыйныя публікацыі Урада Шатландыі, партыйныя маніфесты асноўных палітычных фігур рэгіёна, даныя сацыялагічных апытанняў і матэрыялы брытанскіх і шатландскіх СМІ. Метадалагічнай асновай працы стала прымяненне гістарычнагенетычнага і параўнальна-гістарычнага метадаў даследавання. Першы з іх дазволіў паказаць развіццё дыскусіі па пытанні будучыні Шатландыі, трансфармацыі гэтай дыскусіі ў цэнтральны пункт парадку дня рэгіёна. Другі метад выкарыстоўваўся пры параўнанні маніфестаў розных палітычных партый дзеля выяўлення асаблівасцей іх пазіцый у дачыненні да статусу рэгіёна.

Вынікі і іх абмеркаванне

Пасля трэціх выбараў у Халіруд, якія адбыліся 3 мая 2007 г., упершыню да ўлады ў рэгіёне прыйшлі нацыяналісты. Іх лідар А. Сэлманд быў абраны на пасаду першага міністра Шатландыі.

З самага пачатку дзейнасці ШНП актыўна рэалізоўвала перадвыбарныя намеры. Значная частка яе ўвагі канцэнтравалася на дасягненні суверэнітэту Шатландыі. Адным з першых рашэнняў нацыяналістаў стала перайменаванне аднаго з ключавых рэгіянальных органаў кіравання – выканаўчай улады Шатландыі. Ужо з 1 верасня 2007 г. яго афіцыйная назва стала гучаць як «Урад Шатландыі». Па словах лідараў ШНП, гэта сімвалічнае рашэнне павінна было спрыяць больш выразнаму разуменню грамадствам ролі і функцый дадзенага інстытута ўлады [3]. Яшчэ за два тыдні да гэтага, 16 жніўня, нацыяналісты апублікавалі Белую кнігу з відавочнай назвай «Выбар будучыні Шатландыі: нацыянальная дыскусія. Незалежнасць і адказнасць у сучасным свеце»[1]. У гэтым дакуменце сярод іншага гаварылася аб хуткім пачатку працы агульнашатландскага форуму «Нацыянальная дыскусія». У яго рамках планавалася распрацаваць магчымыя праекты развіцця рэгіёна. Акрамя магістральнай тэмы памкненняў нацыяналістаў – дасягнення незалежнасці Шатландыі – перад імі стаяла мэта вынесці на абмеркаванне пытанне аб дэлегаванні дадатковых паўнамоцтваў Халіруда.

Шатландскія нацыяналісты, прадстаўляючы дадзеную Белую кнігу, не забывалі пра тое, што прыхільнікі незалежнасці рэгіёна складаюць меншасць у дзеючым складзе парламента. Улічваючы гэта, не толькі дасягненне суверэнітэту Шатландыі, але і правядзенне рэферэндуму ў бліжэйшай перспектыве было немагчымым. Разам з тым ШНП імкнулася сфармаваць адпаведны інфармацыйны парадак дня. Мэтай партыі было не столькі ў чарговы раз заявіць пра сваю пазіцыю, якая і так была добра вядомая ўсім, колькі садзейнічаць маштабнаму грамадскаму абмеркаванню пытання аб палітычных перспектывах Шатландыі. ШНП прыкладвала намаганні надаць палітычным дэбатам па гэтай праблеме новае дыханне, у тым ліку шляхам інтэграцыі ў абмеркаванне дадатковай альтэрнатывы – умацавання аўтаноміі Шатландыі з дапамогай пашырэння паўнамоцтваў Халіруда. Можна сцвярджаць, што першаснае жаданне нацыяналістаў складалася не ў тым, каб пераканаць шатландцаў абраць суверэнітэт, а ў тым, каб упэўніць грамадскасць у неабходнасці пераканаць іншыя партыі арганізаваць гэты рэферэндум. Партыя выразна разумела, што дачаснае правядзенне такога галасавання можа нездавальняюча скончыцца для прыхільнікаў незалежнасці і толькі адтэрмінаваць жаданы вынік на нявызначаны час[2]. Менавіта таму ШНП вырашыла рухацца паслядоўна, уключаючы ў абмеркаванне палітычных пераўтварэнняў па магчымасці ўсё большую колькасць людзей і выпрацоўваючы канкрэтны спіс прапаноў.

Палітычныя апаненты нацыяналістаў з асцярогай сачылі за гэтай актыўнасцю ШНП. Ключавыя прадстаўнікі юніяніcцкага лагера – рэгіянальныя партыі лейбарыстаў, кансерватараў і ліберал-дэмакратаў – падзялялі меркаванне аб неабходнасці рэагаваць на дзеянні нацыяналістаў. Імкнучыся навязаць свой парадак у пытанні далейшага развіцця Шатландыі, яны ініцыявалі стварэнне адмысловай камісіі экспертаў. Яна павінна была выпрацаваць рэкамендацыі па дэлегаванні дадатковых улад-

[1]Choosing Scotland's future: a national conversation [Electronic resource] // The Scottish Government. 2007. URL: https://www2.gov.scot/Resource/Doc/194791/0052321.pdf (date of access: 08.12.2020). (Тут і далей пераклад наш. – *І. К.*)
[2]Salmond signals delay on Scottish vote over independence party [Electronic resource] // The Guardian. 2007. URL: https://www.theguardian.com/politics/2007/aug/15/scotland.devolution2 (date of access: 08.12.2020).

ных кампетэнцый рэгіянальным органам улады. Першыя кансультацыі кіраўнікоў трох згаданых партый адбыліся ў жніўні 2007 г., праз два тыдні пасля прэзентацыі Белай кнігі нацыяналістаў[3]. Стваральнікі камісіі не адмаўлялі, што вырашылі заснаваць яе для таго, каб перахапіць ініцыятыву ў ШНП. У сваю чаргу крыніцы сярод нацыяналістаў давалі зразумець, што іх задавальняе такое становішча рэчаў[4].

У выніку рашэнне аб заснаванні міжпартыйнай Камісіі па шатландскай дэвалюцыі было прынята 6 снежня 2007 г. Па задумцы стваральнікаў, яна павінна была вывучыць магчымыя сцэнарыі перадачы дадатковых паўнамоцтваў шатландскім рэгіянальным органам улады. Прадстаўнікі юніяністцкіх партый падкрэслівалі, што гэта рашэнне накіравана на «пабудову моцнай і квітнеючай Шатландыі ў складзе моцнай і квітнеючай Брытаніі»[5]. Каментуючы стварэнне міжпартыйнай камісіі, кіраўнік лейбарыстаў В. Аляксандэр заявіла, што эксперты нават не будуць спрабаваць разглядаць незалежнасць Шатландыі як альтэрнатыву, але будуць адкрытыя для ўсіх іншых прапаноў дзеля ўмацавання як дэвалюцыі, так і Злучанага Каралеўства [3].

У 2008 г. рэгіянальныя канстытуцыйныя дыскусіі працягнуліся. У канцы сакавіка створаны па ініцыятыве ШНП форум «Нацыянальная дыскусія» заявіў пра другі этап дзейнасці[6]. Да ўдзелу ў форуме планавалася прыцягнуць прадстаўнікоў розных сфер грамадзянскай супольнасці рэгіёна, а самі пасяджэнні павінны былі прайсці ва ўсіх раёнах Шатландыі. А. Сэлманд прапанаваў узяць удзел у дыскусіі і членам іншых партый, аднак на гэты зварот ніякай рэакцыі не было. Тым часам юніяністцкі лагер абвясціў, што камісію, створаную сумеснымі намаганнямі лейбарыстаў, лібералаў і кансерватараў, узначаліць К. Калман. Першы сход Камісіі па шатландскай дэвалюцыі, ці Камісіі Калмана, як яе празвалі ў СМІ, адбыўся 28 красавіка 2008 г. Меркавалася, што яна прадставіць канчатковы даклад па сутнасці пытання да сярэдзіны 2009 г. [4].

На працягу 2008 г. пытанне аб статусе Шатландыі заставалася адным з цэнтральных. Чарговы ўсплёск цікавасці да гэтай тэмы выклікала публікацыя прамежкавага даклада Камісіі Калмана пад назвай «Будучыня шатландскай дэвалюцыі ў межах саюза» [5]. Даклад закранаў такія тэмы, як сутнасць саюза, паўнамоцтвы Халіруда, яго фінансавую адказнасць і адносіны з Вэстмінстэрам. Нягледзячы на тое што дакумент утрымліваў асобныя рэкамендацыі, ён не прапанаваў новыя рашэнні – эксперты сфармулявалі іх ужо ў сваёй выніковай справаздачы. Адначасова працягваў працу і форум «Нацыянальная дыскусія», да дзейнасці якога сталі ўзнікаць некаторыя пытанні. Так, ён сутыкнуўся са справядлівымі папрокамі ў тым, што не праводзіць ніякіх сур'ёзных даследаванняў патэнцыйных эканамічных, сацыяльных і знешнепалітычных наступстваў незалежнасці. Гэта значна зніжала статус форуму ў вачах шатландцаў, бо такія пытанні асабліва хвалявалі насельніцтва ў кантэксце будучыні рэгіёна [2, p. 163].

З прыходам у другой палове 2008 г. сусветнага фінансавага крызісу градус грамадска-палітычнай дыскусіі ў Шатландыі некалькі знізіўся. Кіраўніцтва ШНП у тагачаснай эканамічнай сітуацыі спрабавала вырашыць новыя задачы. З аднаго боку, партыя павінна была паказаць сваю здольнасць паспяхова кіраваць рэгіёнам ва ўмовах эканамічнай рэцэсіі. Нацыяналісты прасоўвалі тэзіс аб тым, што калі нават з бягучым абмежаваным уладным інструментарыем у іх атрымліваецца дасягнуць пэўных поспехаў, то пры пашырэнні аўтаноміі Шатландыі яе развіццё будзе яшчэ больш дынамічным. З іншага боку, лідары ШНП выдатна ўсведамлялі, што якія-небудзь няўдачы будуць хутчэй выклікаць зніжэнне рэйтынга партыі, чым спрыяць росту папулярнасці ідэі канстытуцыйных пераўтварэнняў. Таму нацыяналісты імкнуліся знайсці залатую сярэдзіну паміж патрабаваннямі дэлегаваць новыя паўнамоцтвы і вырашэннем бягучых праблем. Менавіта для гэтага А. Сэлманд наракаў на вядомыя хібы існуючага ладу і намякаў на неабходнасць перадачы новых паўнамоцтваў, адначасова імкнучыся не нашкодзіць іміджу свайго ўрада. У той жа час прыхільнікі незалежнасці не саромеліся звяртаць увагу на сур'ёзныя эканамічныя цяжкасці, якія могуць чакаць суверэнную Шатландыю падчас падобнага крызісу. Яны імкнуліся ўкараніць уяўленне пра тое, што толькі пры ўмове захавання адзінага Злучанага Каралеўства ёсць магчымасць устойліва супрацьстаяць негатыўным тэндэнцыям глабальнай эканомікі.

Фінальны даклад Камісіі па шатландскай дэвалюцыі на чале з К. Калманам быў прадстаўлены 15 чэрвеня 2009 г. [6]. Ён утрымліваў мноства рэкамендацый па паляпшэнні эфектыўнасці працы шатландскіх органаў улады і іх узаемадзеянні з агульнабрытанскімі інстытутамі. Прадугледжвалася

[3]Opposition parties discuss new Holyrood powers [Electronic resource] // The Guardian. 2007. URL: https://www.theguardian.com/politics/2007/aug/29/scotland.devolution (date of access: 08.12.2020).

[4]Unionists team up to steal SNP thunder over Holyrood powers [Electronic resource] // The Scotsman. 2007. URL: https://www.scotsman.com/news/politics/unionists-team-up-to-steal-snp-thunder-over-holyrood-powers-1-1422678 (date of access: 08.12.2020).

[5]Scottish tax move aims to stop demands for independence vote [Electronic resource] // The Guardian. 2007. URL: https://www.theguardian.com/politics/2007/dec/07/uk.scotland (date of access: 08.12.2020).

[6]SNP bets on the small businessman [Electronic resource] // The Guardian. 2008. URL: https://www.theguardian.com/uk/2008/mar/23/scotland.scotland (date of access: 08.12.2020).

значнае павелічэнне фінансавай аўтаноміі Шатландыі, асабліва ў сферы падаткаабкладання, рэкамендавалася передача шматлікіх дадатковых паўнамоцтваў у галінах адукацыі, правапарадку, аховы навакольнага асяроддзя, інфармацыйнай палітыкі[7]. Рэакцыя на публікацыю фінальнага даклада камісіі была дастаткова сумбурная. Прэса вітала грунтоўнасць падыходу камісіі, але юніяністкія партыі заявілі пра тое, што ім неабходны час, каб сфармаваць меркаванне аб прадстаўленых выніках даследавання.

Адначасова з гэтым завяршалася праца форуму «Нацыянальная дыскусія». За перыяд яго дзейнасці было праведзена больш за 40 тэматычных сходаў практычна ва ўсіх раёнах Шатландыі[8]. Галоўным вынікам працы стала прэзентацыя тэзісаў, у якіх раскрывалася меркаванне розных арганізацый і сацыяльных груп у дачыненні да палітычных перспектыў рэгіёна[9]. Арганізатары форуму сістэматызавалі ўсе выпрацаваныя ідэі ў адмысловым выніковым дакуменце «Нацыянальная дыскусія: ваша Шатландыя, ваш голас», які быў прадстаўлены 30 лістапада 2009 г. Сярод іншага ў дакуменце агучваўся намер у пачатку наступнага года прадставіць законапраект аб правядзенні рэферэндуму аб незалежнасці Шатландыі, а таксама запрашэнне ўсім зацікаўленым бакам далучыцца да яго распрацоўкі [7]. Тым не менш трэба адзначыць, што вынікі працы ініцыяванага нацыяналістамі форуму былі супярэчлівымі. Да яго заслуг можна аднесці вывядзенне дыскусіі аб патэнцыяльнай будучыні рэгіёна на новы ўзровень. Менавіта дзякуючы форуму свае ўяўленні пра перспектывы развіцця Шатландыі змаглі прэзентаваць прадстаўнікі розных сацыяльных і тэрытарыяльных груп. У той жа час ключавая мэта нацыяналістаў не была рэалізавана. Сацыяльныя апытанні паранейшаму паказвалі адносна невысокі ўзровень падтрымкі ідэі суверэннай Шатландыі [8]. Улічваючы існуючыя абставіны, ШНП не магла спадзявацца на ўхваленне парламентам праекта біля аб арганізацыі рэферэндуму. Нацыяналісты былі вымушаныя прызнаць несвоечасовасць такога галасавання[10].

Складанасці ў эканамічнай сферы ў другой палове 2010 г. сталі прычынай адыходу пытання аб статусе Шатландыі на перыферыю ўвагі. ШНП была вымушана сфакусіравацца на пераадоленні негатыўных наступстваў фінансавага крызісу. Апазіцыйныя партыі таксама не імкнуліся абвастраць сітуацыю. Яны асцерагаліся магчымага палітычнага крызісу і датэрміновых выбараў у Халіруд, якія маглі прывесці да ўпэўненай перамогі нацыяналістаў. Асноўныя палітычныя сілы вырашылі акумуляваць энергію, чакаючы пачатку кампаніі па выбарах у парламент Шатландыі, якая павінна была стартаваць вясной 2011 г.

ШНП падыходзіла да чарговых выбараў у Халіруд у якасці галоўнага фаварыта. На партыйным з’ездзе ў кастрычніку 2010 г. лідар нацыяналістаў першы міністр Шатландыі А. Сэлманд пацвердзіў накіраванасць ШНП на дасягненне незалежнасці рэгіёна[11]. Перадвыбарная праграма партыі была прадстаўлена ў маніфесце, апублікаваным за два тыдні да выбараў [9]. Нацыяналісты зноў заявілі пра гатоўнасць у выпадку перамогі на выбарах правесці рэферэндум, на якім будзе вынесена пытанне аб незалежнасці Шатландыі.

У адрозненне ад нацыяналістаў юніяністкія партыі не адважыліся адкрыта артыкуляваць сваю пазіцыю па гэтым пытанні. Лейбарысты і кансерватары вырашылі ў прынцыпе не закранаць яго ў сваіх маніфестах [10; 11]. Аналагічна паступілі і ліберал-дэмакраты. Яны не сфармулявалі партыйную пазіцыю па гэтай праблеме ў перадвыбарным дакуменце, хоць і заявілі пра гатоўнасць да дыялогу з усімі зацікаўленымі бакамі [12]. Такім чынам, ні адна з партый юніяністкага лагера не адважылася скарыстацца распрацоўкамі Камісіі Калмана ў якасці інструмента электаральнай барацьбы.

Па выніках чацвёртых рэгіянальных выбараў нацыяналісты гарантавалі сабе 69 з 129 месцаў у новым складзе парламента. Тым самым упершыню ў гісторыі Халіруда адна партыя змагла дамагчыся парламенцкай большасці і атрымаць права самастойна сфармаваць паўнавартасны ўрад. Шатландыя ўступіла ў якасна новы этап палітычнага развіцця.

Заключэнне

На працягу ўсіх чатырох гадоў кіравання рэгіёнам у якасці ўрада меншасці ШНП ўдавалася праводзіць адносна паспяховую ўнутраную палітыку, не забываючы пра рух да рэалізацыі галоўнай мэты – дасягнення незалежнасці. Істотнай асаблівасцю гэтага часу стала актывізацыя грамадскай дыскусіі па

[7]Calman commission: let Scotland keep bigger tax slice [Electronic resource] // The Guardian. 2008. URL: https://www.theguardian.com/politics/2009/jun/14/calman-commission-scotland-financial-independence-devolution (date of access: 08.12.2020).
[8]National Conversation Meetings [Electronic resource] // The Scottish Government. 2009. URL: https://web.archive.org/web/20191014074748/https://www2.gov.scot/Topics/constitution/a-national-conversation/map (date of access: 08.12.2020).
[9]Contributions [Electronic resource] // The Scottish Government. URL: https://web.archive.org/web/20191014074743/https://www2.gov.scot/Topics/a-national-conversation/NC-contributions-inds-org (date of access: 08.12.2020).
[10] SNP ministers set to back plans to shelve independence referendum [Electronic resource] // The Guardian. 2010. URL: https://www.theguardian.com/politics/2010/sep/06/snp-plan-shelve-independence-referendum (date of access: 08.12.2020).
[11] Full independence will save Scotland from worst of cuts, says Alex Salmond [Electronic resource] // The Guardian. 2010. URL: https://www.theguardian.com/politics/2010/oct/17/alex-salmond-scotland-independence-cuts (date of access: 08.12.2020).

пытанні аб будучыні Шатландыі. ШНП з дапамогай свайго агульнанацыянальнага форуму стымулявала шырокія дэбаты аб статусе рэгіёна і канчаткова пераўтварыла іх у адну з галоўных тэм палітычнага жыцця Шатландыі. Нягледзячы на сур'ёзныя эканамічныя складанасці, выкліканыя сусветным фінансавым крызісам, гэта дыскусія развівалася ў выгадным для ШНП напрамку. Рэагуючы на рост папулярнасці нацыяналістаў, іх палітычныя апаненты – лейбарысты, ліберал-дэмакраты і кансерватары – былі вымушаныя скарэкціраваць свае пазіцыі па многіх важных момантах, у тым ліку наконт пашырэння самакіравання Шатландыі. Яны стварылі альтэрнатыўную арганізацыю – Камісію Калмана – з мэтай распрацоўкі рэкамендацый па пераглядзе існуючага палітычнага ладу. Не будзе перабольшаннем сцвярджаць, што гэта рашэнне дэманстравала важнейшы паварот у шатландскай палітыцы. З таго часу ўсе прадстаўнікі партыйнай сістэмы Шатландыі былі згодныя з пераглядам уладнай кампетэнцыі Халіруда ў бок яе пашырэння. Аднак канкрэтныя ўмовы такога перагляду кожны з лагераў прадстаўляў па-свойму. Дыскусія па пытанні аб статусе Шатландыі павінна была працягнуцца ўжо ў наступны тэрмін дзейнасці Халіруда. Іншым вызначальным вынікам унутрыпалітычнай барацьбы ў 2007–2011 гг. стала паспяховая трансфармацыя нацыяналістаў у партыю ўлады, што само па сабе прывяло да змены характару гэтай барацьбы. ШНП выступіла ў якасці праактыўнай сілы, якая самастойна прасоўвае і фарміруе выгадны для сябе парадак дня. Астатнія партыі неаднаразова былі вымушаныя падстройвацца і рэагаваць на яе ініцыятывы ўжо пастфактум. У нацыяналістаў таксама атрымалася прадэманстраваць насельніцтву сваю кампетэнтнасць у якасці кіруючай партыі. Іх дзейнасць на чале ўрада меншасці была станоўча ацэнена насельніцтвам, відавочным пацвярджэннем чаго сталі рэгіянальныя выбары 2011 г.

References

1. Hassan G, Barrow S. *A Nation changed? The SNP and Scotland ten years on*. Edinburgh: Luath Press; 2017. 368 p.

2. Harvey M. *Conversing with the nation: consultations and referendums in Scotland and Wales under devolution*. Stirling: University of Stirling; 2014. 319 p.

3. Paun A, editor. Nations and regions. The dynamics of devolution. Scotland quarterly report. September 2007 [Internet]. *The Constitution Unit*. 2007 [cited 2021 July 28]. Available from: https://www.ucl.ac.uk/constitution-unit/sites/constitution-unit/files/scotland07.pdf#page=188.

4. McEwen N, editor. Nations and regions. The dynamics of devolution. Scotland quarterly report. May 2008 [Internet]. *The Constitution Unit*. 2008 [cited 2021 July 28]. Available from: https://www.ucl.ac.uk/constitution-unit/sites/constitution-unit/files/scotland08.pdf#page=111.

5. Cairney P, editor. Nations and regions. The dynamics of devolution. Scotland quarterly report. January 2009 [Internet]. *The Constitution Unit*. 2009 [cited 2021 July 28]. Available from: https://www.ucl.ac.uk/constitution-unit/sites/constitution-unit/files/scotland09.pdf.

6. Cairney P, editor. Nations and regions. The dynamics of devolution. Scotland quarterly report. September 2009 [Internet]. *The Constitution Unit*. 2009 [cited 2021 July 28]. Available from: https://www.ucl.ac.uk/constitution-unit/sites/constitution-unit/files/scotland09.pdf#page=165.

7. Your Scotland, your voice. A national conversation [Internet]. *BBC*. 2009 [cited 2020 February 15]. Available from: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/30_11_09_referendum.pdf.

8. Ormston R, Reid S. Scottish Social Attitudes Survey 2010. Core module – attitudes to government, the economy and public services in Scotland [Internet]. *The Scottish Government*. 2011 [cited 2021 July 28]. Available from: https://www.webarchive.org.uk/wayback/archive/20170107022402/http://www.gov.scot/Publications/2011/06/29152407/13.

9. Re-elect: a Scottish Government working for Scotland [Internet]. *Land Matters*. 2011 [cited 2020 February 15]. 44 p. Available from: http://www.andywightman.com/docs/SNP_Manifesto_2011.pdf.

10. *Fighting for What Really Matters – Scottish Labour Party Manifesto 2011 Scottish Parliament Election*. Glasgow: Scottish Labour Party; 2011. 98 p.

11. *Common Sense for Scotland – Scottish Conservatives – Scottish Parliament Election Manifesto 2011*. Edinburgh: Scottish Conservatives and Unionist Party; 2011. 36 p.

12. *Solutions for Scotland – Scottish Liberal Democrats – Scottish Parliament Election Manifesto 2011*. Edinburgh: Scottish Liberal Democrats; 2011. 83 p.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 24.12.2020.
Received by editorial board 24.12.2020.

УДК 719.03(476.6)

СТАНОВЛЕНИЕ ПАМЯТНИКООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В БССР В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ» (1953–1968)

А. А. ГУЖАЛОВСКИЙ[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Анализируется изменение государственной политики, а также возрождение общественной инициативы в области охраны памятников культуры, что было обусловлено либерализацией общественно-политической жизни в БССР в годы «оттепели». Публичные выступления деятелей культуры, ученых, преподавателей, журналистов послужили толчком к действиям руководителей республиканских и местных государственных органов, решавших судьбы конкретных объектов национального наследия. Результатом усилий государства и общества, приложенных на протяжении рассматриваемого периода, стало создание Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры (1966), Государственной инспекции по охране памятников истории, искусства, архитектуры и археологии (1967), а также принятие закона «Об охране памятников культуры» (1969).

Ключевые слова: культурное наследие; охрана памятников; государственная политика; общественная инициатива; реставрация.

Образец цитирования:
Гужалоўскі АА. Станаўленне помнікаахоўнай дзейнасці ў БССР у перыяд «адлігі» (1953–1968). *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.* 2021;3:86–96.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-86-96

For citation:
Huzhalouski AA. Formation of monument protection activities in Soviet Belarus in the years of «thaw» (1953–1968). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;3:86–96. Belarusian.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-86-96

Автор:
Александр Александрович Гужаловский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета.

Author:
Alexander A. Huzhalouski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of ethnology, museology and history of art, faculty of history.
huzhalouski@gmail.com

CC BY NC

СТАНАЎЛЕННЕ ПОМНІКААХОЎНАЙ ДЗЕЙНАСЦІ Ў БССР У ПЕРЫЯД «АДЛІГІ» (1953–1968)

А. А. ГУЖАЛОЎСКІ[1*]

[1*]*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Прыводзіцца аналіз змянення дзяржаўнай палітыкі, а таксама адраджэння грамадскай ініцыятывы ў галіне аховы помнікаў культуры, што было абумоўлена лібералізацыяй грамадска-палітычнага жыцця ў БССР у гады «адлігі». Публічныя выступленні дзеячаў культуры, навукоўцаў, выкладчыкаў, журналістаў паслужылі штуршком да дзеянняў кіраўнікоў рэспубліканскіх і мясцовых дзяржаўных органаў, якія вырашалі лёсы канкрэтных аб’ектаў нацыянальнай спадчыны. Вынікам намаганняў дзяржавы і грамадства, прыкладзеных на працягу разгледжанага перыяду, стала стварэнне Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры (1966), Дзяржаўнай інспекцыі па ахове помнікаў гісторыі, мастацтва, архітэктуры і археалогіі (1967), а таксама прыняцце закона «Аб ахове помнікаў культуры» (1969).

Ключавыя словы: культурная спадчына; ахова помнікаў; дзяржаўная палітыка; грамадская ініцыятыва; рэстаўрацыя.

FORMATION OF MONUMENT PROTECTION ACTIVITIES IN SOVIET BELARUS IN THE YEARS OF «THAW» (1953–1968)

A. A. HUZHALOUSKI[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The author analyses the change in state policy, as well as the revival of public initiative in the field of protection of cultural monuments, as a result of the liberalisation of social and political life in Soviet Belarus during the «thaw». Public speeches of cultural figures, scientists, teachers, journalists served as an impetus for the actions of republican and local state bodies, who decided the fate of national heritage objects. The state officials and society representatives efforts undertaken during the period under review resulted with the creation of the Belarusian voluntary society for the protection of historical and cultural monuments (1966), the State inspectorate for the protection of historical, artistic, architectural and archaeological monuments (1967), as well as with the adoption of «On the protection of cultural monuments» law (1969).

Keywords: cultural heritage; protection of monuments; state policy; public initiative; restoration.

У пасляваенны час абавязкі па захаванні помнікаў у БССР былі падзелены паміж Камітэтам па справах культасветустаноў і двума ўпраўленнямі пры Савеце Міністраў БССР – па справах архітэктуры і па справах мастацтва. Першае ведамства адказвала за помнікі гісторыі і археалогіі, два іншых – за помнікі архітэктуры і мастацтва. Высілкі дзяржаўных кіруючых структур па захаванні помнікаў культуры дапоўнілі ініцыятывы, якія сыходзілі ад навуковых і навучальных устаноў. Загадчык сектара мастацтва М. С. Кацар праводзіў вывучэнне і фотафіксацыю помнікаў архітэктуры з 1946 г. у складзе Інстытута літаратуры, мовы і мастацтва АН БССР, а з 1957 г. – Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору АН БССР[1]. У 1954 г. на занядбаныя каштоўныя помнікі архітэктуры звярнуў увагу выкладчык кафедры архітэктуры Беларускага політэхнічнага інстытута імя І. В. Сталіна У. А. Чантурыя, які з актыўнай дапамогай студэнтаў распачаў іх даследаванне[2].

Гэтая дзейнасць атрымала нарматыўны падмурак у выглядзе пастановы Савета Міністраў БССР ад 15 лютага 1949 г. № 132[3], у адпаведнасці з якой адказныя ведамствы абавязаны правесці інвентарызацыю помнікаў, забяспечыць іх ахову і належнае выкарыстанне. З мэтай каардынацыі дадзенай дзейнасці тады ж пры прэзідыуме АН БССР быў створаны Навукова-метадычны савет па ахове помнікаў культуры на чале з прэзідэнтам М. І. Грашчанковым[4]. Аднак ва ўмовах занядбання помнікаў, абмежаванай колькасці і невысокай прафесійнай кваліфікацыі музейных супрацоўнікаў і будаўнікоў,

[1]Цэнтр. навук. арх. Нац. акад. навук Беларусі (ЦНА НАН). Ф. 11. Воп. 1. Спр. 14. Арк. 1.
[2]*Чантурыя У.* Помнікі гісторыі і жывое жыццё // Літ. і мастацтва. 1966. 11 студз. (№ 4). С. 2.
[3]О мерах улучшения охраны памятников культуры в Белорусской ССР : постановление Совета Министров БССР от 15 февр. 1949 г. № 132 // Собр. действующего законодательства Белорус. ССР. Разд. XXI. Законодательство о культуре. Минск, 1979. С. 98–99.
[4]ЦНА НАН. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 513. Арк. 187.

якія ажыццяўлялі практычныя ўліковыя і кансервацыйныя мерапрыемствы, супрацьдзеянне гаспадарнікаў розным ахоўным аперацыям выканаць гэтыя патрабаванні ў поўным аб'ёме было немагчыма.

У 1950 г. у рэчышчы рэалізацыі названай пастановы Савет Міністраў БССР зацвердзіў наступныя дакументы: спіс археалагічных помнікаў (складаўся з 8 аб'ектаў саюзнага значэння і 127 – рэспубліканскага), спіс гістарычных помнікаў (уключаў у сябе 24 аб'екты саюзнага значэння і 71 – рэспубліканскага)[5]. У 1953 г. гэтыя дакументы былі дапоўнены спісам помнікаў архітэктуры, якія падлягалі ахове (прадстаўлены 82 аб'ектамі сакральнай архітэктуры і палацава-паркавага мастацтва)[6]. Нарэшце ў жніўні 1957 г. з'явіўся абноўлены, пашыраны да 483 гістарычных і 131 археалагічнага аб'ектаў «Спіс гістарычных помнікаў на тэрыторыі БССР»[7].

Пачынаючы з сярэдзіны 1950-х гг. узрасла цікавасць да пытанняў аховы і выкарыстання гістарычных помнікаў, што было часткаю агульнага працэса дэмакратызацыі жыцця краіны, павелічэння цікаўнасці да айчыннай культуры, пашырэння турыстычнага руху. Неўзабаве пасля смерці І. В. Сталіна грамадскую дыскусію пра стан беларускай архітэктурнай спадчыны распачалі старэйшы архітэктар па ахове помнікаў Дзяржаўнага камітэта Савета Міністраў БССР па справах архітэктуры і будаўніцтва І. Б. Элентух і старэйшы навуковы супрацоўнік Дзяржаўнага мастацкага музея БССР С. Д. Палеес. Пасля кансервацыйна-рэстаўрацыйных работ у Сафійскім саборы і Спаса-Ефрасіннеўскай царкве ў Полацку, Камянецкай вежы, Нясвіжскім замку, палацы Румянцавых – Паскевічаў і Магілёўскай ратушы[8] навукоўцы звярнулі ўвагу на дрэнны стан Мірскага замка, які патрабаваў тэрміновай кансервацыі. У адпаведнасці са службовымі абавязкамі І. Б. Элентух і С. Д. Палеес праводзілі гісторыка-архітэктурныя даследаванні, на падставе якіх яны маглі казаць пра патрэбу выконвання кансервацыйных работ у Гальшанскім замку, Чачэрскай ратушы, Доме рамесніка ў Нясвіжы, касцёле Святога Яна Хрысціцеля ў Камаях і інш. У сваім артыкуле І. Б. Элентух і С. Д. Палеес згадалі пра ўзарваны напярэдадні касцёл Святога Станіслава ў Пінску, прычыну здарэння яны патлумачылі «безадказнасцю былога начальніка Пінскага абладдзела па справах архітэктуры»[9].

Распачатую прафесіяналамі дыскусію аб стане нацыянальнай архітэктурнай спадчыны падтрымалі грамадзяне, далёкія ад гэтай сферы. Заатэхнік Обрынскай МТС Мірскага раёна К. Мірачыцкі працягнуў абмеркаванне праблемы захаванасці галоўнага помніка яго малой радзімы: «На жаль, Мірскі замак знаходзіцца ў запушчаным стане. Пакоі забруджаны, сцены і дах разбураюцца ад дажджу»[10]. Неўзабаве аб'ектам грамадскай крытыкі зрабіліся спробы ўлады аднаўляць помнікі, дзеля чаго ва ўмовах адсутнасці рэспубліканскай рэстаўрацыйнай службы прыцягваліся будаўнічыя арганізацыі. Напрыклад, у 1955 г. «рамонт» гомельскага палаца Румянцавых – Паскевічаў з парушэннямі асноўных прынцыпаў рэстаўрацыі ажыццяўляла будаўнічамантажнае ўпраўленне трэста № 9 Міністэрства гарадскога і сельскага будаўніцтва[11].

Новая хваля грамадскай актыўнасці, накіраваная на захаванне нацыянальнай культурнай спадчыны, узнікла ў выніку лібералізацыі грамадскапалітычнага жыцця пасля правядзення XX з'езда КПСС. У выданні «Литературная газета» 23 жніўня 1956 г. быў надрукаваны калектыўны ліст, падпісаны знакамітымі савецкімі дзеячамі навукі і культуры[12]. У ім утрымліваўся заклік да абароны помнікаў, канстатавалася неэфектыўнасць дзяржаўнай сістэмы аховы культурнай спадчыны, што склалася ў краіне. Выйсце з гэтай сітуацыі аўтары калектыўнага ліста бачылі ў прыцягненні ў сферу помнікаахоўнай дзейнасці шырокай грамадскасці, інстытуцыйна арганізаванай ва Усесаюзнае добраахвотнае таварыства аховы помнікаў культуры.

Пасля з'яўлення ў друку гэты зварот абмяркоўваўся на адмысловым сходзе ў Інстытуце гісторыі АН БССР. Выступоўцы згадалі шматлікія выпадкі варварскіх адносін да беларускай культурнай спадчыны, у тым ліку да Мінскага замчышча, Барысаглебскай царквы ў Гродне, Барысавых камянёў на Заходняй Дзвіне, магілы Кастуся Каліноўскага на гары Гедыміна і інш. Гучала крытыка не толькі ў дачыненні да Міністэрства культуры БССР і Дзяржаўнага камітэта Савета Міністраў БССР па справах архітэктуры і будаўніцтва, але таксама да створанага напярэдадні Навукова-метадычнага савета па ахове помнікаў культуры пры прэзідыуме АН БССР пад кіраўніцтвам віцэ-прэзідэнта І. С. Лупіновіча. Напрыканцы ўдзельнікі сходу сфармавалі ініцыя-

[5]Советское законодательство о памятниках истории и культуры : сб. докл. и материалов (1917–1972) / Белорус. добровол. о-во охраны памятников истории и культуры. Минск : Полымя, 1972. С. 120–160.
[6]Там же. С. 336–342.
[7]Там же. С. 161–276.
[8]Магілёўская ратуша была ўзарвана ў ліпені 1957 г.
[9]*Элентух І., Палеес С.* Клапатліва ахоўваць помнікі архітэктуры // Літ. і мастацтва. 1953. 30 мая (№ 22). С. 4.
[10]*Мірачыцкі К.* Захаваць замак у Міры // Там жа. 1954. 11 верас. (№ 37). С. 4.
[11]*Разінскі Г.* Аднаўленчыя работы праводзяцца марудна // Там жа. 1955. 6 жн. (№ 33). С. 4.
[12]*Воронин Н., Грабарь И., Дорош Е., Корин П., Михайлов Б., Петровский И. и др.* В защиту памятников культуры // Лит. газета. 1956. 23 авг. (№ 100). С. 1.

тыўную групу па стварэнні беларускага аддзялення Усесаюзнага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў культуры[13].

У абарону нацыянальнай спадчыны з калектыўным лістом 20 кастрычніка 1956 г. выступілі выбітныя дзеячы беларускай навукі і культуры. Яны прапанавалі адкрыць адзіны дзяржаўны цэнтр па ахове помнікаў, узмацніць адміністратыўную і крымінальную адказнасць за іх псаванне, павялічыць фінансаванне рэстаўрацыйных работ. Аўтары ліста таксама ўказалі на неабходнасць стварэння асобнага музея для захавання народнага драўлянага дойлідства[14]. Сярод тых, хто падпісаў калектыўны зварот беларускай інтэлігенцыі да ўлад, быў М. С. Кацар. У тым жа годзе ён выдаў кнігу, у якой у навукова-папулярнай форме распавядалася пра эвалюцыю дойлідства ў Беларусі са старажытных часоў да пачатку XX ст. і паспрыяла вяртанню архітэктурнай спадчыны ў цэнтр грамадскай увагі [1].

Пераломны 1956 г. скончыўся вандроўкай у Полацк С. Х. Александровіча, выкладчыка Мінскага бібліятэчнага тэхнікума, і В. Р. Тарасенка, навуковага супрацоўніка Інстытута гісторыі АН БССР. У змешчаным імі ў друку крытычным артыкуле, які быў напісаны па выніках вандроўкі, распавядалася пра агульную культурную занядбанасць старажытнага беларускага горада. Два будынкі, што афіцыйна атрымалі статус помніка – домік Пятра І і Полацкі езуіцкі калегіум, – знаходзіліся ў дрэнным стане. Полацкі краязнаўчы музей, змешчаны ў лютэранскай кірсе, не ацяпляўся, не меў грошай на правядзенне археалагічных раскопак і нават не згадваў у сваёй экспазіцыі імя беларускага першадрукара. Затое адзін са змрочных, ускраінных завулкаў здзівіў падарожнікаў сваёй назвай «Скарынская вуліца»[15]. Вятры змен вымагалі ад полацкіх улад апературыўнай рэакцыі на гэту крытыку. Ужо праз тры тыдні пасля яе з'яўлення Полацкі гарсавет адрапартаваў пра добраўпарадкаванне вала Івана Грознага, рамонт музея і рашэнне надаць мясцоваму педінстытуту імя Ф. Скарыны[16].

У 1957 г. у галіне аховы культурнай спадчыны з'явіліся новыя грамадскія ініцыятывы, найбольш заўважная з іх у форме яшчэ аднаго калектыўнага ліста інтэлігенцыі, падпісанага ўплывовымі асобамі на чале з прэзідэнтам АН БССР В. Ф. Купрэвічам. У гэтым лісце ў больш эмацыйна афарбаванай форме («немагчыма больш мірыцца са злачыннай абыякавасцю да нацыянальных святыняў») даваліся прапановы арганізацыйнага характару па ахове культурнай спадчыны, ужо выказаныя ў калектыўным лісце 1956 г.[17] Усё часцей гучалі новыя рэкамендацыі па пашырэнні спіса аб'ектаў, што падлягалі ахове. Адну з іх выказаў загадчык навучальнай часткі Косаўскага дзіцячага дома В. Мароз, прапанаваўшы рэстаўрыраваць Косаўскі палац і аднавіць дом у Мерачоўшчыне, дзе нарадзіўся Т. Касцюшка[18]. Публікацыі ў СМІ, кніжныя выданні [2–4] і выставачныя праекты спрыялі распаўсюджанню ідэі грамадскай каштоўнасці архітэктурнай спадчыны[19].

У 1958 г. у ЦК КПСС з удзелам прадстаўнікоў Акадэміі навук СССР і дзеячаў культуры адбылося абмеркаванне законапраекта аб ахове помнікаў. Практычным вынікам гэтай падзеі стала арганізацыя ў тым жа годзе на базе шэрагу расійскіх музеяў першых музеяў-запаведнікаў, а таксама падрыхтоўка да турыстычнага агляду найбольш значных архітэктурных помнікаў. У БССР дадзеныя дзеянні адгукнуліся пашпартызацыяй помнікаў гісторыі, археалогіі і мастацтва, якая пачалася ў 1959 г. Адказнасць за правядзенне гэтых работ загадам Міністэрства культуры БССР была ўскладзена на абласныя гісторыка-краязнаўчыя музеі. Паралельна з пашпартызацыяй супрацоўнікі музеяў павінны былі «сістэматычна весці назіранні за захаванасцю помнікаў, паведамляць аб спробах зносу альбо вядзення раскопак без адкрытага ліста»[20]. Жыццё паказала, што ва ўмовах абмежаванай колькасці і невысокай кваліфікацыі супрацоўнікаў выканаць гэтае патрабаванне ў поўным аб'ёме абласныя музеі не былі здольныя.

Праблему захавання старажытнай архітэктуры, пошуку балансу паміж ёю і новымі тыпавымі кварталамі абвастрыла актыўная забудова гарадоў у перыяд сямігодкі (1959–1965). Праявай новага стаўлення да помнікаў з боку дзяржавы было з'яўленне у 1959 г. у прынятых Саветам Міністраў БССР «Правілах забудовы гарадоў Беларускай ССР» раздзела «Аб помніках культуры», у якім, у прыватнасці, падкрэслівалася неабходнасць сачыць за збераджэннем існаваўшых помнікаў культуры падчас правядзення будаўнічых работ. Асобным пунктам дакумент абавязваў гарадскія выканаўчыя камітэты ўсталёўваць вакол помнікаў ахоўныя зоны[21].

---

[13] *Гринблат М., Корнейчик Е., Поболь Л.* Беречь памятники старины // Сов. Белоруссия. 1956. 27 сент. (№ 226). С. 2.

[14] *Нікольскі М., Глебка П., Пестрак П., Цікоцкі Я., Уладамірскі У., Кацар М. і інш.* У абарону помнікаў культуры // Літ. і мастацтва. 1956. 20 кастр. (№ 43). С. 1.

[15] *Александровіч С.* Горад гістарычных помнікаў // Літ. і мастацтва. 1956. 20 кастр. (№ 43). С. 3.

[16] Па слядах нашых выступленняў // Там жа. 1956. 15 снеж. (№ 51). С. 4.

[17] *Купревич В., Крапива К., Перцев В., Глебка П., Павлов В., Кацер М. и др.* Еще раз в защиту памятников культуры. Письмо в редакцию // Сов. Белоруссия. 1957. 11 июля (№ 162). С. 3. (Пераклад наш. – *А. Г.*)

[18] *Мароз В.* Забыты архітэктурны помнік // Літ. і мастацтва. 1957. 27 лют. (№ 17). С. 3.

[19] *Тарасікаў М.* Помнікі ў малюнках // Там жа. 1960. 16 сак. (№ 22). С. 4.

[20] Нац. арх. Рэсп. Беларусь (НАРБ). Ф. 974. Воп. 1. Спр. 136. Арк. 255.

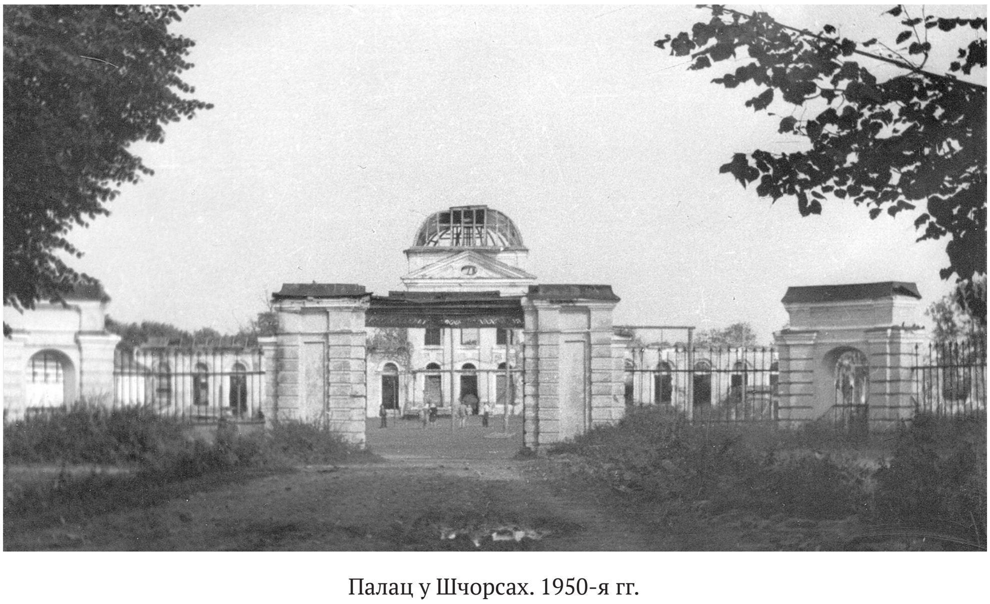
[21] Правілы забудовы гарадоў Беларускай ССР // Зб. законаў, указаў Прэзідыума Вярх. Савета Беларус. ССР, пастаноў і распараджэнняў Савета Міністраў Беларус. ССР. 1959. № 18. С. 495.

Нясвіжскі замак. 1950-я гг.
Niasvizh Castle. 1950s

Ружанскі палац. 1950-я гг.
Ruzhany Palace. 1950s

Крыніца: Аддзел старажытнабеларускай культуры ДНУ «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі» (архіў М. С. Кацара, скрынка № 26)

Мірскі замак. 1950-я гг.
Mir Castle. 1950s



Палац у Шчорсах. 1950-я гг.
Shchorsy Palace. 1950s

Крыніца: Аддзел старажытнабеларускай культуры ДНУ «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі» (архіў М. С. Кацара, скрынка № 26)

Камянецкая вежа. 1950-я гг.
Kamjanets Tower. 1950s

Магілёўская ратуша. 1950-я гг.
Mahilioŭ Townhall. 1950s

Мікалаеўская царква ў Магілёве. 1950-я гг.
St. Michael Church in Mahilioŭ. 1950s

Крыніца: Аддзел старажытнабеларускай культуры ДНУ «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі» (архіў М. С. Кацара, скрынка № 26)

Пра супярэчнасць, непаслядоўнасць дзяржаўнай палітыкі хрушчоўскага кіраўніцтва ў галіне аховы помнікаў сведчаць урадавыя распараджэнні па скарачэнні фінансавання рэстаўрацыйных работ, пададзеных як «празмернасць» на пленуме ЦК КПСС, што адбыўся ў студзені 1961 г. У Мінску барацьба з «празмернасцямі» ўвасобілася ў пастанове Савета Міністраў БССР ад 20 верасня 1961 г., згодна з якой са спіса помнікаў архітэктуры выключылі Дабравешчанскую царкву XII ст. у Віцебску, Троіцкі касцёл 1615–1617 гг. у Ружанах, касцёл Св. Стэфана (Мікалаеўскі сабор) першай паловы XVIII ст. у Полацку, касцёл Адшукання Св. Крыжа і кляштар бернардзінцаў XVI–XVII стст. у Гродне, Свята-Троіцкую праваслаўную царкву 1842 г. у Саматэвічах Касцюковіцкага раёна, уніяцкую царкву Пятра і Паўла XVIII ст. у Рыжкавічах Шклоўскага раёна[22].

Акрамя храмаў, паводле планаў беларускага ўрада, у недалёкай камуністычнай будучыні былі павінны знікнуць напаўразбураныя Любчанскі замак другой паловы XVI ст., палац Сапегаў XVII–XVIII стст. у Ружанах, Бешанковіцкі палацава-паркавы ансамбль XVIII–XIX стст., Полацкі езуіцкі калегіум сярэдзіны XVIII ст., дом Тызенгаўза другой паловы XVIII ст. у Гродне, палац Храптовічаў у Шчорсах другой паловы XVIII ст., Шклоўская ратуша другой паловы XVIII ст., Бабруйская крэпасць першай паловы XIX ст., Косаўскі палац першай паловы XIX ст. і будынак гімназіі першай паловы XIX ст. у Свіслачы[23].

Тыя помнікі, якія не трапілі ў катэгорыю «празмерных» і павінны былі захавацца ў культурным ландшафце Беларусі, таксама знаходзіліся не ў лепшым стане. Наведаўшы ў 1964 г. гомельскі палац Румянцавых – Паскевічаў, што фармальна ахоўваўся дзяржавай, мастацтвазнаўца А. А. Сурскі апісаў стан палаца наступнымі словамі: «Брудная лесвіца, заляпаныя сцены, столь, з якой сыплецца атынкоўка, перакошаныя рамы з жалезнымі кратамі і вышчарбленая падлога даўно чакаюць цесляроў і маляроў»[24]. Мастак С. Акуліч звярнуў увагу грамадскасці на капліцу з магільным склепам рода Паскевічаў, якая, як і палац, знаходзілася пад аховай дзяржавы, але тым не менш паволі разбуралася і гінула[25].

У БССР за час правядзення антырэлігійнай кампаніі ў канцы 1950-х – першай палове 1960-х гг. вялікая колькасць будынкаў храмаў, сінагог, мячэцей былі зруйнаваны. Некаторыя з іх – Дабравешчанская царква ў Віцебску, Фара Вітаўта ў Гродне, касцёл Св. Стэфана ў Полацку, Свята-Пакроўская царква ў Магілёве і інш. – з’яўляліся каштоўнымі помнікамі архітэктуры. У гэтых умовах неабыякавыя грамадзяне спрабавалі ўратаваць старажытныя храмы, легітымізуючы іх існаванне ў вачах улады з дапамогай разнастайнай аргументацыі. Так, выкладчык Наваградскага вучылішча механізацыі сельскай гаспадаркі З. Зінгер заклікаў стварыць у зачыненым у 1948 г. мясцовым фарным касцёле краязнаўчы музей. Сваю прапанову ён тлумачыў тым, што пры гэтым касцёле існавала школа, дзе вучыўся А. Міцкевіч[26]. На аснове матэрыялу, знятага кінааматарам П. Захаранкам падчас летняга экспедыцыйнага сезона Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ў 1961 г. у Брэсцкай і Гродненскай абласцях[27], быў зроблены фільм «Помнікі даўніны»[28].

У адрозненне ад архітэктурнай, археалагічная спадчына Беларусі не стала ахвярай ідэалагічных кампаній. Тым не менш помнікі археалогіі паступова знікалі ў выніку гаспадарча-будаўнічай дзейнасці, а таксама незаконных раскопак, спыніць якія ў археолагаў на месцах не заўсёды атрымлівалася[29]. Гэту праблему ў публічны дыскурс змясціў навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі АН БССР Л. Д. Побаль, які па вяртанні з міжнароднай нарады па славянскай археалогіі, якая адбылася ў Будапешце, пісаў: «У некаторых месцах археалагічныя помнікі не ахоўваюцца, не ўзяты на ўлік, а іншы раз нават цяжка ўстанавіць, хто ж канкрэтна адказвае за іх ахову. На тэрыторыі многіх калгасаў, па распараджэнню старшынь сельгасарцеляў, знішчаюцца курганныя насыпы – археалагічныя помнікі эпохі Кіеўскай Русі IX–XIII стст. Часта разбураюцца і гарадзішчы – рэшткі старажытных гарадоў… Узнікла неабходнасць ва ўсіх старарускіх гарадах, такіх як Полацк, Мінск, Віцебск, Тураў, Ваўкавыск, Слонім і іншыя, не рабіць ніякіх земляных работ у раннефеадальных дзядзінцах-крамлях без папярэдняга даследавання і раскопак участка, які плануецца пад тую ці іншую забудову»[30].

Артыкул Л. Д. Побаля з’явіўся ў 1964 г. Гэты год ЮНЭСКА абвясціла годам аховы помнікаў культуры чалавецтва, тады ж была ратыфікавана Міжнародная хартыя захавання і рэстаўрацыі помнікаў і мясцін (Венецыянская хартыя). Арганізаваўшы шэраг мерапрыемстваў па папулярызацыі спадчыны, да міжнароднай кампаніі далучылася кіраўніцтва СССР. Усё часцей праблемы аховы помнікаў пачалі асвятляцца на старонках перыядычнага друку. Так, у прысвечанай году аховы помнікаў публікацыі

[22]НАРБ. Ф. 952. Воп. 3. Спр. 25. Арк. 104.
[23]Там жа. Арк. 101, 105.
[24]*Сурскі А.* Тайны Гомельскага музея // Літ. і мастацтва. 1964. 19 чэрв. (№ 49). С. 2.
[25]*Акуліч С.* Перапіска расце, а помнікі гінуць // Там жа. 1963. 4 студз. (№ 2). С. 3.
[26]*Зінгер З.* Захаваць помнік, стварыць музей // Там жа. 1961. 10 студз. (№ 3). С. 3.
[27]Научная экспедиция искусствоведов // Сов. Белоруссия. 1961. 20 сент. (№ 223). С. 4.
[28]Кинофильмы любителя // Там же. 9 дек. (№ 286). С. 4.
[29]*Тарасенко В.* Если любишь старину // Знамя юности. 1964. 26 нояб. (№ 234). С. 3.
[30]*Побаль Л.* Берагчы помнікі культуры // Літ. і мастацтва. 1964. 10 студз. (№ 3). С. 4.

І. Б. Элентуха быў дадзены рэтраспектыўны агляд савецкай дзяржаўнай палітыкі ў галіне аховы помнікаў, узняты вострыя пытанні захавання беларускай архітэктурнай спадчыны, такія як удзел грамадскасці ў яе ахове, а таксама знішчэнне храмаў падчас хрушчоўскай антырэлігійнай кампаніі[31].

«Адліга» легалізавала дзейнасць беларускіх калекцыянераў, многія з якіх актыўна ўдзельнічалі ў захаванні аб'ектаў гісторыка-культурнай спадчыны. У 1959 г. у Мінску адбылося адкрыццё клуба калекцыянераў, што аб'яднаў звыш 100 філатэлістаў, баністаў, нумізматаў, філуменістаў і філакартыстаў. Найбольш аўтарытэтныя з іх, стаж якіх вылічаўся дзясяткамі гадоў, увайшлі ў праўленне клуба (напрыклад, вядомы біёлаг акадэмік М. П. Томін)[32]. Адначасова з актывізацыяй збіральніцкай дзейнасці беларускія калекцыянеры вярнуліся да ідэі публічнага выкарыстання сабранага. У першую чаргу гэта праявілася ў арганізацыі выстаў з прыватных калекцый. Прынцыпова важны крок у гэтым кірунку быў зроблены ў 1964 г., калі на гістарычным факультэце БДУ імя Леніна на падмурку калекцыі вядомага вучонага-нумізмата В. Н. Рабцэвіча быў адкрыты нумізматычны кабінет, які адлюстроўваў грашовы зварот у Беларусі[33].

У 1961 г. фондавы збор Дзяржаўнага мастацкага музея БССР узбагаціўся карцінамі заходнееўрапейскага класічнага жывапісу XVII–XIX стст. з прыватнай калекцыі прафесара М. Ф. Габышава[34]. Сталым ахвярадаўцам Віцебскага абласнога краязнаўчага музея з'яўляўся мясцовы калекцыянер І. Д. Галькевіч[35]. Таксама з музеямі актыўна супрацоўнічаў уладальнік вялікай калекцыі матэрыяльнай культуры беларусаў М. В. Магільны[36]. Найбольш плённа з калекцыянерамі ўзаемадзейнічаў Дзяржаўны мастацкі музей БССР. Французская мастачка беларускага паходжання Н. Н. Хадасевіч-Лежэ, якая была знаёма з дырэктарам названага музея А. В. Аладавай, перадала ў дар музею некалькі дзясяткаў распісаных Пікасо талерак, калекцыю з больш за 150 вырабленых у Луўры класічных злепкаў, падборку эстампаў Ф. Лежэ, а таксама ўласныя супрэматычныя кампазіцыі[37].

Станаўленне грамадскага руху па захаванні помнікаў айчыннай культуры актуалізавала пытанне адраджэння краязнаўчага руху 1920-х гг. Адным з першых пра дасягненні беларускіх краязнаўцаў часоў беларусізацыі, у тым ліку ў помнікаахоўнай галіне, згадаў супрацоўнік лагойскай раённай газеты Б. Сасноўскі. На яго думку, базай адраджэння арганізацыйнай структуры краязнаўчага руху ў выглядзе сеткі рэгіянальных арганізацый павінны былі стаць АН БССР і Таварыства па распаўсюджванню палітычных і навуковых ведаў[38]. Неўзабаве група беларускай інтэлігенцыі выступіла з прапановай адрадзіць краязнаўчы часопіс «Наш край»[39].

Новай вехай у культурным жыцці Савецкай Беларусі, дзе сфера аховы помнікаў манапольна кіравалася дзяржавай, стала арганізацыя беларускага таварыства, дзейнасцю якога была ахова помнікаў гісторыі і культуры. Праца па ўзнікненні гэтай грамадскай арганізацыі распачалася пасля выхаду пастановы ЦК КПБ і Савета Міністраў БССР ад 19 чэрвеня 1965 г. «Аб стварэнні Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры»[40]. На працягу наступных паўтара гадоў прайшлі абласныя ўстаноўчыя канферэнцыі Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры, было створана больш за тысячу першасных арганізацый, куды ўступалі цэлымі калектывамі школ, тэхнікумаў, музеяў. У выніку да канца 1966 г. у яго складзе налічвалася каля 80 000 сябраў, дзейнасць якіх шырока асвятлялася ў мясцовых СМІ[41]. У 1965 г. у газеце «Літаратура і мастацтва» з'явілася сталая рубрыка «Помнікі нашага краю». У 1966 г. па сцэнарыю У. Караткевіча на Мінскай студыі хранікальна-дакументальных фільмаў рэжысёр Ю. Цвяткоў зняў стужку «Памяць каменя», дзе выразна прагучаў заклік абараняць помнікі культавага дойлідства. Разам з захапленнем прыгажосцю і багаццем айчыннай культурнай спадчыны да беларускай інтэлігенцыі прыйшло разуменне страт, якія яна пацярпела падчас хрушчоўскай антырэлігійнай кампаніі і эксперыментаў з аптымізацыяй выдаткаў на сферу культуры[42].

Актывісты Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры распачалі інвентарызацыю нерухомай культурнай спадчыны рэспублікі. У 1965 г. на ўлік былі ўзяты 2587 пом-

[31] *Элентух І.* Ведаць і ахоўваць помнікі мінулага // Літ. і мастацтва. 18 верас. (№ 75). С. 2.
[32] Клуб коллекционеров // Сов. Белоруссия. 1959. 19 авг. (№ 194). С. 4.
[33] *Фірштэйн Б.* Маўклівыя сведкі расказваюць // Літ. і мастацтва. 1966. 7 студз. (№ 3). С. 2.
[34] *Морозов М.* Судьба ценной коллекции // Сов. Белоруссия. 1961. 10 февр. (№ 35). С. 4.
[35] Редкая коллекция // Знамя юности. 1957. 20 окт. (№ 208). С. 2.
[36] *Зиновьев А.* Человек-музей // СБ. Беларусь сегодня. 2009. 8 сент. (№ 168). С. 13.
[37] Хораша на зямлі бацькоў // Літ. і мастацтва. 1967. 18 крас. (№ 31). С. 4.
[38] *Сасноўскі Б.* Аднавіць работу краязнаўчых таварыстваў // Там жа. 1960. 5 жн. (№ 63). С. 2.
[39] *Азгур З., Гурскі І., Клышка А., Лынькоў М., Лужанін М., Маўр Я. і інш.* Патрэбен краязнаўчы часопіс // Там жа. 1966. 9 мая (№ 38). С. 3.
[40] НАРБ. Ф. 4. Воп. 81. Спр. 1956. Арк. 17.
[41] Беларус. дзярж. арх. навук.-тэхн. дак. (БДАНТД). Ф. 297. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 35.
[42] *Чантурыя У.* Помнікі гісторыі і жывое жыццё… С. 1–2 ; *Шут К.* Помнікам старажытнасці – надзейную ахову // Чырв. змена. 1966. 5 чэрв. (№ 109). С. 3.

нікаў, праведзены кансервацыйныя работы на 19 аб'ектах, рабіліся захады па вызваленні помнікаў ад займаўшых іх гаспадарчых арганізацый. Гэта праца праводзілася з арганізацыйнай падтрымкай партыйных і савецкіх органаў[43]. Нарэшце ўлада пачула дырэктара Крычаўскага краязнаўчага музея М. Ф. Мельнікава, які раней безвынікова звяртаўся ў вышэйшыя інстанцыі з патрабаваннямі абараніць культурную спадчыну і пакараць вінаватых у яе знішчэнні. У снежні 1965 г. яго допіс пра склад селядцоў у Мсціслаўскім касцёле XVII ст.[44] выклікаў імгненную рэакцыю загадчыка аддзела агітацыі і прапаганды Магілёўскага абкама партыі, які пачаў «наводзіць парадак» у культавым будынку[45]. Разам з тым узаемадзеянне энтузіястаў аховы спадчыны з партыйнымі функцыянерамі мела ідэалагічныя межы, якія не варта было перакрочваць. Папрок А. А. Сурскага ў адносінах да Магілёўскага абласнога аддзялення Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры, якое брала на ўлік пераважна помнікі рэвалюцыйнай і баявой славы, часта ігнаруючы сапраўдныя культурныя каштоўнасці, не быў прыняты да ўвагі[46].

У Мінску 7 снежня 1966 г. адбыўся ўстаноўчы сход Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры, дзе з праграмным дакладам выступіў старшыня аргкамітэта, акадэмік-сакратар Аддзялення грамадскіх навук АН БССР Ц. С. Гарбуноў. Ён распявёў пра ўдзел савецкай дэлегацыі ў стварэнні ў 1965 г. Міжнароднай рады па пытаннях помнікаў і гістарычных мясцін (ІКАМОС), мерапрыемствы беларускіх цэнтральных і мясцовых улад па абароне культурнай спадчыны, яе важнасць для развіцця турызму. З яго даклада можна было таксама даведацца пра канкрэтныя захады па ахове помнікаў, зробленыя пасля з'яўлення пастановы ЦК КПБ і Савета Міністраў БССР ад 19 чэрвеня 1965 г., а менавіта пра вывядзенне з Полацкага Сафійскага сабора кніжнага складу, з Сынкавіцкай і Маламажэйкаўскай цэркваў – калгасных складоў, з замка Сапегаў у Быхаве – майстэрняў райпрамкамбіната і інш. Былі таксама агучаны планы аднавіць Мінскае замчышча, адкрыць філіял Дзяржаўнага музея БССР у Заслаўі і стварыць навукова-рэстаўрацыйныя майстэрні[47]. У спрэчках па дакладу Ц. С. Гарбунова ўдзельнічалі Л. С. Абэцэдарскі (запатрабаваў узмацніць адказнасць за псаванне культурнай спадчыны), У. А. Чантурыя (прапанаваў стварыць беларускі скансэн) і У. І. Стальмашонак (выступіў супраць зносу Нямігі)[48]. Напрыканцы сходу быў прыняты статут Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры, галоўнай мэтай дзейнасці якога з'яўлялася «прыцягненне шырокай грамадскасці да актыўнага ўдзелу ў ахове помнікаў гісторыі і культуры, павышэнне іх ролі ў камуністычным выхаванні савецкіх людзей». Быў абраны цэнтральны савет Беларускага дабраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры на чале з намеснікам старшыні Савета Міністраў БССР І. Ф. Клімавым[49].

Стварэнне Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры адкрыла якасна новую старонку ў гісторыі захавання нацыянальнай культурнай спадчыны. Яго сябры распачалі ратаваць ад разбурэння дзясяткі помнікаў, не далі напоўніцу рэалізавацца хрушчоўскай «архітэктурнай рэвалюцыі». Разам з тым намаганні энтузіястаў-аматараў прадэманстравалі арганізацыйную і рэсурсную слабасць дзяржаўнай сістэмы аховы помнікаў. Напрыклад, у 1965 г. на аднаўленне помнікаў дойлідства з рэспубліканскага бюджэта было выдзелена ўсяго 5000 руб.[50]

Згодна з пастановай ЦК КПБ і Савета Міністраў БССР ад 19 верасня 1967 г. у Міністэрстве культуры БССР быў створаны новы орган – Дзяржаўная інспекцыя па ахове помнікаў гісторыі, мастацтва, архітэктуры і археалогіі, на якую ўскладалася кіраўніцтва і каардынацыя ўсёй помнікаахоўнай дзейнасці ў рэспубліцы. Адпаведна дадзенай пастанове гісторыка-археалагічнымі запаведнікамі абвяшчаліся Верхні і Ніжні замкі ў Полацку ў комплексе з Сафійскім саборам, Замкавая гара ў Гродне з усімі архітэктурнымі і гістарычнымі помнікамі, Замкавая гара і могільнік у Пінску, старажытнае гарадзішча ў комплексе з Спаса-Праабражэнскай царквой і магілай Рагнеды ў Заслаўі Мінскай вобласці. Акрамя таго, вакол найбольш каштоўных помнікаў і гістарычных забудоў у гарадах усталёўваліся ахоўныя зоны. Партыйныя савецкія органы павінны былі забяспечыць рэстаўрацыю помнікаў, якія размяшчаліся на турыстычных маршрутах, і іх рацыянальнае выкарыстанне ў якасці музеяў, бібліятэк, дамоў адпачынку, турбаз[51].

[43]БДАНТД. Ф. 297. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 11–21.
[44]*Мельнікаў М.* Нельга быць раўнадушным // Літ. і мастацтва. 1965. 28 верас. (№ 78). С. 3.
[45]Пад аховай грамадскасці // Там жа. 14 снеж. (№ 100). С. 2.
[46]*Сурскі А.* Колькі гадоў Магілёву? // Там жа. 1966. 24 мая (№ 42). С. 2.
[47]Ведаць, шанаваць, берагчы. Устаноўчы з'езд Беларускага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры // Літ. і мастацтва. 1966. 13 снеж. (№ 100). С. 1–2.
[48]БДАНТД. Ф. 297. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 1–2.
[49]Там жа. Арк. 25–65.
[50]Там жа. Арк. 22.
[51]Аб стане і мерах паляпшэння аховы помнікаў гісторыі, мастацтва і архітэктуры ў Беларускай ССР // Зб. законаў, указаў Прэзідыума Вярх. Савета Беларус. ССР, пастаноў і распараджэнняў Савета Міністраў Беларус. ССР. 1967. № 28. С. 565–568.

Намаганні дзяржавы і грамадства па ахове нацыянальнай культурнай спадчыны ў 1953–1968 гг. падсумаваў прыняты 26 снежня 1969 г. Вярхоўным Саветам БССР закон, адпаведна якому можна рэгуляваць увесь спектр праваадносін у помнікаахоўнай сферы[52].

Такім чынам, у часы хрушчоўскай «адлігі» ў БССР адбылася змена характару аховы і выкарыстання культурнай спадчыны, калі да галіновых помнікаахоўных дзяржаўных структур далучыўся грамадскі рух па выяўленні і выратаванні помнікаў гісторыі і культуры. Гэта быў супярэчлівы працэс, які суправаджаўся масавым знішчэннем культавых будынкаў падчас антырэлігійнай кампаніі канца 1950-х – першай паловы 1960-х гг., а таксама скарачэннем дзяржаўнага фінансавання музеяў і аховы помнікаў. Тым не менш менавіта ў гэты час адбылося каштоўнаснае пераасэнсаванне помнікаў, якія ўсё часцей разумеліся як мастацкая з'ява, а іх рэлігійны і класавы складнікі адсоўваліся на задні план. Калі на пачатку разглядаемага перыяду «адлігі» помнікамі архітэктуры Беларусі апекаваліся асобныя чыноўнікі і вучоныя паводле ўласных службовых заняткаў, то напрыканцы гэтага 15-годдзя да справы выратавання культурнай спадчыны далучыліся пісьменнікі, мастакі, журналісты, настаўнікі і навучэнцы. Нягледзячы на тое што пасля стварэння ў 1966 г. Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры грамадскі помнікаахоўны рух арганізацыйна і ідэалагічна быў пастаўлены пад партыйны кантроль, ён аб'ектыўна спрыяў змяшчэнню спадчыны ў нацыянальны дыскурс.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Кацер МС. *Белорусская архитектура. Исторический очерк*. Минск: Государственное издательство БССР; 1956. 120 с.
2. Загорульский ЭМ. *Древний Минск*. Минск: Государственное издательство БССР; 1963. 117 с.
3. Элентух И, составитель. *По дорогам времени. Фотоальбом*. Минск: Беларусь; 1966. 71 с. (Исторические памятники Белоруссии).
4. Чантурия ВА. *Архитектура Белоруссии конца XVIII – начала XIX века*. Минск: Издательство Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР; 1962. 167 с.

References

1. Katser MS. *Belorusskaya arkhitektura. Istoricheskii ocherk* [Belarusian architechture. Historical study]. Minsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo BSSR; 1956. 120 p. Russian.
2. Zagorul'skii EM. *Drevnii Minsk* [Old Minsk]. Minsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo BSSR; 1963. 117 p. Russian.
3. Elentukh I, compiler. *Po dorogam vremeni. Fotoal'bom* [On the roads of time. Photoalbum]. Minsk: Belarus'; 1966. 71 p. (Istoricheskie pamyatniki Belorussii). Russian.
4. Chanturia VA. *Arhitektura Belorussii konca XVIII – nachala XIX veka* [Architechture of Belarus. End of the 18th – the beginning of the 19th century]. Minsk: Izdatel'stvo Ministerstva vysshego, srednego, spetsyal'nogo i professional'nogo obrazovania BSSR; 1962. 167 p. Russian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 11.06.2021.
Received by editorial board 11.06.2021.

[52]Аб ахове помнікаў культуры // Там жа. 1969. № 36. С. 857–862.

Источниковедение
Крыніцазнаўства
Source studies

УДК [39:006.95-035.31/.32+398.33](=161.3)(476.1-89)

ТРАДИЦИОННЫЙ БЕЛОРУССКИЙ ДЕРЕВЯННЫЙ КАЛЕНДАРЬ ИЗ СЛУЦКОГО УЕЗДА

И. С. БУТОВ[1]***, Д. В. СКВОРЧЕВСКИЙ***[2]

[1]*Независимый исследователь, г. Минск, Беларусь*
[2]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Отмечено, что резные деревянные календари использовались многими народами с эпохи Средневековья до начала XX в. И если скандинавские достаточно хорошо изучены, то о существовании у белорусов подобных календарей долгое время не было известно. В Российском этнографическом музее хранится резной деревянный календарь-посох из д. Чудин Слуцкого уезда. На сегодняшний день это единственный такой белорусский артефакт. Представлено его описание, а также дан краткий обзор других календарей схожего типа и показаны предпосылки для формирования и распространения подобных артефактов на территории Беларуси. Отдельно рассмотрена знаковая система, используемая для обозначения праздничных дней и периодов сельскохозяйственных работ, которые соотносятся с календарной традицией региона. На основании полученных данных сделаны выводы о местном происхождении календаря-посоха.

Ключевые слова: резной деревянный календарь; народный календарь; праздники; знаковая система.

Благодарность. Авторы выражают благодарность доктору исторических наук заместителю директора по научной и инновационной работе Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси С. П. Витязю за помощь в организации командировки для исследования календаря в Российском этнографическом музее,

Образец цитирования:
Бутаў ІС, Скварчэўскі ДВ. Традыцыйны беларускі драўляны каляндар са Слуцкага павета.*Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.* 2021;3:97–110.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-97-110

For citation:
Butov IS, Skvarcheuski DV. Traditional Belarusian wooden calendar from Sluck County. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;3:97–110. Belarusian.
https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-3-97-110

Авторы:
Илья Станиславович Бутов – кандидат сельскохозяйственных наук; независимый исследователь.
Дмитрий Вячеславович Скворчевский – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета.

Authors:
Ilya S. Butov, PhD (agricultural science); independent researcher.
illiabutov@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-3187-3552
Dzmitry V. Skvarcheuski, PhD (history); associate professor at the department of Belarus history of the ancient time and the Middle Ages, faculty of history.
skvarcheuski@inbox.ru
https://orcid.org/0000-0001-6855-0867

а также научному сотруднику высшей категории отдела этнографии русского народа Российского этнографического музея О. Г. Барановой за возможность ознакомиться с экспонатом и оказанные консультации.

ТРАДЫЦЫЙНЫ БЕЛАРУСКІ ДРАЎЛЯНЫ КАЛЯНДАР СА СЛУЦКАГА ПАВЕТА

***І. С. БУТАЎ*[1*], *Д. В. СКВАРЧЭЎСКІ*[2*]**

[1*]*Незалежны даследчык, г. Мінск, Беларусь*
[2*]*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Адзначана, што разьбяныя драўляныя календары выкарыстоўваліся многімі народамі з эпохі Сярэднявякоўя да пачатку XX ст. І калі скандынаўскія даволі добра вывучаны, то пра існаванне ў беларусаў падобных календароў доўгі час не было вядома. У Расійскім этнаграфічным музеі захоўваецца разьбяны драўляны каляндар-посах з в. Чудзін Слуцкага павета. На сённяшні дзень гэта адзіны такі беларускі артэфакт. Прадстаўлена яго апісанне, а таксама зроблены кароткі агляд іншых календароў сходнага тыпу і паказаны перадумовы для фарміравання і пашырэння падобных артэфактаў на тэрыторыі Беларусі. Асобна разгледжана знакавая сістэма, якая выкарыстоўваецца для пазначэння святочных дзён і перыядаў сельскагаспадарчых работ, што суадносяцца з каляндарнай традыцыяй рэгіёна. На падставе атрыманых звестак зроблены высновы пра мясцовае паходжанне календара-посаха.

Ключавыя словы: разьбяны драўляны каляндар; народны каляндар; святы; знакавая сістэма.

Падзяка. Аўтары выказваюць падзяку доктару гістарычных навук намесніку дырэктара па навуковай і інавацыйнай рабоце Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі С. П. Віцязю за дапамогу ў арганізацыі камандзіроўкі для даследавання календара ў Расійскім этнаграфічным музеі, а таксама навуковаму супрацоўніку вышэйшай катэгорыі аддзела этнаграфіі рускага народа Расійскага этнаграфічнага музея В. Г. Баранавай за магчымасць азнаёміцца з экспанатам і аказаныя кансультацыі.

TRADITIONAL BELARUSIAN WOODEN CALENDAR FROM SLUCK COUNTY

***I. S. BUTOV*[a], *D. V. SKVARCHEUSKI*[b]**

[a]*Independent researcher, Minsk, Belarus*
[b]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Corresponding author: D. V. Skvarcheuski (skvarcheuski@inbox.ru)

Carved wooden calendars were known to many peoples from the Middle Ages to the beginning of the 20th century. For example, the Scandinavian ones are well enough studied, but about the existence of such calendars among Belarusians wasn’t known for a long time. The Russian Museum of Ethnography has a carved calendar from the Sluck County. Today it is the only such Belarusian artifact. The article presents a description of a carved wooden calendar from the Čudzin Village, Sluck County. A brief overview of other calendars of a similar type is shown. The prerequisites for the formation and distribution of such artifacts on the territory of Belarus were studied. The article discusses the sign system used to designate holidays and working periods, which correlate with the calendar tradition of the region. Based on the data obtained, the authors draw conclusion about the local origin of the calendar.

Keywords: carved wooden calendar; folk calendar; feast days; graphic sign system.

Acknowledgements. The authors are grateful to doctor of science (history) deputy director for scientific and innovative work of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Researches of the National Academy of Sciences of Belarus S. P. Vitsiaz for his help in organising a visit to study the calendar at the Russian Museum of Ethnography and to researcher of the highest category at the department of ethnography of Russian people of the Russian Museum of Ethnography O. G. Baranova for providing the opportunity to explore the artifact and for the consultations.

Уводзіны

Разьбяныя драўляныя календары, якія маюць выгляд бруска ці кія з нанесенымі на іх засечкамі і адмысловымі знакамі, вядомы на тэрыторыі краін Скандынавіі (мал. 1) [1], Прыбалтыкі [2], Рускай Поўначы [3; 4], Балгарыі [5] і ў іншых рэгіёнах. Звычайна назвы месяцаў на паверхні такіх календароў не падпісаны, а адмысловай сістэмай засечак пазначаны дні, тыдні, месяцы і нерухомыя царкоўныя святы [6; 7, с. 3].

У той жа час практычна нічога невядома пра беларускія драўляныя календары. Пра іх выкарыстанне на тэрыторыі Рэчыцкага Палесся ў канцы XIX – пачатку XX ст. згадваў этнограф Ч. Пяткевіч. Ён адзначаў, што на Палессі на кляновых кіях насякалі шчаслівыя дні, а таксама выраблялі кіі з ляшчыны, на якіх выразалі працоўныя дні [8, с. 278–279]. Гэта ўжо не былі календары ў поўным сэнсе слова, аднак дадзеныя факты сведчаць пра імавернасць існавання ў сялянскім асяроддзі разьбяных драўляных календароў. Таксама ў літаратуры ёсць згадкі пра так званы карэц-брацiну (выяўлены ў Гродне, але да гэтага, магчыма, экспанаваўся ў музеі Магілёва) з меркаванымі выявамі знакаў задыяка альбо сімвалічнымі выявамі месяцаў. Па розных ацэнках, ён датуецца IX–XII ці нават XVI ст. [9, с. 363–365; 10; 11]. Гэтым фактычна і абмяжоўваюцца вядомыя звесткі пра існаванне драўляных календароў на тэрыторыі Беларусі.

Асобна трэба сказаць пра табакерку-каляндар з калекцыі Віцебскага абласнога краязнаўчага музея (мал. 2), якая была выраблена ў Швецыі ў 1812 г. Асаблівасць падобных табакерак-календароў заключаецца ў тым, што яны генетычна звязаны са скандынаўскімі рунічнымі календарамі XVI–XVII стст. Дадзеная сувязь выразна прасочваецца ў аднолькавай структуры (пазначэнні дзён, свят, месячнага цыкла) і ў выкарыстанні адных і тых жа адмысловых сімвалаў для пазначэння святочных дзён. Акрамя таго, як можна ўбачыць на прадмеце з калекцыі музея ў Віцебску, табакерка ўспрымалася як рунічны каляндар, пра што сведчыць наяўнасць адпаведнага тэрміна (*Runstav*) у надпісе на табакерцы: *Runstafwen Forswenskad*. Першая падобная табакерка-каляндар была зроблена ў Швецыі ў 1787 г., а наступныя вырабы выпускаліся ў 1794, 1802, 1812 і 1827 гг. На верхняй крышцы табакеркі змяшчаецца каляндар на першае паўгоддзе (студзень – чэрвень), а на адваротным баку – на другое (ліпень – снежань). Злева падпісаны назвы месяцаў, а сам каляндар арганізаваны ў тры радкі. Сярэдні радок з'яўляецца асноўным і ўтрымлівае паўторны шэраг літар A, B, C, D, E, F, G, якія пазначаюць дні тыдня, у колькасці ад 28 да 31 у залежнасці ад месяца. У верхнім радку размяшчаюцца ўмоўныя знакі для святочных дзён, а ў ніжнім – літары і кропкі, якія выкарыстоўваюцца для пазначэння месячнага календара [12, с. 83–84].

Мал. 1. Рунічныя драўляныя календары на гравюры О. Магнуса з кнігі «Historia de gentibus septentrionalibus» (1555)

Fig. 1. Runic wooden calendars engraved by O. Magnus from the book «Historia de gentibus septentrionalibus» (1555)

Мал. 2. Адзін з бакоў табакеркі-календара з калекцыі Віцебскага абласнога краязнаўчага музея (фота В. Ануфрыевай)

Fig. 2. One of the sides of the snuffbox-calendar from the collection of the Vitebsk Regional Museum of Local Lore (photo by O. Anufrieva)

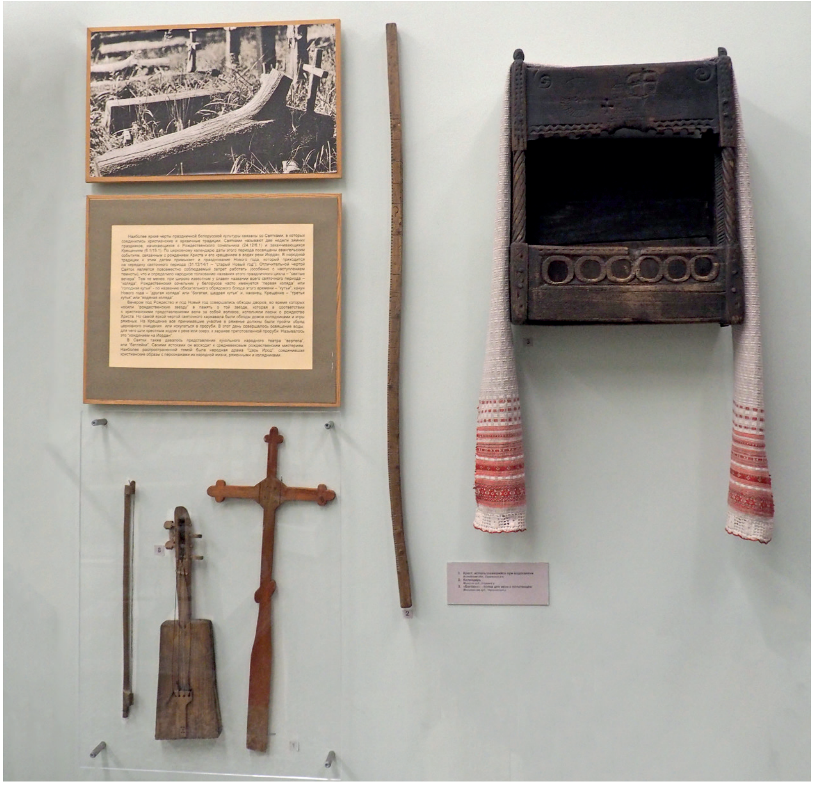
Дадзены артэфакт, безумоўна, не можа характарызаваць традыцыйны беларускі каляндар. Аднак можна дапусціць магчымасць пэўнага ўплыву падобных вырабаў на стварэнне сялянамі ўласных календароў праз капіраванне структуры і асобных элементаў і іх перапрацоўку з улікам мясцовай спецыфікі. Падобным чынам скандынаўскія рунічныя календары былі адаптаваны ў XVII ст. да каляндарных традыцый Літвы [2, с. 339–343].

Нягледзячы на абмежаванасць звестак пра беларускія драўляныя календары, ёсць адзін артэфакт, пра які доўгі час не было вядома. Яшчэ на пачатку XX ст. знакаміты этнограф А. Сержпутоўскі выявіў на тэрыторыі Слуцкага павета драўляны кій з засечкамі, тыпалагічна блізкі да паўночных календароў, і перадаў яго ў Расійскі этнаграфічны музей (РЭМ). Калі не лічыць кароткай згадкі пра існаванне дадзенага экспаната ў дысертацыі Д. Скварчэўскага[1] ў 2016 г., у навуковы абарот інфармацыя пра яго была ўведзена толькі ў 2020 г. В. Баранавай і В. Сядых на канферэнцыі «Экспедыцыя працягласцю ў жыццё. Актуальныя пытанні археалогіі і нумізматыкі Беларусі і сумежных рэгіёнаў», прысвечанай памяці археолага А. Плавінскага. У выніковай публікацыі дэталёва апісаны каляндар[2], патлумачаны яго структура і прынцып выкарыстання, зроблена спроба атрыбуцыі экспаната, аднак фактычна не закрануты пытанні, што датычацца гісторыка-культурных аспектаў выкарыстання артэфакта [13]. Адпаведна, мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца інтэрпрэтацыя календара з калекцыі РЭМ у кантэксце іншых вядомых разьбяных календароў, а таксама беларускай традыцыйнай культуры і народнай каляндарнай традыцыі ў прыватнасці.

Першасны агляд і апісанне выкананы І. Бутавым непасрэдна падчас працы з артэфактам у РЭМ. Праверка атрыманых звестак і наступнае вывучэнне календара ажыццяўляліся па фотаздымках і прамалёўцы, зробленай Д. Собаль наўпрост з экспаната ў РЭМ.

Асноўная частка

Драўляны каляндар са Слуцкага павета экспануецца ў РЭМ у раздзеле, прысвечаным Беларусі (мал. 3). Паводле запісу ў калекцыйным вопісе РЭМ № 3792, ён быў атрыманы ў падарунак ад А. Сержпутоўскага этнаграфічным аддзелам музея ў 1918 г., а да гэтага знаходзіўся ў в. Чудзін Круговіцкай воласці



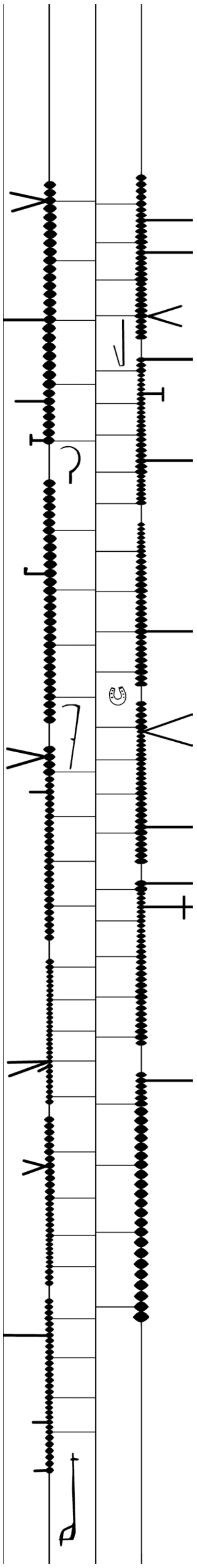
Мал. 3. Каляндар са Слуцкага павета (у цэнтры) у экспазіцыі РЭМ (фота І. Бутава)
Fig. 3. Calendar from Sluck County (in centre) in the Russian Museum of Ethnography exposition (photo by I. Butov)

[1] *Скварчэўскі Д. В.* Фарміраванне і развіццё астранамічных ведаў у Вялікім Княстве Літоўскім у XIV–XVII стст. : дыс. … канд. гіст. навук. Мінск, 2016. С. 33.
[2] Варта звярнуць увагу на тэхнічную недакладнасць, якая прысутнічае ў дадзенай публікацыі. У прамалёўцы календара няма адзнак свят 8 і 14 верасня, хаця пры гэтым святы згадваюцца ў тэксце артыкула.

Слуцкага павета Мінскай губерні (зараз аграгарадок Чудзін Ганцавіцкага раёна Брэсцкай вобласці). У нататцы № 3792-9 да гэтага запісу адзначана, што каляндар «представляет собой четырехгранную деревянную трость (дл. 1,12 м), на которой сделаны нарезки на каждый день в течение високосного года с обозначением воскресных и праздничных дней и знаки: соха, коса, серп, цеп и подкова» [13, с. 705]. Хутчэй за ўсё, каляндар быў выразаны ў XIX ст., але з ранейшага ўзору.

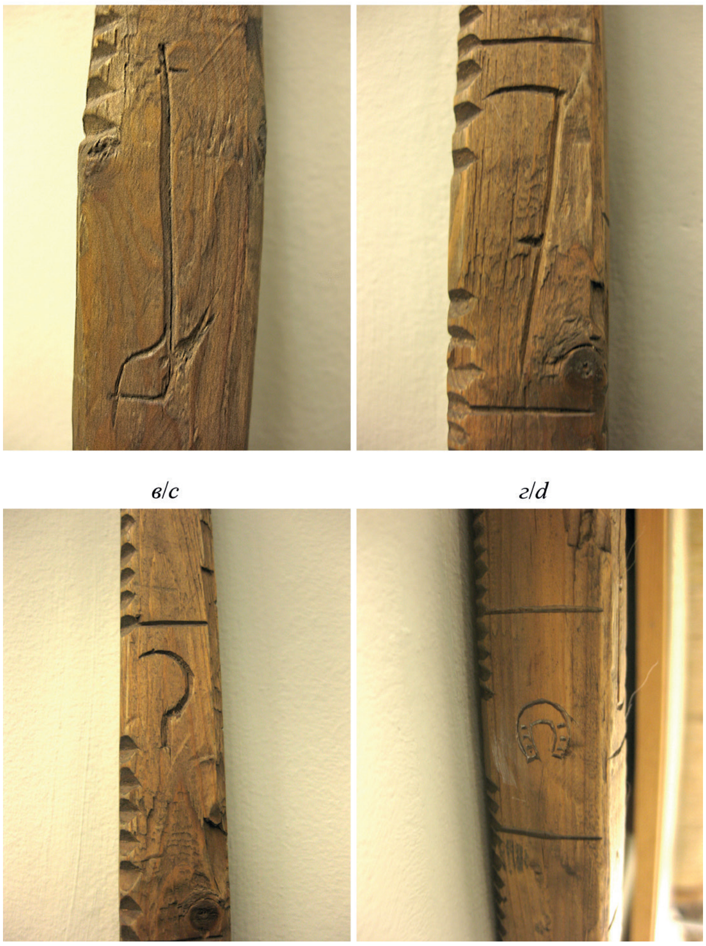
Драўляны каляндарны кій са Слуцкага павета (мал. 4) падзелены вертыкальнымі лініямі на 26 частак. Кожная частка адпавядае тыдню. Такім чынам, адзін бок кія змяшчае паўгоддзе з сакавіка па жнівень, а другі – з верасня па люты. Зверху з аднаго боку ёсць засечкі, што пазначаюць дні. На грані, якая змяшчае месяцы з сакавіка па жнівень, лік дзён вядзецца злева направа, на грані, якая змяшчае месяцы з верасня па люты, – справа налева, пры гэтым каляндар трэба паварочваць ад сябе. Лік вядзецца па засечках, размешчаных на гранях з пазначэннем свят – першай і трэцяй. На другой і чацвёртай гранях засечкі згрупаваны па 7 (адпавядаюць тыдню) і па 30–31 (адпавядаюць месяцу), тыдні падзелены між сабой 52 простымі вертыкальнымі лініямі, што ідуць у процілеглы бок ад знака (адпавядаюць колькасці тыдняў у годзе). Вертыкальныя лініі, якія размяжоўваюць тыдні, размешчаны на нядзелях, а паміж месяцамі пакінуты прамежкі каля 1 см.

Выявы сельскагаспадарчых прылад можна суаднесці з адпаведным працоўным перыядам: саха – вясна, каса і серп – лета, падкова – восень, цэп – зіма. Першая выява, саха, знаходзіцца паміж 1 і 6 сакавіка (мал. 5, *а*). Паміж 27 чэрвеня і 4 ліпеня размешчаны знак касы (гл. мал. 5, *б*), паміж 25 ліпеня і 1 жніўня – сярпа (гл. мал. 5, *в*), паміж 27 кастрычніка і 3 лістапада – падковы (гл. мал. 5, *г*), а паміж 29 снежня і 5 студзеня – цэпа (мал. 6). Падобныя выявы сустракаюцца на пераважнай большасці вядомых драўляных календароў у краінах Паўночнай Еўропы, аднак трэба адзначыць, што звычайна іх значна больш, практычна кожнае свята можа атрымліваць сваё графічнае ўвасабленне. У гэтым плане беларускі каляндар досыць бедны на адмысловыя выявы, але ў дадатак да іх для пазначэння свят выкарыстана не ідэнтыфікаваная да канца сістэма знакаў на бакавых гранях (малыя і доўгія рыскі, касыя рыскі, знак, падобны на літару Т, знакі ў выглядзе лацінскай літары V і г. д.). Умоўна ўсе знакі можна падзяліць на асноўныя, якія служаць для вызначэння гадавых свят, і дадатковыя, якія маркіруюць перыяды галоўных штогадовых сельскагаспадарчых работ.



Мал. 4. Выявы на гранях календара (прамалёўка Д. Собаль)

Fig. 4. Images on the edges of the calendar (drawing by D. Sobal)



Мал. 5. Выявы на календары:
а – саха; *б* – каса; *в* – серп; *г* – падкова (фота І. Бутава)

Fig. 5. Images on the calendar:
a – plow; *b* – scythe; *c* – sickle; *d* – horseshoe (photo by I. Butov)

Мал. 6. Выява цэпа (фота І. Бутава)

Fig. 6. Image of a beater (photo by I. Butov)

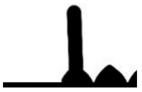
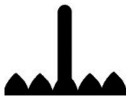
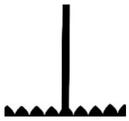
На другой і чацвёртай бакавых гранях кія мы налічылі 365 засечак, што адпавядае колькасці дзён у звычайным, невысакосным, годзе. Аднак паколькі А. Сержпутоўскі пісаў пра «высакосны год», мабыць, ён меркаваў, што засечак усё ж 366. Невядома, абапіраўся вучоны на звесткі дарыльшчыка календара або падлічыў іх сам і спыніўся на такой лічбе. Як бы там ні было, пацвердзіць меркаванне А. Сержпутоўскага паўторным пералікам мы не змаглі. Акрамя таго, усе адзначаныя на календары святы з'яўляюцца нерухомымі, таму ён будзе актуальным і можа аднолькава выкарыстоўвацца і ў невысакосныя, і ў высакосныя гады. Па гэтай прычыне само пытанне пра дакладнасць звестак А. Сержпутоўскага не з'яўляецца прынцыповым і істотным для разумення календара. Улічваючы вышэйсказанае, а таксама наяўнасць адзнак менавіта для 365 дзён, аднясіць выраб дадзенага артэфакта да аднаго з высакосных гадоў XIX ст. (1824, 1852 ці 1880), як гэта зрабілі В. Баранава і В. Сядых [13, с. 705], з нашага пункта гледжання, некарэктна. З аднаго боку, можна дапусціць імавернасць вырабу календара ў нейкі высакосны год, хаця пры гэтым сам артэфакт будзе адлюстроўваць звычайны год. Аднак згаданая вышэй версія грунтуецца на тым, што і каляндар, і дата яго вырабу з'яўляюцца высакоснымі, але, як ужо было сказана, у разглядаемым артэфакце пазначаны 365 дзён, а гэта сведчыць пра адлюстраванне менавіта звычайнага года.

Новы год у найбольш пашыраных тыпах разьбяных календароў з іншых праваслаўных рэгіёнаў мог пачынацца ці з 1 сакавіка, ці з 1 верасня, што адпавядае архаічнай вясковай традыцыі [7, с. 3]. Як адзначаў В. Сразнеўскі, адлік года на разьбяных «усходніх праваслаўных» календарах па большай частцы вядзецца з 1 сакавіка [14, с. 72]. Пачатак года на гродненскім каляндарным каўшы таксама знаходзіцца ў сакавіку. На думку С. Віцязя, навагодняя дата адпавядае перыяду вясновага раўнадзенства [10, с. 92–93]. У вывучаемым намі календары год адлічваецца з сакавіка, на што ўказвае месцазнаходжанне месяца на пачатку грані з левага боку [13, с. 705].

Калі адлічваць год з 1 сакавіка, то ў календары са Слуцкага павета ў межах кожнага месяца вылучаюцца знакамі наступныя даты[3] (гл. табліцу).

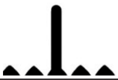
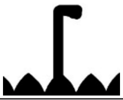
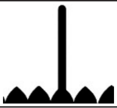
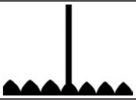
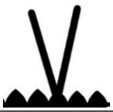
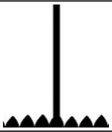
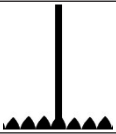
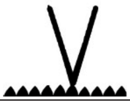
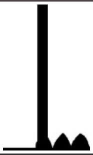
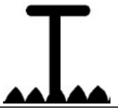
Святы і знакі для іх пазначэння на календары з в. Чудзін Слуцкага павета

Feast days and signs to mark them on the calendar from the Čudzin Village, Sluck County

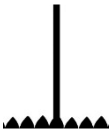
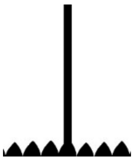
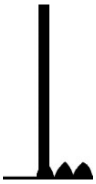
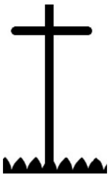
Дзень	Царкоўнае свята	Народная назва	Умоўны знак
Сакавік (перыяд з 1 па 6 сакавіка пазначаны *сахой*)			
1	Прападобнай мучаніцы Еўдакіі	Аўдокі (Аўдакей)	
9	Святых сарака мучанікаў Севасційскіх	Саракі	
25	Благавешчанне Прасвятой Багародзіцы	Благавешчанне	
Красавік			
23	Святога велікамучаніка Георгія Пераможцы	Юрэй (Юр'я)	
Май			
8	Апостала і евангеліста Іаана Багаслова	Мікольны Іван (Іван Веснавы)	
9	Перанясенне мошчаў свяціцеля і цудатворца Мікалая з Мір Лікійскіх у Бар	Мікола	

[3]Царкоўныя святы прадстаўлены з захаваннем традыцыйнага для рэлігійных тэкстаў напісання. Народныя назвы свят пададзены максімальна блізка да тых, якія існавалі ў першай палове XX ст. у Слуцкім павеце і Усходнім Палессі. Яны прыводзяцца паводле публікацый Ч. Пяткевіча [8], А. Сержпутоўскага [15], С. Талстой [16], К. Машыньскага [17].

Працяг табліцы
Continuation table

Дзень	Царкоўнае свята	Народная назва	Умоўны знак
Чэрвень (перыяд з 27 чэрвеня па 4 ліпеня пазначаны *касой*)			
24	Нараджэнне слаўнага Прарока, Прадцечы і Хрысціцеля Гасподняга Іаана	Купало (Іван Купальны)	
29	Слаўных і ўсяхвальных першавярхоўных апосталаў Пятра і Паўла	Пятро	
Ліпень (перыяд з 25 ліпеня па 1 жніўня пазначаны *сярпом*)			
20	Прарока Іліі	Ілля	
Жнівень			
1	Вынясенне пачэсных дрэў Жыватворнага Крыжа Гасподняга	Макавей	
6	Праабражэнне Госпада Бога і Збавіцеля нашага Ісуса Хрыста	Іспас	
15	Успенне Прасвятой Уладычыцы нашай Багародзіцы і Вечнадзевы Марыі	Усьпленне	
29	Усекнавенне галавы Прарока, Прадцечы і Хрысціцеля Гасподняга Іаана	Галавасек	
Верасень			
8	Нараджэнне Прасвятой Уладычыцы нашай Багародзіцы і Вечнадзевы Марыі	Багатнік	
14	Уздзвіжанне Пачэснага і Жыватворнага Крыжа Гасподняга	Звіжанне	
26	Спачын апостала і евангеліста Іаана Багаслова	Багаслоў	
Кастрычнік (перыяд з 27 кастрычніка па 3 лістапада пазначаны *падковай*)			
1	Пакроў Прасвятой Уладычыцы нашай Багародзіцы і Вечнадзевы Марыі	Пакровы (ці Пакрава)	
8	?	?	
22	Казанскай іконы Божай Маці	Казанская	

Заканчэнне табліцы
Ending table

Дзень	Царкоўнае свята	Народная назва	Умоўны знак
Лістапад			
21	Увядзенне ў храм Прасвятой Уладычыцы нашай Багародзіцы і Вечнадзевы Марыі	Зведзенне	
Снежань (перыяд з 29 снежня па 5 студзеня пазначаны *цэпам*)			
6	Свяціцеля Мікалая, архіепіскапа Мір Лікійскіх, цудатворца	Мікола	
25	Нараджэнне Госпада Бога і Збавіцеля нашага Іісуса Хрыста	Першая Каляда (Ражство)	
Студзень			
1	Святога Васіля Вялікага	Другая Каляда (Васілье)	
6	Святое Богаяўленне; Хрышчэнне Госпада Бога і Збавіцеля нашага Іісуса Хрыста	Трэйцяя Каляда (Вадохрышчэ)	
Люты			
2	Стрэчанне Госпада Бога і Збавіцеля нашага Іісуса Хрыста	Грамніцы	

Заўвага. Знакам ? пазначана спрэчная інтэрпрэтацыя.

Як можна заўважыць, у разглядаемым календары адлюстраваны выключна нерухомыя святы, характэрныя для праваслаўнай царквы і вядомыя ў народнай традыцыі рэгіёна, з якога паходзіць артэфакт. Адзіная пазнака, што выклікае цяжкасці ў інтэрпрэтацыі, адносіцца да 8 кастрычніка. Паводле меркавання В. Баранавай і В. Сядых, яна адпавядае дню памяці святых Айцоў VII Сусветнага сабору [13, с. 707]. У той жа час варта звярнуць увагу, што гэта свята не прадстаўлена ў беларускім народным календары, таму яго прысутнасць выглядае малаімавернай з-за малой значнасці. Акрамя таго, нельга не звярнуць увагу на тое, што дзень памяці святых Айцоў VII Сусветнага сабору з'яўляецца рухомым і можа адзначацца не толькі 8 кастрычніка, але і ў іншыя даты. З улікам таго, што ў дадзеным артэфакце прадстаўлены толькі нерухомыя святы, то пазначэнне на ім гэтага царкоўнага свята лічым немагчымым.

У цэлым у беларускім народным календары 8 кастрычніка фактычна ніяк не адлюстравана. Ёсць адзіная згадка ў літаратуры, што ў гэты дзень адзначаецца прысвятак Трыфана і Пелагеі, які ўвасабляе надыход халоднай пары і патрэбу рыхтаваць зімовае адзенне: «Трыфан, Пелагея золкім ветрам вее», «Трыфан кажух латае, Палагея рукавічкі вяжа» [18, с. 158]. Між тым вядомасць дадзенага свята сярод беларусаў іншымі крыніцамі не пацвярджаецца. Апрача таго, гэта занадта дробны прысвятак, які вылучаецца сярод астатніх адлюстраваных у календары значных свят. Грунтуючыся на гэтым, мы

не бяромся сцвярджаць, што тут маецца на ўвазе менавіта прысвятак Трыфана і Пелагеі. Застаецца пад пытаннем, чаму ў календары адзначана 8 кастрычніка. Магчыма, гэта пазнака актуальнага для мясцовай супольнасці лакальнага фэсту, які ўзнік не на падставе царкоўнага свята, а ў выніку нейкага цудоўнага прэцэдэнту ці надзвычайнай сітуацыі. Наяўнасць дадзенай даты можна вылучыць у якасці адметнай асаблівасці разьбянога календара з в. Чудзін Слуцкага павета.

В. Баранава і В. Сядых адзначаюць спецыфіку святочнага шэрагу календара: у адрозненне ад большасці іншых на ім адсутнічаюць пазначэнні дзён шанавання мясцовых святых [13, с. 707]. Як пісаў пра разьбяныя календары М. Канстанцінаў, «при полном числе непереходящих двунадесятых и почти сходном списке великих праздников едва ли не в каждом деревянном экземпляре отмечены разные имена восточных и особенно русских святых» [6, с. 88]. Як бачна, вывучаемы каляндар з'яўляецца выключэннем. Відаць, тут варта шукаць мноства прычын. Выкажам некалькі здагадак, якія могуць патлумачыць дадзеную асаблівасць. Па-першае, на календары адлюстраваны найбольш значныя гадавыя святы, якія маюць важнае значэнне ў беларускай народнай культуры. Гэтыя святы спалучаюць дахрысціянскія і хрысціянскія звычаі, а таксама самі па сабе сталі грунтам для наступнай міфалагізацыі. Адзначаныя на календары святочныя даты з'яўляюцца маркерамі асноўных прыродных сезонаў і перыядаў сельскагаспадарчых работ. Дні шанавання мясцовых святых у гэтым плане з'яўляюцца другаснымі, яны прыходзяцца на даты, якія не іграюць значнай ролі ў сакральным і гаспадарчым гадавым цыкле мясцовага традыцыйнага грамадства, а таму не знайшлі адлюстравання ў вывучаемым разьбяным календары. Па-другое, на адсутнасць у ім дзён шанавання мясцовых святых таксама можа ўплываць рэгіянальны фактар: у пэўным населеным пункце і лакальнай супольнасці, у якой ствараўся каляндар, шанаванне гэтых святых не было характэрна.

Хоць сімвалы, што пазначаюць святы, і маюць стылістычнае падабенства са знакамі на іншых календарах, прамых супадзенняў і аналагаў, якія дазваляюць казаць пра запазычванні ці агульную традыцыю, не выяўлена. Гэта можа сведчыць пра існаванне ўласна распрацаванай арыгінальнай сістэмы пазначэння святочных дзён.

На жаль, не ўсе знакі, якія выкарыстоўваюцца для тых ці іншых свят, маюць зразумелую семантыку, але пэўныя заканамернасці можна выявіць. Доўгая прамая лінія пазначае дванадзясятыя гасподнія і багародзічныя святы праваслаўнай царквы, да якіх стваральнік календара таксама далучае святы Пакровы і Казанскай іконы Божай Маці, што адпавядае праваслаўнай традыцыі лічыць іх багародзічнымі. Аднак можа ўзнікнуць пытанне: «Чаму такі ж самы знак пазначае 1 студзеня?» Тут справа можа быць у асаблівасцях інтэрпрэтацыі свята Васіля Вялікага, якое злучаецца са святам Абразання. Апошняе свята, у сваю чаргу, з'яўляецца гасподнім (хоць і не дванадзясятым), а такія святы на календары пазначаюцца якраз доўгай прамой лініяй. Гэта сведчыць пра тое, што разьбяр ці даволі добра ведаў праваслаўны каляндар, ці карыстаўся нейкім правільным узорам.

Другая выразная група свят пазначаецца знакам у выглядзе лацінскай літары V. Гэта дні шанавання значных святых – Георгія Пераможцы, Мікалая, Пятра і Паўла, Іаана Хрысціцеля, Іаана Багаслова. Можна звярнуць увагу на даты 8 і 9 мая, якія хоць і прысвечаны Іаану Багаслову (кароткая нахіленая рыска) і святому Мікалаю (нахіленая літара V), але ў дадзеным выпадку маюць крыху адрознае пазначэнне, што паказвае на сувязь гэтых свят у народнай культуры: дзень Іаана Багаслова лічыўся ў народзе папярэднім святу Мікалая, таму нават зваўся Мікольны Іван, Бацька Міколы. Адметна, што наступныя дні шанавання гэтых святых, якія прыпадаюць на розныя няблізкія паміж сабой даты, на календары пазначаны ўжо стандартным знакам у выглядзе літары V.

Выключэннем з'яўляецца свята Нараджэння Іаана Хрысціцеля, пазначанае сімвалам, блізкім да тых, якія адносяцца да 1 і 9 сакавіка. Паводле царкоўнай традыцыі, яны не маюць прамой сувязі, за выключэннем таго, што прысвечаны святым, якія прынялі пакутніцкую смерць. У той жа час свята Усекнавенне галавы Іаана Хрысціцеля таксама пазначаецца стандартным знакам у выглядзе літары V.

Іншыя знакі ўжо не дэманструюць падобнай сістэмнасці. Зразумелым з'яўляецца выкарыстанне выявы крыжа, а не доўгай лініі для пазначэння Хрышчэння (6 студзеня). Заўважым яшчэ, што знак, якім пазначана 8 кастрычніка (неідэнтыфікаванае свята), амаль дакладна супадае са знакам, выкарыстаным для свята Макавей (1 жніўня). Імаверна, гэта можа быць сведчаннем наяўнасці нейкай сувязі паміж дзвюма датамі, але выяўлены аспект пакуль застаецца нераскрытым.

Таксама можна з асцярожнасцю патлумачыць знак, што нагадвае сякеру і пазначае дзень памяці святога Іллі (20 ліпеня). У іканаграфіі нярэдка святы Ілля адлюстраваны з мячом у руцэ, што звязана з сюжэтам пакарання жрацоў Ваала. Магчыма, сімвалічная выява сякеры ў дадзеным выпадку з'яўляецца народным пераасэнсаваннем выявы зброі святога. У якасці паралелі можна адзначыць, што на скандынаўскіх календарах таксама сустракаецца пазнака свята ў выглядзе сякеры. Яна адносіцца да дня памяці святога Олафа (29 ліпеня) [19, p. 317].

У сваю чаргу, сімволіка выяў сельскагаспадарчых прылад на календары вельмі празрыстая і зразуме-

лая. Такім чынам маркіруюцца поры года і перыяды асноўных сельскагаспадарчых работ: саха – вясна, аранне; каса – лета, нарыхтоўка сена; серп – мяжа лета і восені, збор ураджаю; падкова – мяжа восені і зімы, зімовае падкоўванне коней; цэп – зіма, малацьба. Мы бачым сімвалічнае адлюстраванне ўсяго земляробчага цыкла. Таксама можна дапусціць і пэўнае магічнае значэнне дадзеных знакаў. Варта звярнуць увагу на апісаны А. Сержпутоўскім звычай у рэгіёне, адкуль паходзіць каляндарны кій. На свята Хрэсцы (сярэдзіна (серада на чацвёртым тыдні) Вялікага посту) на хлебе выпякалі крыжык, саху, барану, серп і іншыя гаспадарчыя рэчы [15, с. 192]. Дадзены звычай можна разглядаць у кантэксце рытуальнага праграмавання сельскагаспадарчага года: стварэнне выяў прылад працы сімвалічна ўзнаўляе адпаведныя перыяды работ, што накіравана на іх паспяховую рэалізацыю.

У цэлым суаднясенне каляндарных перыядаў з пэўнымі відамі работ было пашыранай з’явай у еўрапейскіх краінах аж да позняга Сярэдневякоўя і Новага часу. Беларускія землі не з’яўляюцца выключэннем. У якасці прыкладу можна ўспомніць верш Сімяона Полацкага «Miesięci 12 następują» («Наступаюць 12 месяцаў»), дзе апісваецца паслядоўная змена месяцаў і знакаў задыяка, якія ім адпавядаюць. Кожны месяц, у сваю чаргу, характарызуецца вызначаным для гэтага часу відам заняткаў. Прасочваецца магчымасць уплыву знакаў задыяка на зямныя падзеі [20, с. 127–128]. Каляндарны цыкл гравюр А. Тарасевіча з кнігі «Rosarium et Officium Beatae Mariae Virginis…» (1672) таксама дэманструе сімвалічную сувязь месяцаў, знакаў задыяка і пэўных відаў работ. Акрамя таго, сярод беларускіх валачобных песень ёсць асобная група песень, якія адлюстроўваюць народны каляндар. У іх апісваецца паслядоўнасць свят і іх святых апекуноў, якія выконваюць тую ці іншую сельскагаспадарчую работу, у тым ліку аранне, касьбу, жніво, малацьбу [21, с. 108–184]. Такім чынам, разьбяны драўляны каляндар са Слуцкага павета знаходзіцца ў рэчышчы гэтай даўняй традыцыі.

Разгледжаныя выявы на календары цалкам адпавядаюць мясцовым рэаліям, пры гэтым варта адзначыць пэўныя паралелі са знакамі на скандынаўскіх рунічных календарах, на якіх адлюстраваны тыя ж самыя сельскагаспадарчыя прылады ў тыя ж перыяды года. З аднаго боку, дадзенае падабенства можна патлумачыць блізкімі ўмовамі для вядзення гаспадаркі, а з іншага – нельга выключаць пэўнага запазычвання, але не наўпрост з разьбяных рунічных календароў XVI–XVII стст., а са шведскіх каляндарных табакерак XIX ст., якія сяляне, цалкам верагодна, маглі бачыць. У прыватнасці, на такую імавернасць паказвае выява падковы. Яна рэдка сустракаецца на іншых драўляных календарах, вядомых у праваслаўных рэгіёнах[4], але затое прысутнічае сярод знакаў на скандынаўскіх рунічных календарах і табакерках: перавернутая падкова пазначае 19 лістапада, што звязваецца з вобразам святога Марціна, які ў іканаграфіі часта малюецца вершнікам, а таксама з патрэбай падкоўваць коней перад марозным і слізкім надвор’ем [19, p. 326]. Калі дапускаць імавернасць запазычвання, то відавочна, што беларускі селянін, разьбяр календара, выбраў толькі тыя знакі, якія адпавядаюць мясцовым рэаліям.

Разглядаючы каляндар са Слуцкага павета, нельга абысці ўвагай і магчымыя культурныя паралелі і перадумовы для фарміравання і распаўсюджвання такога тыпу артэфактаў для ўліку часу на тэрыторыі Беларусі. Як адзначала ў 1938 г. К. Крываруказа з с. Ям Пскоўскай вобласці, час раней «считали по неделям» і «на стяны “*зарубочкам и крючочкам отмячали*”»[5] (тут і далей курсіў наш. – *І. Б.*, *Д. С.*). Тут ужо згадваліся сведчанні пра тое, што на тэрыторыі Беларусі таксама практыкаваліся падобныя спосабы складання календароў. Апрача гэтага, М. Анімеле ў працы «Быт белорусских крестьян» пісаў: «Замечают, что в этот день [1 января] – “дзень ужó пабóльшіў на гусіную лапку”. Причина сравнения прибыли дня вот какая: любознательные хозяева *засекают на стене* края последнего луча заходящего солнца и первого восходящего; солнце, поднимаясь выше на небосклоне, восходя и заходя позднее или ранее против того дня, когда *сделаны были заметки*, подвигает взад или вперед и края лучей своих, падающих на стену; а как *заметки делаются в самый кратчайший день*, т. е. 10 декабря, то к 1 января день, без сомнения, уже значительно увеличится, солнце зайдет не на том уже месте, где заходило прежде, и луч его, падавший краем на заметку, подвинется далее; небольшое пространство этого передвижения лучей, будучи длиною приблизительно в гусиную лапку, и подало повод к упомянутому сравнению» [22, с. 228]. Як бачна, падобны спосаб лічэння і нанясення каляндарных адзнак быў пашыраны сярод беларускіх сялян.

Засечкі на календары са Слуцкага павета, якія пазначаюць колькасць дзён, аналагічны засечкам на касцяных падліковых бірках, знойдзеных пры раскопках у Брэсце (датуюцца канцом XII – пачаткам XIV ст.). Дзве такія біркі знаходзяцца ў экспазіцыі археалагічнага музея «Бярэсце». На грані рабра

[4]У літаратуры намі выяўлена адна згадка пра тое, што піктаграма ў выглядзе падковы і малатка выкарыстоўвалася для пазначэння свята Пакровы (1 кастрычніка) і азначала перакоўку коней на зімовыя падковы [6, с. 111].
[5]Eesti Kirjandusmuus. Eesti Rahvaluule Arh. (ERA). Vene 12, 304 (12). (Цытата прыводзіцца з захаваннем моўных асаблівасцей арыгінала.)

жывёлы нанесены трохкутныя засечкі. На адной з бірак пазнакі прысутнічаюць толькі з аднаго боку, а на другой – з абодвух бакоў [23, с. 284–285]. Агульны выгляд засечак сведчыць пра выкарыстанне самага простага і зручнага спосабу нанясення пазнак і дадаткова гаворыць на карысць мясцовага паходжання вывучаемага календара, хоць увогуле падобныя біркі вядомы ў перыяды Сярэдневякоўя і Новага часу як на тэрыторыі Заходняй Еўропы, так і ў Старажытнай Русі. Вывучаючы апошнія, П. Каласніцын адзначае, што «зафиксировано также относительно большое количество бирок, содержащих числа 29 и 30. При этом 28 и 29 встречаются чаще, чем 30. <…> Возможно, ответ кроется в том, что 28 и 29 – это число дней в месяце (лунном или календарном). Вероятно, бирки, содержащие числа, кратные семи, а также 29 и 30, использовались для календарных подсчетов…» [24, с. 272]. Дадзенае назіранне важна для вывучэння пытання паходжання разьбяных календароў і вылучэння іх рэгіянальных тыпаў.

В. Сразнеўскі выдзяляў два віды разьбяных драўляных календароў:

- паўночна-заходні (скандынаўскі);
- паўночна-ўсходні, які існаваў у розных народаў, што насялялі паўночныя рэгіёны Расійскай імперыі.

Агульнымі рысамі двух вылучаных відаў календароў аўтар называе форму (палка, брусок) і размяшчэнне ў гарызантальным радку двух шэрагаў знакаў – штодзённых і святочных. Скандынаўскія календары з’яўляюцца больш дасканалымі, адпавядаюць патрабаванням розных каляндарных разлікаў, засноўваюцца на месячным календары. У скандынаўскіх календарах няма падзелу месяцаў, у той час як у так званых усходніх календарах месяцы вылучаюцца заўсёды. Засечкі для лічэння дзён сустракаюцца на драўляных календарах усіх рэгіёнаў, аднак на скандынаўскіх выкарыстоўваюцца рэдка і пераважна на пазнейшых узорах, тым часам як на ўсходніх сустракаюцца заўсёды. Пры гэтым форма паўночна-ўсходніх календароў таксама адрозніваецца ў залежнасці ад рэгіёна і насельніцтва: чатырохвугольная палка характэрна для ўсходнеславянскага насельніцтва, шасцігранны брусок – для комі і іншых неславянскіх народаў [14, с. 68, 73], хаця варта адзначыць, што такая форма календароў сустракаецца і сярод славянскага насельніцтва.

Да гэтага таксама трэба дадаць яшчэ некалькі характэрных рыс. Адлік года ва ўсходніх календарах часта ідзе з 1 сакавіка, а ў скандынаўскіх – з 1 студзеня. Скандынаўскі каляндар сустракаецца ў каталіцкіх і пратэстанцкіх рэгіёнах, а паўночна-ўсходні – у праваслаўных. Хоць у календарах абодвух тыпаў В. Сразнеўскі вылучаў у якасці агульнай прыкметы два шэрагі знакаў для дзён і свят, для скандынаўскіх календароў часцяком характэрна наяўнасць трох шэрагаў знакаў – дні тыдня, святы, фазы Месяца.

Заключэнне

Разглядаючы разьбяны драўляны каляндар з в. Чудзін Слуцкага павета ў кантэксце адзначаных каляндарных традыцый, можна зрабіць наступныя высновы.

1. Тыпалагічна гэты каляндар можа быць аднесены да так званых паўночна-ўсходніх ці ўсходніх разьбяных драўляных календароў (паводле вызначэння В. Сразнеўскага). На карысць гэтага сведчаць форма палкі-кія, адлік новага года з 1 сакавіка, выкарыстанне насечак для пазначэння дзён, дзяленне на месяцы, размяшчэнне знакаў у два шэрагі, адсутнасць прыкмет месячнага календара (няма знакаў для пазначэння фаз Месяца).

2. Адкрытым застаецца пытанне ўплыву скандынаўскіх разьбяных календароў, у тым ліку праз знаёмства сялян са шведскімі каляндарнымі табакеркамі XIX ст., што выяўляецца ў прысутнасці на календары са Слуцкага павета знакаў для пазначэння перыядаў асноўных сельскагаспадарчых работ, характэрных для скандынаўскіх календароў.

3. На календары са Слуцкага павета адзначаны тыя святы праваслаўнага царкоўнага календара, якія былі важнымі ў народным календары дадзенай мясцовасці, скарыстаны тыповыя для рэгіёна знакі для пазначэння работ. У цэлым можна заключыць, што разгледжаны каляндар у строгім сэнсе не з’яўляецца царкоўным календаром, а адлюстроўвае найбольш значныя рэлігійныя святы, звязаныя з гадавым сельскагаспадарчым цыклам.

4. Можна выказаць здагадку, што ў аснове календара ляжыць архаічны спосаб лічэння часу, адлюстраваны ў сярэдневяковых падліковых і каляндарных бірках, а таксама ў пазнейшых этнаграфічных сведчаннях. Нягледзячы на пэўнае тыпалагічнае падабенства з іншымі артэфактамі такога тыпу, на календары са Слуцкага павета прысутнічае арыгінальная сістэма знакаў для пазначэння святочных дзён, якая, магчыма, узнікла ў папярэдніх стагоддзях і захавалася да пачатку XX ст.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Cucina C. Runes in peripheral Swedish areas. The early ethnographic literature on calendar staves in the Baltic Islands. In: Setaioli A, editore. *Apis Matina. Studi in onore di Carlo Santini*. Trieste: Edizioni Università di Trieste; 2016. p. 188–203.
2. Климка ЛА. Рунические календари в Литве. В: Гурштейн АА, редактор. *Историко-астрономические исследования. Выпуск 18*. Москва: Наука; 1986. с. 339–344.

3. Баранова ОГ. Русские деревянные календари в собрании РЭМ. *Живая старина*. 1998;3:25–28.

4. Баранова ОГ. Болгарский резной деревянный календарь. В: *Вещь в трансляции этничности. Материалы Семнадцатых Международных санкт-петербургских этнографических чтений; 4–6 декабря 2018 г.; Санкт-Петербург, Россия.* Санкт-Петербург: ИПЦ СПГУТД; 2018. с. 297–304.

5. Koleva V, Georgiev I. A wooden calendar from Southeastern Bulgaria. *Aerospace Research in Bulgaria.* 2006;20:341–346.

6. Константинов НА. Народные резные календари. В: *Сборник музея антропологии и этнографии. Том 20.* Москва: Издательство Академии наук СССР; 1961. с. 84–113.

7. Савваитов ПИ. *О зырянских деревянных календарях и о пермской азбуке, изобретенной святым Стефаном.* Москва: Синодальная типография; 1873. 16 с.

8. Пяткевіч Ч. *Рэчыцкае Палессе*. Мінск: Беларускі кнігазбор; 2004. 670 с.

9. Бутов ИС. К вопросу о существовании в г. Вильно храма Юпитера-Перкуна. В: *Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие. Коллективная монография по материалам VIII Международной научно-практической конференции; 28–29 октября 2019 г.; Санкт-Петербург, Россия.* Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена; 2019. с. 354–367.

10. Віцязь С. Драўляны коўш – сярэдневяковы сакральны каляндар. У: *Археалагічны зборнік. Выпуск 1*. Мінск: Юніпак; 2006. с. 87–99.

11. Паньшына І. Ладдзя на хвалях часу (карэц-браціна XVI ст.). *Беларусь.* 1987;3:18Г.

12. Ануфриева ОВ. Медные табакерки военной тематики и табакерка-календарь из собрания ВОКМ. В: Савіцкі ГУ, Шышанаў ВА, Шаркоўская НЮ, рэдактары. *Віцебскія старажытнасці. Матэрыялы навуковых канферэнцый.* Мінск: Нацыянальная бібліятэка; 2013. с. 81–84.

13. Баранова О, Седых В. Белорусский деревянный резной календарь из фондов Российского этнографического музея. В: Плавінскі МА, Сідаровіч ВМ, укладальнікі. *Экспедыцыя працягласцю ў жыццё. Зборнік навуковых артыкулаў памяці Аляксандра Плавінскага.* Мінск: Колорград; 2021. с. 701–708.

14. Срезневский ВИ. *Северный резной календарь.* Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук; 1874. 108 с.

15. Сержпутоўскі АК. *Русальная нядзеля. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў.* Мінск: Вышэйшая школа; 2009. 478 с.

16. Толстая СМ. *Полесский народный календарь*. Москва: Индрик; 2005. 599 с.

17. Moszyński K. *Polesie Wschodnie. Materjały etnograficzne z wschodniej części b. powiatu mozyrskiego oraz z powiatu rzeczyckiego.* Warszawa: Wydawnictwo Kasy im. Mianowskiego; 1928. 328 s.

18. Лозка АЮ, аўтар-укладальнік. *Беларускі народны каляндар.* Мінск: Полымя; 1993. 205 с.

19. Simpson HFM. The Southesk and other rune prime-staves or Scandinavian wooden calendars. *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland.* 1891;25:256–332.

20. Симеон Полоцкий. *Вирши*. Минск: Мастацкая літаратура; 1990. 447 с.

21. *Валачобныя песні*. Мінск: Навука і тэхніка; 1980. 559 с.

22. Анимелле Н. Быт белорусских крестьян. В: *Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. Выпуск 2.* Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца; 1854. с. 111–268.

23. Лысенко ПФ. *Берестье.* Минск: Наука и техника; 1985. 399 с.

24. Колосницын ПП. Коллекция деревянных бирок из раскопок в Старой Руссе: опыт классификации. В: *Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 59-го заседания. Выпуск 29.* Москва: Институт археологии РАН; 2013. с. 266–273.

References

1. Cucina C. Runes in peripheral Swedish areas. The early ethnographic literature on calendar staves in the Baltic Islands. In: Setaioli A, editore. *Apis Matina. Studi in onore di Carlo Santini*. Trieste: Edizioni Università di Trieste; 2016. p. 188–203.

2. Klimka LA. Runic calendars in Lithuania. In: Gurshtein AA, editor. *Istoriko-astronomicheskie issledovaniya. Vypusk 18* [Historical and astronomical research. Issue 18]. Moscow: Nauka; 1986. p. 339–344. Russian.

3. Baranova OG. [Russian wooden calendars in the collection of RME]. *Zhivaya starina*. 1998;3:25–28. Russian.

4. Baranova OG. The Bulgarian carved wooden calendar. In: *Veshch' v translyatsii etnichnosti. Materialy Semnadtsatykh Mezhdunarodnykh sankt-peterburgskikh etnograficheskikh chtenii; 4–6 dekabrya 2018 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [The thing in the translation of ethnicity. Proceedings of the 17th International Saint Petersburg Ethnographic Readings; 2018 December 4–6; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: IPC SPGUTD; 2018. p. 297–304. Russian.

5. Koleva V, Georgiev I. A wooden calendar from Southeastern Bulgaria. *Aerospace Research in Bulgaria.* 2006;20:341–346.

6. Konstantinov NA. [Folk carved calendars]. In: *Sbornik muzeya antropologii i etnografii. Tom 20* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. Volume 20]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of USSR; 1961. p. 84–113. Russian.

7. Savvaitov PI. *O zyryanskikh derevyannykh kalendaryakh i o permskoi azbuke, izobretennoi svyatym Stefanom* [About Zyryansk wooden calendars and the Perm alphabet, invented by St. Stephen]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya; 1873. 16 p. Russian.

8. Pjatkevich Ch. *Rjechyckae Palesse* [Polesie of the Rechitsa region]. Minsk: Belaruski knigazbor; 2004. 670 p. Belarusian.

9. Butov IS. To the question about the existence in Vilnius temple of Jupiter-Perkun. In: *Prirodnoe i kul'turnoe nasledie: mezhdistsiplinarnye issledovaniya, sokhranenie i razvitie. Kollektivnaya monografiya po materialam VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 28–29 oktyabrya 2019 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Natural and cultural heritage: interdisciplinary research, conservation and development. Collective monograph based on the materials of the 8th International scientific and practical conference; 2019 October 28–29; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Publishing House of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen; 2019. p. 354–367. Russian.

10. Vicjaz' S. [Wooden ladle – medieval sacred calendar]. In: *Arhealagichny zbornik. Vypusk 1* [Archaeological collection. Issue 1]. Minsk: Junipak; 2006. p. 87–99. Belarusian.
11. Pan'shyna I. [Boat on the waves of time (ladle of 16th century)]. *Belarus'*. 1987;3:18G. Belarusian.
12. Anufrieva OV. [Brass snuffboxes of military subjects and a snuffbox-calendar from the collection of the Vitebsk Regional Museum of Local Lore]. In: Savicki GU, Shyshanaw VA, Sharkowskaja NJu, editors. *Vicebskija starazhytnasci. Matjeryjaly navukovyh kanferjencyj* [Vitebsk antiquities. Materials of scientific conferences]. Minsk: Nacyjanal'naja biblijatjeka; 2013. p. 81–84. Russian.
13. Baranova O, Sedyh V. [Belarusian wooden carved calendar from the funds of the Russian Museum of Ethnography]. In: Plavinski MA, Sidarovich VM, compilers. *Jekspedycyja pracjaglascju w zhyccjo. Zbornik navukovyh artykulaw pamjaci Aljaksandra Plavinskaga* [Expedition lasting a lifetime. Collection of scientific articles in memory of Alexander Plavinsky]. Minsk: Kolorgrad; 2021. p. 701–708. Russian.
14. Sreznevskii VI. *Severnyi reznoi kalendar'* [Northern carved calendar]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk; 1874. 108 p. Russian.
15. Serzhputowski AK. *Rusal'naja njadzelja. Prymhi i zababony belarusaw-paleshukow* [Sunday of Rusalka. The prejudices and superstitions of the Poleshuk Belarusians]. Minsk: Vyshjejshaja shkola; 2009. 478 p. Belarusian.
16. Tolstaya SM. *Polesskii narodnyi kalendar'* [Folk calendar of Polesie]. Moscow: Indrik; 2005. 599 p. Russian.
17. Moszyński K. *Polesie Wschodnie. Materjały etnograficzne z wschodniej części b. powiatu mozyrskiego oraz z powiatu rzeczyckiego.* Warszawa: Wydawnictwo Kasy im. Mianowskiego; 1928. 328 s.
18. Lozka AJu, author-compiler. *Belaruski narodny kaljandar* [Belarusian folk calendar]. Minsk: Polymja; 1993. 205 p. Belarusian.
19. Simpson HFM. The Southesk and other rune prime-staves or Scandinavian wooden calendars. *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland.* 1891;25:256–332.
20. Simeon Polotskii. *Virshi* [Verses]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1990. 447 p. Russian.
21. *Valachobnyja pesni* [Valachobnyja songs]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1980. 559 p. Belarusian.
22. Animelle N. [Life of Belarusian peasants]. In: *Etnograficheskii sbornik, izdavaemyi Imperatorskim Russkim geograficheskim obshchestvom. Vypusk 2* [Ethnographic collection of the Imperial Russian Geographical Society. Issue 2]. Saint Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa; 1854. p. 111–268. Russian.
23. Lysenko PF. *Berest'e* [Berestye]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1985. 399 p. Russian.
24. Kolosnitsyn PP. Collection of medieval wooden tally sticks from Staraya Russa. In: *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli. Seminar imeni akademika V. V. Sedova. Materialy 59-go zasedaniya. Vypusk 29* [Archeology and history of Pskov and the Pskov land. Seminar named after academician V. V. Sedov. Materials of the 59th meeting. Issue 29]. Moscow: Institute of Archeology RAS; 2013. p. 266–273. Russian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 17.05.2021.
Received by editorial board 17.05.2021.

Критика и библиография

Крытыка і бібліяграфія

Review and bibliography

Витязь С. П., Медведева О. В., Дучиц Л. В. **Исследователи археологических древностей Беларуси** : биобиблиогр. справ. Минск : Белорус. наука, 2020. 504 с. (на белорус.).

Віцязь С. П., Мядзведзева В. У., Дучыц Л. У. **Даследчыкі археалагічных старажытнасцей Беларусі** : біябібліягр. давед. Мінск : Беларус. навука, 2020. 504 с.

Vitsiaz S. P., Miadzviedzieva V. U., Duchyts L. U. **Researchers of the archaeological antiquities of Belarus** : a bibliogr. guide. Minsk : Belaruskaja navuka, 2020. 504 p. (in Belarus.).

У самым канцы 2020 г. на паліцах айчынных кнігарань з'явілася новае выданне – біябібліяграфічны даведнік «Даследчыкі археалагічных старажытнасцей Беларусі». Публікацыя была падрыхтавана калектывам вядомых археолагаў і гісторыкаў – С. П. Віцязем, В. У. Мядзведзевай і Л. У. Дучыц. Ідэя складання даведніка належала В. У. Мядзведзевай. Навуковае рэдагаванне ажыццяўляў член-карэспандэнт Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар І. А. Марзалюк.

Навукова-даведачныя выданні, у тым ліку біяграфічныя слоўнікі і бібліяграфічныя паказальнікі, нязменна з'яўляюцца адным з запатрабаваных жанраў спецыяльнай літаратуры. Традыцыйна яны лічацца важным паказчыкам дысцыплінарнага станаўлення навукі. Акрамя таго, ва ўмовах актыўнага развіцця новых напрамкаў гістарыяграфіі, у першую чаргу прасапаграфічных даследаванняў і інтэлектуальнай гісторыі, гісторыка-біяграфічныя энцыклапедычныя публікацыі набываюць асаблівую значнасць. Таму, безумоўна, з'яўленне біябібліяграфічнага даведніка стала важнай падзеяй у айчынным навуковым жыцці. Варта дадаць, што кніга ўжо прыцягнула ўвагу краязнаўчай супольнасці і атрымала добрыя водгукі[1].

Даведнік складаецца з уводзін, асноўнай часткі, заключэння і спіса літаратуры. Несумненным станоўчым бокам публікацыі з'яўляецца наяўнасць імяннога паказальніка.

З уводзін чытач даведаецца, што «выданне прадстаўляе сабой зварот да археалагічнай навукі Беларусі з пазіцый навуказнаўства» (с. 4). Ва ўступнай частцы можна знайсці характарыстыку метадаў «апрацоўкі навуказнаўчых ведаў» (с. 5), але немагчыма ўдакладніць істотныя акалічнасці, якія датычацца прынцыпаў укладання даведніка. У прыватнасці, менавіта на першых старонках слоўніка лагічна было б размясціць інфармацыю аб тыпавой структуры артыкулаў. Аднак схема персанальнага апісання знаходзіцца ў самым канцы кнігі (с. 487). Акрамя таго, не раскрыта пытанне аб крыніцах, з якіх атрыманы біяграфічныя звесткі аб асобах, узгаданых у даведніку. Варта было б падкрэсліць, што ў кнізе выкарыстаны не толькі апублікаваныя матэрыялы. Некалькі гадоў таму аўтары правялі апытанне ўсіх дзеючых археолагаў, а атрыманыя адказы (прынамсі, часткова) пазней дапоўнілі данымі, узятымі з персанальных старонак на афіцыйных сайтах устаноў. Таксама застаецца незразумелым, якія архіўныя фонды (прычым не справаздачы аб палявых даследаваннях, а дакументы асабістага характару) вывучалі ўкладальнікі.

Асноўная частка даведніка складаецца з сямі раздзелаў. Першы раздзел уяўляе сабой нарыс развіцця беларускай археалогіі ў XVI–XXI стст. Аўтары сканцэнтравалі сваю ўвагу на гісторыі палявога вывучэння тэрыторыі краіны, разглядзелі асноўныя этапы стварэння і рэарганізацыі навуковых устаноў. Аднак калі інстытуцыянальная гісторыя археалогіі

[1] *Кандратовіч І.* Даследчыкі археалагічных старажытнасцей Беларусі // Міёр. даўніна. 2020. Снеж. (№ 12). С. 3–8.

XIX – сярэдзіны XX ст. прадстаўлена падрабязна і змястоўна, то перыяд апошняй чвэрці XX – пачатку XXI ст. асветлены недастаткова. У кнізе распавядаецца пераважна аб дзейнасці супрацоўнікаў Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Цалкам праігнараваны такія важныя пытанні, як станаўленне археалагічнай адукацыі ў краіне, развіццё айчыннай музейнай археалогіі.

Наступныя шэсць раздзелаў утрымліваюць біяграфічныя і бібліяграфічныя даныя больш за 900 асоб, якія прычыніліся да вывучэння археалагічных старажытнасцей Беларусі. Аўтары правялі вялікую працу, сабраўшы звесткі не толькі аб буйных навукоўцах, чые імёны ва ўсіх на слыху, але і аб малавядомых аматарах даўніны і краязнаўцах. На старонках кнігі падрабязна распавядаецца аб гісторыках, этнографах, а таксама спецыялістах у галіне прыродазнаўчанавуковых дысцыплін, якія садзейнічалі развіццю беларускай археалогіі. Значнае месца адводзіцца асвятленню біяграфій ураджэнцаў Беларусі, што зрабілі ўнёсак у даследаванне археалагічных помнікаў па-за межамі радзімы.

Даведнік сфарміраваны паводле тэматычна-храналагічнага прынцыпу. Выкарыстанне такога падыходу ўяўляецца не вельмі ўдалым. Напрыклад, паўстае пытанне: «У якім раздзеле можна знайсці інфармацыю аб С. С. Шутаве, які падчас навучання на медыцынскім факультэце БДУ ў 1920-я гг. актыўна ўдзельнічаў у дзейнасці ўніверсітэцкага краязнаўчага таварыства?» Даведнік уключае дзве патэнцыйна прыдатныя часткі: «Даследчыкі старажытнасцей XIX – першай паловы XX ст.» і «Краязнаўцы і дапаможны персанал XX–XXI стст.». Аднак біяграма С. С. Шутава нечакана аказваецца змешчанай у раздзеле «Спецыялісты розных галін навукі ў археалогіі XX–XXI стст.» (с. 338). Больш зручным для чытача было б звыклае размяшчэнне ўсіх біябібліяграфічных артыкулаў у алфавітным парадку.

Асобнай увагі заслугоўвае фармуляр персанальнага апісання. Ён утрымлівае наступныя пункты: 1) асабістыя даныя; 2) адукацыя; 3) навуковая або прафесійная кваліфікацыя; 4) навуковая альбо прафесійная дзейнасць; 5) тэматыка навуковых даследаванняў, кола навуковых інтарэсаў; 6) экспедыцыйная дзейнасць; 7) адметныя вынікі; 8) навуковыя публікацыі; 9) літаратура аб даследчыку; 10) дакументальныя фотаматэрыялы; 11) навуковыя і графічныя матэрыялы (с. 487). Разам з тым ва ўсіх біяграмах, прыведзеных у выданні, звесткі даюцца толькі згодна з пунктамі 1–9.

Кожны артыкул пачынаецца з адлюстравання асабістых даных навукоўцаў (прозвішча, імя, імя па бацьку, гады жыцця і месца нараджэння і смерці). Нельга пагадзіцца з напісаннем цэлага шэрагу прозвішчаў: В. Е. Гарутт (с. 353), І. К. Гессэ (с. 54), Г. Э. Гіттэрман (с. 356), Ф. І. Іоффэ (с. 363), А. К. Палладзіеў (с. 441). Згодна з правіламі беларускай мовы падвоеныя зычныя ў запазычаных словах, у тым ліку ва ўласных імёнах, не пішуцца. Прозвішчы замежных даследчыкаў ва ўсіх выпадках прадстаўлены выключна па-беларуску. Варта было б прывесці аналагічныя звесткі і на мове арыгінала.

Нават пры павярхоўным азнаямленні з артыкуламі можна заўважыць адрозненні ў ступені паўнаты біяграфічных звестак аб асобах, уключаных у выданне. Аўтары добра ўсведамляюць гэты недахоп (с. 5–6), тыповы для публікацый такога роду. Больш істотнымі ўяўляюцца цяжкасці, з якімі сутыкнуліся ўкладальнікі даведніка, вызначаючы ўнёсак тых ці іншых спецыялістаў у справу развіцця беларускай археалогіі. Надзвычай выразна гэтыя праблемы праступілі ў звестках, прыведзеных у пунктах 5, 7.

Згодна са схемай апісання характарыстыка тэматыкі навуковых даследаванняў, кола навуковых інтарэсаў павінна была весціся паводле наступнага плана – «тэмы, арэалы даследаванняў, эпохі» (с. 487). Аднак у шматлікіх выпадках інфармацыя, прыведзеная ў гэтым пункце, фактычна дубліравала даныя, змешчаныя ў наступнай частцы, прысвечанай палявой дзейнасці даследчыка. У цэлым шэрагу артыкулаў можна знайсці малаінфарматыўныя сцверджанні. Напрыклад, пра графа А. С. Уварава, аднаго з буйнейшых рускіх археолагаў XIX ст., паведамляецца, што ён «займаўся археалогіяй» (с. 124). Застаецца здагадвацца, якое дачыненне да тэматыкі навуковых даследаванняў М. В. Доўнар-Запольскага маюць «сувязі з А. Сапуновым, А. Ельскім, Е. Раманавым і інш.» (с. 63).

Непаслядоўна прааналізаваны і адметныя вынікі. Гэты пункт кожнага артыкула, у адпаведнасці з задумай укладальнікаў, павінен утрымліваць вельмі разнапланавыя звесткі – «значныя высновы, дасягненні, членства ў навуковых арганізацыях, узнагароды» (с. 487). Аднак пры падрыхтоўцы біяграфічных даведак асноўная ўвага аўтарскага калектыву была скіравана не столькі на асэнсаванне месца даследчыка ў гісторыі айчыннай навукі, колькі на пералік ганаровых грамат, званняў і іншых форм прызнання навуковых заслуг. Выклікае здзіўленне той факт, што ў артыкулах пра многіх археолагаў, у тым ліку такога карыфея навукі, як Р. Рыманцене, у графе «адметныя вынікі» стаіць прочырк (с. 286). У шматлікіх выпадках змест гэтага пункта не мае дачынення да археалогіі Беларусі ці нават археалогіі ў прынцыпе. Напрыклад, з тэксту пра А. У. Аўсянікава чытач даведаецца, што ён «зрабіў важкі ўклад у палявыя даследаванні Рускай Поўначы» (с. 152). У артыкуле пра Д. Л. Рагоўскага адзначана, што ён «упершыню ў Беларусі пачаў выкладаць эканамічныя дысцыпліны ў сярэдняй школе (г. Мінск)» (с. 455). Фармуляр апісання прадугледжвае асвятленне выключна навуковых і арганізацыйна-навуковых старонак біяграфій, аднак у біяграмах І. А. Марзалюка,

З. С. Пазняка, А. А. Трусава прыведзены і дадатковыя звесткі аб грамадска-палітычнай дзейнасці навукоўцаў (с. 251, 264–265, 310).

Бібліяграфічны кампанент слоўніка прадстаўлены «манаграфічнымі працамі і асноўнымі публікацыямі» (с. 487). Аўтары не патлумачылі прынцыпы ўкладання гэтых спісаў. Безумоўна, паняцце асноўных даследаванняў можа трактавацца даволі шырока, але цяжка пагадзіцца з рэгулярным пералікам тэзісаў і матэрыялаў канферэнцый аб'ёмам дзве-тры старонкі. Бібліяграфічную частку варта было б дапоўніць адсылкамі да рэцэнзій, напісаных на публікацыі таго даследчыка, якому прысвечаны пэўны артыкул даведніка. Акрамя таго, фарміраванне паўнавартаснай карціны развіцця беларускай археалогіі патрабуе звароту і да публікацый мемуарнага характару – матэрыялаў, не ўлічаных у разглядаемым выданні. Нельга не аспрэчыць і ўключэнне ў пункт «літаратура аб даследчыку» спасылак на архіўныя матэрыялы (гл., напрыклад, с. 94, 415). Інфармацыю аб архіўных крыніцах, асабістых фондах навукоўцаў у бібліятэках трэба было б вынесці ў асобную графу.

Біябібліяграфічны даведнік багата ілюстраваны. Амаль усе слоўнікавыя артыкулы суправаджаюцца партрэтамі, тэкставая частка выдання дапаўняецца падборкай фотаздымкаў канца XIX – пачатку XXI ст., якія не толькі адлюстроўваюць асноўныя напрамкі дзейнасці беларускіх навукоўцаў, але і добра перадаюць атмасферу розных эпох. Несумненную крыніцазнаўчую вартасць фотадакументаў у пэўнай ступені абмяжоўвае адсутнасць звестак аб месцы іх захоўвання.

У заключэнне неабходна падкрэсліць, што заўвагі і прапановы ні ў якой меры не прыніжаюць заслуг укладальнікаў даведніка. Яны не толькі паставілі надзвычай цікавую і перспектыўную задачу – стварэнне панарамы беларускай археалогіі, дадзенай скрозь прызму біяграфій даследчыкаў, але і заклалі трывалы падмурак для яе вырашэння. Выданне з'яўляецца вынікам тытанічных захадаў па пошуку і сістэматызацыі вялікіх масіваў біяграфічных і бібліяграфічных звестак, у значнай меры маладомых і маладаследаваных. Безумоўна, у кнізе, што ўключае больш за 900 слоўнікавых артыкулаў, недахопы амаль непазбежныя. Аднак яны кампенсуюцца агульнай пазнавальнай вартасцю наватарскага выдання, а таксама з'яўляюцца добрай нагодай паразважаць, ці можа рэалізацыя такіх маштабных праектаў, як укладанне біябібліяграфічнага даведніка, ажыццяўляцца намаганнямі выключна невялікага калектыву. Уяўляецца, што праца павінна весціся шырокім колам спецыялістаў, прычым супрацоўнікамі не толькі сталічных, але і рэгіянальных навуковых і адукацыйных устаноў.

Аўтары не збіраюцца спыняцца на дасягнутым і плануюць працягваць распачатую справу. І гэта не можа не радаваць, таму што публікацыя адмысловага летапісу беларускай археалогіі ў асобах – важнейшы крок на шляху захавання калектыўнай памяці.

А. У. Вайтовіч[2]

[2]*Александра Владимировна Вайтович* – кандидат исторических наук; доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета Белорусского государственного университета.

Аляксандра Уладзіміраўна Вайтовіч – кандыдат гістарычных навук; дацэнт кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Aliaksandra U. Vaitovich, PhD (history); associate professor at the department of archaeology and special historical disciplines, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: *vaitovich.aliaksandra@gmail.com*

Цеде Ф., Просл К. **Амбициозность и реальность : внешняя политика Австрии с 1945 г.** Инсбрук : Штудиен Ферлаг, 2017. 170 с. (на англ.).

Цэдэ Ф., Просл Х. **Амбітнасць і рэальнасць : знешняя палітыка Аўстрыі з 1945 г.** Інсбрук : Штудіэн Фэрлаг, 2017. 170 с. (на англ.).

Cede F., Prosl C. **Ambition and reality : Austria's foreign policy since 1945**. Innsbruck : Studien Verlag, 2017. 170 p.

The year 1955 was a landmark year for Austria. At that time, she acquired an internationally recognised neutral status and concluded the state treaty with the USSR, the United Kingdom, the United States and France, which restored her independence and democratic institutions and ensured the end of her post-war occupation by these states that had lasted from 1945. All of this became possible thanks largely to Austrian politicians and diplomats. Federal Chancellor Julius Raab, Vice-Chancellor Adolf Schärf, Foreign Minister Leopold Figl and State Secretary Bruno Kreisky – it was they who, despite the continued occupation of Austria by the Allies after the end of the Second World War, were successful in facilitating her international recognition and full inclusion in the European political community (p. 30).

The authors of the book «Ambition and reality» Franz Cede[1] and Christian Prosl[2] have themselves worked for a long time in the diplomatic service, including both the Ministry of Foreign Affairs headquarters and the overseas missions: the former – in Paris, Rabat, Kinshasa, Los Angeles, Moscow and Brussels, the latter – in Los Angeles, Berlin, Washington and, before that, in Burkina Faso and Rwanda within the United Nations Development Programme.

Having devoted their joint research to the history of Austrian foreign policy from 1945 until nowadays, both diplomats have made an important conclusion: it was during this very period when the combination of activeness and caution in foreign policy and its peaceful nature became the paramount importance for Austria in the international arena. What is more, the authors of the book asked the following question: «Does Austria have a foreign policy strategy and are there any distinguishing features in it» (p. 17–18)? To answer it, F. Cede and C. Prosl employed a descriptive and retrospective approach, trying to provide the most impartial (*sine ira et studio*, as they expressed it in Latin) overview of the events of the Austrian history in the middle and the second half of the 20th century.

The question posed by the authors of the book is a very reasoned one. Active neutrality policy, priority of relations with immediate neighbours, humanitarian and human rights initiatives, participation in international peacekeeping – all of this, to one degree or another, is typical not only for Austria, but also for other countries. The neighbouring Switzerland, for example, is also located at the crossroads of various languages and cultures and considers herself as a bridge-builder between the West and the East[3] (p. 17–18, 25, 36).

While answering their question, F. Cede and C. Prosl demonstrated in their book that in the period after the Second World War, the Austrian foreign policy was not devoid of distinguishing features. One of these unique features was that for more than 17 years, this country had to live under occupation – first by Germany (from the Anschluss of 12 March 1938 to the proclamation of independence by the interim government headed by Chancellor Karl Renner on 27 April, 1945), and then by the Allies (from 27 April 1945 to 27 July 1955, when the state treaty[4] entered into force). The authors of the book commended the successes of post-war Austria, which managed to quickly restore her state institutions, including the foreign service, as well as her economy, financial system and infrastructure (p. 20–22). This was mostly due to the fact that in Austria, despite her being divided into four occupation zones, the government controlled the entire territory, unlike in Germany, which was separated into two states (p. 24–25). The Marshall Plan also applied to all occupation zones in Austria, including the Soviet one, notwithstanding the initial dissatisfaction by the USSR and the denouncing statements by the Austrian Communist Party, which, however, was not an influential one, having at that time only four representatives in parliament (p. 24, 27). Moreover, F. Cede and C. Prosl drew attention to the very formulation of the question of the status of Austria after the end of the war: even despite the Austrian diplomats were initially unable to directly participate in the negotiations of the Allies, it was largely thanks to them that she did not sign a *peace treaty* (like the ones signed with Italy, Romania, Hungary, Bulgaria and Finland in 1947), but a *state treaty*, which emphasised the fact that Austria did not belong to the Axis powers, but had been occupied by Germany (p. 30).

---

[1]*Franz Cede*, doctor of law; former Austrian ambassador to Zaire, Russia and Belgium, director of the International Law Office in the Ministry of Foreign Affairs, senior advisor at the Austrian Institute for European and Security Policy, professor for diplomacy at the Andrassy University in Budapest.

[2]*Christian Prosl*, doctor of law; former Austrian ambassador to Germany and the United States, head of the department for Western and Northern Europe, head of the Legal and Consular Section in the Ministry of Foreign Affairs, president of the Austrian Cultural Association.

[3]Foreign policy strategy 2020–23 / Federal department of foreign affairs. Bern : Federal department of foreign affairs, 2020. P. 8, 24.

[4]State treaty for the re-establishment of an independent and democratic Austria // Bundesgesetzbl. für die Republ. Österreich. 1955. Nr. 152. S. 762–779.

Another feature of Austrian foreign policy was her permanent neutrality, which did not have deep historical roots as in some other European states (Switzerland, Sweden, Liechtenstein), but was declared on 26 October 1955[5] in accordance with the provisions of the Moscow Memorandum signed on 15 April 1955, exactly one month before the conclusion of the state treaty. The authors of the book considered the signing of these documents and the declaration of neutrality as a major success for Austrian diplomacy (p. 30). At the same time, it was a compromise decision to suit the USSR being concerned about the strengthening of NATO, which at that time was preparing to admit the Federal Republic of Germany as its member in accordance with the Paris protocol of 23 October 1954 and the law of 24 March 1955 (Germany joined the Alliance on 6 May 1955)[6].

F. Cede and C. Prosl pointed out that Austrian permanent neutrality was modelled upon the Switzerland's as it is the oldest state in the world with such status[7] (p. 39). The corresponding foreign policy was being developed and implemented by the Austrian Ministry of Foreign Affairs, created in 1959, which was at various times headed by Bruno Kreisky, Kurt Waldheim and Rudolf Kirchschläger (p. 35). Their policy was based on the concept of *active neutrality*. According to the authors of the book, this term was coined in Austria (p. 106). However, already in 1953, the head of the Federal Political Department (the Swiss Foreign Office) Max Petitpierre said that neutrality should be active, particularly in the humanitarian sphere, and manifest itself in collaboration with other countries in all possible areas, including in peacetime[8], which allows to trace an even deeper connection with the Swiss experience in this field.

A significant part of the book is devoted to the history of diplomacy and international relations in Europe in the second half of the 20th century. The book deals with such key events as the Hungarian Revolution of 1956, the Warsaw Pact invasion of Czechoslovakia in 1968, the breakup of Yugoslavia and the dissolution of the Soviet Union. In each chapter, F. Cede and C. Prosl characterised both the general situation in the region and the Austrian position or response to these events, as well as the moments when she most notably demonstrated herself. In particular, in 1966 Austria was the first Western country to support the Soviet Union's idea of convening a pan-European conference, which would later become the Conference on Security and Cooperation in Europe, the highest point of détente during the Cold War. It was in Vienna, the capital of Austria, where the CSCE Centre for Conflict Prevention opened up in 1991 and where the CSCE headquarters moved to in 1993 (since 1996, it has been the headquarters of the Organisation for Security and Cooperation in Europe) (p. 58–59). What is more, in June 1993, Vienna hosted the United Nations World Conference on Human Rights, which adopted, at the initiative of Austria, the Vienna Declaration and Programme of Action – a document where the protection of human rights was for the first time not considered as interference in the internal affairs of a country in which they are violated, but as the solemn commitment of all states[9] (p. 63). It is also worth noting that before her accession to the European Union in 1995, Austria remained the only country in the world that did not recognise the legal succession of the Russian Federation to the USSR, which emphasised the independent stance of Austrian foreign policy (p. 107).

The book also contains examples of successful personal initiatives of Austrian diplomats. The most impressive of them was the work of the Austrian Embassy in Czechoslovakia headed by R. Kirchschläger, who issued tens of thousands of entry visas for citizens of this country and helped them flee to Austria from the Warsaw Pact invasion in August 1968. It is important to stress that the Austrian ambassador did this contrary to the recommendations of Foreign Minister K. Waldheim, but in accordance with the *humanitarian traditions* of his country, thereby showing diplomatic and political foresight (p. 44).

F. Cede and C. Prosl devoted a number of chapters of their book to the bilateral relations of Austria with certain countries of Europe and other parts of the world. The Belarusian researchers may find it interesting that this country is mentioned twice in the book: within Austria's cooperation with the Central European Initiative member states, one of which is Belarus (p. 79), as well as while discussing the dissolution of the USSR and the formation of new independent states on its territory, where – with the exception of Belarus, the authors emphasised, – reforms have been carried out based on the concepts of democracy, the free market economy and the rule of law (p. 107).

---

[5]Bundesverfassungsgesetz vom 26. Oktober 1955 über die Neutralität Österreichs // Bundesgesetzbl. für die Republ. Österreich. 1955. Nr. 211. S. 115.

[6]Gesetz betreffend den Beitritt der Bundesrepublik Deutschland zum Brüsseler Vertrag und zum Nordatlantikvertrag // Bundesgesetzbl. Teil II. 1955. Nr. 7. S. 256–294.

[7]Memorandum über die Ergebnisse der Besprechungen zwischen der Regierungsdelegation der Sowjetunion und der Regierungsdelegation der Republik Österreich. Art. I, II [Elektronische Ressource] // Centre Virtuel de la Connaiss. Sur l'Europe. URL: https://www.cvce.eu/de/obj/memorandum_uber_die_besprechungen_der_sowjetunion_und_osterreich_15_april_1955-de-63977731-04e8-4657-87fa-1d48c3ea6a18.html (Datum der Bewerbung: 27.05.2021).

[8]La neutralité suisse. Conférence donnée le 28.5.1953 à Neuchâtel par Max Petitpierre, Conseiller fédéral. P. 18 [Ressource électronique] // Documents diplomatiques suisses. URL: https://dodis.ch/14036 (date d'accès : 27.05.2021).

[9]Vienna declaration and programme of action Art. 1, 34–37 [Electronic resource] // Office of the United Nations High Commissioner for Hum. Rights. URL: https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/Vienna.aspx (date of access: 27.05.2021).

In addition, sufficient attention in the book is given to the policy of Austria as a host state, her human rights initiatives, peace and humanitarian policy, cultural diplomacy, foreign economic policy, and development cooperation. The authors did not overlook such complex moments in Austrian politics as the status of South Tyrol in Austria's relations with Italy and the issue of restitution and compensation for victims of the Nazi regime after the end of the Second World War.

The book «Ambition and reality» has a logical structure, each chapter provides an adequate, detailed and self-sufficient overview of its topic. It is of high scientific interest both for those studying the history and politics of Austria, and for those studying the history of diplomacy and international relations in general. Returning to their question posed at the beginning of the book, F. Cede and C. Prosl noted that the development of a long-term foreign policy strategy for Austria is an issue that still needs to be addressed in the future (p. 157). At the same time, the authors made a number of recommendations to the leadership of Austria and all interested parties and stressed that foreign policy is the business of each and every citizen.

I. U. Zuyeu[10], ***V. I. Menkouski***[11]

[10]*Илья Владимирович Зуев* – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений, специалист управления международных связей Белорусского государственного университета.

Ільля Уладзіміравіч Зуеў – кандыдат гістарычных навук; старшы навуковы супрацоўнік кафедры міжнародных эканамічных адносін факультэта міжнародных адносін, спецыяліст упраўлення міжнародных сувязяў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Ilya U. Zuyeu, PhD (history); senior researcher at the department of international economic relations, faculty of international relations, officer at the international relations directorate, Belarusian State University.

E-mail: *ilya.zuefff@gmail.com*

https://orcid.org/0000-0001-6103-7155

[11]*Вячеслав Иванович Меньковский* – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета.

Вячаслаў Іванавіч Менькоўскі – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Viachaslau I. Menkouski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: *menkovski@bsu.by*

https://orcid.org/0000-0003-3417-4589

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

К столетию создания БГУ

Кохановский А. Г., Яновский О. А. Становление и развитие исторической науки в Белорусском государственном университете (1920–50-е гг.) 7

Яновский О. А. Становление математического образования и науки в Белорусском государственном университете (1919 г. – 1920-е гг.) 19

Малюгин О. И. Антон Никитич Ясинский и становление белорусской медиевистики в 1920-х гг. ... 33

Острога В. А. Роль Белорусского государственного университета в становлении преподавания новой и новейшей истории зарубежных стран в высших учебных заведениях Беларуси в 1930–70-х гг.... 45

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

Арлукевич А. Б. Воинский квартирный сбор в Беларуси (вторая половина XIX – начало XX в.) 52

Хроленок Е. В. Мещане и крестьяне в социальной структуре Стародубского полка (1654–1781) ... 71

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Курс И. Л. Внутриполитическая борьба в Шотландии по вопросу статуса региона в 2007–2011 гг. 80

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

Гужаловский А. А. Становление памятникоохранной деятельности в БССР в период «оттепели» (1953–1968) 86

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Бутов И. С., Скворчевский Д. В. Традиционный белорусский деревянный календарь из Слуцкого уезда 97

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Вайтович А. В. Витязь С. П., Медведева О. В., Дучиц Л. В. Исследователи археологических древностей Беларуси 111

Зуев И. В., Меньковский В. И. Цеде Ф., Просл К. Амбициозность и реальность: внешняя политика Австрии с 1945 г. 114

ЗМЕСТ

Ад рэдакцыі 5

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

Да стагоддзя стварэння БДУ

Каханоўскі А. Г., Яноўскі А. А. Станаўленне і развіццё гістарычнай навукі ў Беларускім дзяржаўным універсітэце (1920–50-я гг.) 7

Яноўскі А. А. Станаўленне матэматычнай адукацыі і навукі ў Беларускім дзяржаўным універсітэце (1919 г. – 1920-я гг.) 19

Малюгін А. І. Антон Нікіціч Ясінскі і станаўленне беларускай медыявістыкі ў 1920-я гг. 33

Астрога В. А. Роля Беларускага дзяржаўнага універсітэта ў станаўленні выкладання новай і навейшай гісторыі замежных краін у вышэйшых навучальных установах Беларусі ў 1930–70-я гг. 45

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

Арлукевіч А. Б. Воінскі кватэрны збор у Беларусі (другая палова XIX – пачатак XX ст.) 52

Хралянок Я. В. Мяшчане і сяляне ў сацыяльнай структуры Старадубскага палка (1654–1781) 71

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

Курс І. Л. Унутрыпалітычная барацьба ў Шатландыі па пытанні статусу рэгіёна ў 2007–2011 гг. 80

МУЗЕЯЗНАЎСТВА

Гужалоўскі А. А. Станаўленне помнікаахоўнай дзейнасці ў БССР у перыяд «адлігі» (1953–1968) 86

КРЫНІЦАЗНАЎСТВА

Бутаў І. С., Скварчэўскі Д. В. Традыцыйны беларускі драўляны каляндар са Слуцкага павета 97

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

Вайтовіч А. У. Віцязь С. П., Мядзведзева В. У., Дучыц Л. У. Даследчыкі археалагічных старажытнасцей Беларусі 111

Зуеў І. У., Менькоўскі В. І. Цэдэ Ф., Просл Х. Амбітнасць і рэальнасць: знешняя палітыка Аўстрыі з 1945 г. 114

CONTENTS

Editorial 5

SPECIAL TOPIC SECTION

Belarusian State University celebrates 100th anniversary

Kakhanouski A. G., Yanouski A. A. Formation and development of historical science in the Belarusian State University (1920–50s) 7

Yanouski A. A. Formation of mathematical education and science at the Belarusian State University (1919 – 1920s) 19

Maliugin O. I. Anton Nikitich Yasinsky and the formation of the Belarusian Medieval studies in the 1920s 33

Astroha V. A. The role of the Belarusian State University in the formation of teaching modern and contemporary history of foreign countries in higher educational institutions of Belarus in the 1930–70s 45

BELARUSIAN HISTORY

Arlukevich A. B. The military apartment fee in Belarus (second half of the 19th – early 20th century) 52

Khrolenok E. V. Townspeople and peasants in social structure Starodub regiment (1654–1781) 71

WORLD HISTORY

Kurs I. L. Internal political struggle in Scotland on the issue of the region status in 2007–2011 80

MUSEOLOGY

Huzhalouski A. A. Formation of monument protection activities in Soviet Belarus in the years of «thaw» (1953–1968) 86

SOURCE STUDIES

Butov I. S., Skvarcheuski D. V. Traditional Belarusian wooden calendar from Sluck County 97

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

Vaitovich A. U. Vitsiaz S. P., Miadzviedzieva V. U., Duchyts L. U. Researchers of the archaeological antiquities of Belarus 111

Zuyeu I. U., Menkouski V. I. Cede F., Prosl C. Ambition and reality: Austria's foreign policy since 1945 114

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Журнал Белорусского государственного университета. История.
№ 3. 2021

Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.
№ 3. 2021

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.
Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: jhistory@bsu.by
URL: https://journals.bsu.by/index.php/history

«Журнал Белорусского государственного университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы *А. В. Агеева*, *О. А. Семенец*, *Е. В. Жерносек*
Технический редактор *А. Ю. Лещинская*
Корректоры *А. С. Горгун*, *Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 30.07.2021.
Тираж 100 экз. Заказ 283.

Республиканское унитарное предприятие «Информационно-вычислительный центр Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2021

Journal of the Belarusian State University. History.
No. 3. 2021

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.
Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.
Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: jhistory@bsu.by
URL: https://journals.bsu.by/index.php/history

«Journal of the Belarusian State University. History» published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU. Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors *A. V. Aheyeva, O. A. Semenets, E. V. Zhernosek*
Technical editor *A. Y. Leshchinskaya*
Proofreaders *A. S. Gorgun, L. A. Merkul’*

Signed print 30.07.2021.
Edition 100 copies. Order number 283.

Republican Unitary Enterprise «Informatsionno-vychislitel’nyi tsentr Ministerstva finansov Respubliki Belarus’».
License for publishing No. 02330/89, 2014 March 3.
17 Kal’varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2021